

ДЕКАБРИСТЫ

Актуальные направления
исследований

Сборник статей

**Декабристы. Актуальные
направления исследований**

«Нестор-История»

2014

УДК 947.073.1
ББК 63.3(2)47

Сборник статей

Декабристы. Актуальные направления исследований / Сборник статей — «Нестор-История», 2014

ISBN 978-5-4469-0483-9

В сборнике представлены статьи современных исследователей по проблемным направлениям актуальных разработок в области истории декабристов. Публикуются работы, затрагивающие проблемы восприятия декабристами идей европейского либерализма, отечественной традиции «дворцовых переворотов», влияния на декабристов политики Александра I. Значительное внимание уделяется изучению тайных обществ, анализу политической деятельности их лидеров, отношению к декабристам представителей современного им общества, мало известным декабристским персоналиям. В сборнике впервые публикуются справочные материалы: полный свод данных о топографии и хронологии заключения декабристов в Петропавловской крепости, основанный на архивных документах, и уникальная историческая справка о Комендантском доме Петропавловской крепости. Заключает сборник раздел, посвященный проблемам декабристведческой историографии. Издание адресовано специалистам по истории России XIX в. и всем интересующимся отечественной историей.

УДК 947.073.1

ББК 63.3(2)47

ISBN 978-5-4469-0483-9

© Сборник статей, 2014

© Нестор-История, 2014

Содержание

Актуальные направления в изучении истории декабристов вчера и сегодня: некоторые оценки и наблюдения	6
I. Декабристы в историческом процессе	22
Античный политический миф о спартанском царе Феопомпе (VIII в. до н. э.) и русская общественная мысль XVIII–XIX вв. н. э.	22
Политические идеи декабристов и традиции западного либерализма: проблемы сопоставления	38
Традиция дворцовых переворотов в России и декабристы	57
Декабризм и Речь Посполитая	74
Бывшие члены декабристских обществ и дело петрашевцев	86
II. Декабристские союзы, власть и общество	113
«Для избежания нареканий злобы и зависти действия ононого должны производиться в тайне»: мотивы конспирации в Союзе благоденствия	113
Конец ознакомительного фрагмента.	114

Декабристы: Актуальные направления исследований: Сборник статей и материалов

Составитель и ответственный редактор

Актуальные направления в изучении истории декабристов вчера и сегодня: некоторые оценки и наблюдения

Предлагаемое вниманию читателя издание наследует богатой традиции сборников научных трудов, посвященных актуальным исследовательским проблемам в изучении истории декабристов, сформировавшейся в 1920-е гг.¹ Прежде чем приступить к характеристике составивших настоящий сборник исследований современных историков, считаем необходимым бросить взгляд на некоторые наиболее важные вехи указанной традиции и, на этой основе, представить общий, по необходимости краткий обзор развития представлений об актуальных и научно значимых проблемах в изучении истории декабристов, который позволил бы хотя бы в первом приближении судить о том, как формулировались и изменялись на разных этапах историографического процесса актуальные направления научных изысканий.

Дореволюционный период был временем введения в оборот и первоначального осмысления декабристских памятников. В начале XX в. актуальность сбора и анализа исторического материала вполне органично совмещалась с попытками создания на основе уже собранных источников первого «полного и всестороннего» исследования «фактической стороны» и идеологии движения декабристов. Однако первая такая серьезная попытка, предпринятая в 1906–1907 гг., закончилась неудачей: коллективный труд группы исследователей так и не был завершен. Один из его авторов, В. И. Семевский, подготовил свой индивидуальный вариант такого труда, уделив значительное внимание не только «фактической истории», но главным образом анализу программных проектов, публицистики, комплекса политических идей декабристов². Сохранившийся план несостоявшейся коллективной «Истории декабристов», а также содержание известного исследования В. И. Семевского, показывают, что важнейшими, актуальными направлениями для исследователей этого времени являлись, помимо установления «фактической стороны» движения декабристов на фоне общественной жизни эпохи, анализ главных основ идейной программы (в первую очередь, проектов преобразований), их генезиса и формирования, вопрос о значении декабристских идей для последующего общественного движения в России³. Важно отметить, что историки дореволюционной эпохи не уходили от проблемы внутренней неоднородности декабристского движения, соотношения в нем радикализма и либерализма, как и от сложности и разнообразия идейных влияний, подготовивших его появление, что в целом не стало предметом углубленного внимания в историографии последующих десятилетий.

¹ См.: Декабристы. Неизданные материалы и статьи. М., 1925; Бунт декабристов. Юбилейный сб. Л., 1926; Декабристы и их время. М., 1928. Т. 1; М., 1932. Т. 2.

² См.: Невелев Г. А. Замысел издания «Истории декабристов» в 1906–1907 гг. // Исторические записки. 1975. Т. 96. С. 381–382; Семевский В. И. Политические и общественные идеи декабристов. СПб., 1909.

³ Невелев Г. А. Замысел издания «Истории декабристов» в 1906–1907 гг. С. 382.

Установившаяся в 1920-е гг. относительная свобода научных занятий в изучении общественно-политического движения императорской России, подпитываемая политической конъюнктурой критики уничтоженного «старого режима», не была долговечной, но вызвала к жизни целый ряд ценных исследований и изданий, вышедших главным образом под эгидой Всесоюзного общества бывших политических каторжан и ссыльнопоселенцев. В сфере деятельности этой общественной структуры, вместе с сотрудничавшими с нею государственными архивами и научными учреждениями Академии наук, концентрировались основные научные разыскания по интересующей нас проблематике, давшие значительный результат в виде разнообразного набора публикаций, одна за другой вышедших в свет на протяжении 1920-х – начала 1930-х гг.⁴

Какие направления исследований считались наиболее важными и актуальными на этом начальном этапе советской историографии? Ответ в какой-то мере дает предисловие к одному из первых подготовленных в эти годы сборников, в котором говорится как о задаче введения в оборот новых значительных комплексов материалов, так и о задаче представления декабристов как «детей своего века», со всеми «особенностями мирозерцания, свойственного людям их времени и положения», присущими им достоинствами и недостатками: «...они нам дороги такими именно, какими они были в жизни», – подчеркивали авторы предисловия и составители сборника, крупнейшие фигуры российского декабристоведения тех лет Б. Л. Модзалевский и Ю. Г. Оксман⁵. Очевидно, это подразумевало под собой изучение особенностей мировоззрения людей декабристской эпохи, осмысление истории декабристов на широком фоне современного им общества, в связи с историей общественного движения, общественных настроений предшествующего и последующего времени, анализ условий происхождения и развития декабристских идей во всем их многообразии, конкретно-историческое исследование мировоззрения и разнообразной деятельности участников декабристских союзов.

Автор предисловия к другому сборнику 1920-х гг. Г. Б. Сандомирский предостерегал исследователей от того, чтобы рассматривать «деятели 14 декабря» как «некий единый коллектив, спаянный совершенно однообразными социально-политическими устремлениями», искусственно вырванный из «объективных условий той эпохи, среди которой им [декабристам] приходилось жить и действовать». Выступая таким образом против распространившихся в те годы антиисторических модернизированных и схематически-упрощенных представлений, он специально подчеркивал «различие социально-политических устремлений декабристов», которых объединяло лишь неприятие крайних форм самодержавия и крепостного права: «... в остальном было бы наивно рассматривать их как членов современных [нам] политических партий, тесно связанных параграфами обязательного устава»⁶. Как покажет дальнейшее развитие советской историографии, эти предостережения вскоре репрессированного публициста существенного влияния на нее не оказали.

Редакторы-составители крупного исследовательского проекта 1920-х гг., сборника трудов секций «по изучению декабристов и их времени» Всесоюзного общества бывших политических каторжан и ссыльнопоселенцев «Декабристы и их время», отмечали обширность научных задач, стоявших перед историками, и следующим образом характеризовали спектр актуальных вопросов: «Декабристы и их движение не могут быть поняты вне связи с общим строем жизни, общим строем отношений их эпохи. Поэтому не только изучение самого движения декабристов, их мировоззрения, их творчества, их личной судьбы, но также и изучение их эпохи – ее хозяйственного, социального и политического уклада, внешней и внутренней

⁴ См.: Декабристы. Неизданные материалы и статьи. М., 1925; Тайные общества в России в начале XIX столетия. М., 1926; Бунт декабристов. Л., 1926; Декабристы и их время. М., 1928. Т. 1.; М., 1932. Т. 2; Воспоминания и рассказы деятелей тайных обществ 1820-х годов. М., 1931. Т. 1; М., 1933. Т. 2.

⁵ Модзалевский Б. Л., Оксман Ю. Г. От составителей // Декабристы. Неизданные материалы и статьи. М., 1925. С. XV.

⁶ Сандомирский Г. Предисловие // Декабристы на каторге и в ссылке. М., 1925. С. 6–7.

политики, политических и общественных течений, ее культуры, быта...» – неизбежно должно входить в область научной работы. Интересно отметить, что внимание исследователей обращалось также на необходимость освещения «исторических корней декабризма», равно как и событий после 1825 г., оказавших влияние на развитие взглядов бывших участников движения⁷. В предисловии к второму тому этого издания имеются формулировки, относящиеся к конкретным вопросам изучения: помимо анализа памятников декабристской политической мысли, речь шла об исследовании идеологии декабристов, политических устремлений представителей общественных слоев, их выдвинувших («социально близких»), а также о подготовке историко-литературных трудов, биографий и справочных работ. В целом, на данном этапе изучения считалось важным идти скорее «по линии накопления и научной разработки материалов, чем по линии исследований, имеющих характер широких обобщений»⁸.

Таким образом, уже первые этапы декабристоведческой историографии, хронологически соответствующие дореволюционной эпохе и первым десятилетиям советского времени, вполне определенно очертили круг актуальных направлений научной работы: помимо естественных задач восстановления «фактической истории» и анализа деятельности и мировоззрения декабристов, это – изучение современного декабристам общественного движения и, вообще, современной им эпохи, исторических предпосылок возникновения декабристских союзов, включая изучение «среды», выдвинувшей декабристов, установление этапов их идейной эволюции как до, так и после 1825 г., исследование влияния их идей и действий на последующее развитие общественной жизни.

Следующий этап развития историографии в советское время, характеризующийся господством жесткой идеологической схемы «дворянской революционности», отмечен появлением концептуально выдержанных сборников исследований и публикаций, которые, несмотря на установившийся в науке идеологический диктат, отчасти продолжали начатую традицию в русле ранее обозначенных проблемных направлений. Сборники включали исследования, которые, с одной стороны, вносили существенный вклад в разработку фактической и идейной истории декабризма, с другой – укладывали ее в парадигму единого «революционного движения», классическую для советской историографии. Стоявшие во главе этих изданий выдающиеся историки советского времени, крупнейшие специалисты в области истории декабристов – такие, как М. В. Нечкина, Н. М. Дружинин, Ю. Г. Оксман, Б. Е. Сыроечковский, обеспечили высокий научный уровень публикуемых изданий, собравших под своей обложкой труды по актуальным для того времени вопросам и направлениям изучения⁹.

Наиболее показательным изданием в этом ряду является сборник «Очерки из истории движения декабристов» (М., 1954), составленный ведущими фигурами советского декабристоведения Н. М. Дружининым и Б. Е. Сыроечковским. Он отразил, по словам одного из составителей, «искания и достижения» исследователей этого историографического этапа. Ценность сборника, как лучшего образца проблемных трудов по истории декабристов, относящихся к советскому периоду историографии, заключается еще и в том, что ему предпослана статья Н. М. Дружинина, который попытался сформулировать важнейшие проблемы или направления исследований, находившиеся в центре внимания исследователей этого времени и надежные, с точки зрения автора, принципиальным значением для советских ученых. Приведем в виде краткого перечня выделенные им пять наиболее важных проблемных направлений: 1) анализ революционных устремлений декабристов и раскрытие дворянского характера этой революционности, при этом декабристское движение рассматривается как история револю-

⁷ От редакции // Декабристы и их время. Т. 1. М., [1928]. С. 7.

⁸ От редакции // Декабристы и их время. Т. 2. М., 1932. С. 5.

⁹ Декабристы и их время. Исследования и материалы. М., 1951; Очерки из истории движения декабристов: Сб. ст. М., 1954; Декабристы в Москве: Сб. ст. М., 1963.

ционных организаций, характеризующихся внутренним идейным единством «с начала и до конца» их существования; 2) поиск внутренних (внутрироссийских) истоков движения декабристов, выяснение его «органической связи с русской действительностью», «глубокой внутренней связи между развитием русской жизни и деятельностью декабристов»; 3) вопрос о непосредственной связи декабристов с их политическими предшественниками и последователями, о преемственности «революционных поколений»; 4) проблема взаимовлияния западноевропейских и российских событий, влияния «буржуазно-революционных» идей и движений Запада на идеологию декабристов и воздействия декабристов на западноевропейскую политическую жизнь; 5) проблема взаимоотношений декабристов и народа, степени демократичности программных и тактических планов декабристских обществ в условиях стоявших перед Россией того времени задач социальных преобразований. Перечисленные «основные научные проблемы», по мнению Н. М. Дружинина, преимущественно начали изучаться на новом (втором) этапе советского декабриствоведения или стояли на повестке дня, «занимали умы» исследователей и привлекали их пристальное внимание¹⁰.

Стоит отметить, что в рамках данного сборника нашли свое место труды авторов, представлявших два основных течения в советском декабриствоведении: как «официальное направление» (М. В. Нечкина, Н. М. Дружинин), так и скрыто или открыто оппонировавшее ему «неофициальное» (Ю. Г. Оксман, Б. Е. Сыроечковский). Оба направления существовали на протяжении всей истории советского декабриствоведения; при всех различиях в подходах и оценках их объединяло признание марксистской парадигмы «дворянской революционности», других концептуальных основ советской историографии, приоритетный интерес к наиболее радикальным идеям декабристов и их априорная позитивная оценка¹¹.

Другой лидер советского декабриствоведения, М. В. Нечкина, представила свое видение актуальных и перспективных задач исторических исследований во вступительной статье к сборнику статей и публикаций «Исторические записки» (1975), вышедшему к 150-летию выступления декабристов. Какие проблемы крупнейший историк декабристов советского времени считала важнейшими и приоритетными? Приведем их также в кратком перечислении: 1) М. В. Нечкина обращала внимание на вопрос об идейной связи декабристов и последующих поколений политических противников самодержавия, в связи с чем необходимо было проследить судьбу выдвинутых декабристами идей и требований в общественном движении, а также и конкретное влияние декабристов на общественное движение в России, начиная со второй половины 1820-х гг. и заканчивая периодом «великих реформ», их участие в реализации крестьянской реформы; 2) отдельного внимания заслуживала, по мнению М. В. Нечкиной, проблема «декабристы и национальный вопрос»; 3) необходима разработка проблемы «декабристы в истории общеисторической борьбы национально-освободительного и антифеодального характера»; 4) отметим специально, что важным и перспективным направлением в декабриствоведении М. В. Нечкина полагала дальнейшую разработку и пополнение «фактической истории», в том числе изучение биографий и мировоззрения деятелей декабристского движения, не исключая малоизвестных и вовсе «безвестных» участников: «Мы до сих пор не знаем ни общего облика, ни конкретной деятельности многих декабристов... Имена некоторых, счастливо спасшихся от следствия, естественно пропущены в “Алфавите” декабристов. Уяснить себе конкретную деятельность и черты мировоззрения этих участников движения

¹⁰ Дружинин Н. М. Предисловие // Очерки из истории движения декабристов: Сб. ст... М., 1954. С. 6–11. Точка отсчета для обозначенного автором «нового этапа» советского декабриствоведения – начало 1930-х гг., ознаменовавшая собой завершение процесса простого накопления данных, а также преодоление ошибочных социологических концепций «школы М. Н. Покровского».

¹¹ Сомнения в безусловной ценности революционного радикализма, критика радикальных политических идей стали проявляться все более заметно лишь в трудах следующего поколения историков «неофициального направления», – в частности, наиболее выдающегося его представителя Н. Я. Эйдельмана.

очень важно – полнее уясняется деятельность декабристских организаций»¹². Любопытно, что это исследовательское направление, фактически – расширение, пополнение и конкретизация представлений о декабристском движении, их персонализация (причем, касающаяся не только лиц первого ряда, но и рядовых участников), – имелось в виду и ранее, на предыдущих историографических этапах, тем не менее, несмотря на масштабный размах публикаций и исследований, как видим, в 1970-е гг. оно по-прежнему воспринималось лидером советского декабристоведения как весьма актуальное и далеко не утратившее своего значения¹³.

Отметим, что в этой статье М. В. Нечкина по большей части формулировала актуальные научные задачи, которые, по ее мнению, скорее еще ожидали своего исследователя, нежели те, что активно разрабатывались советскими историками. Обзор последних был дан историком ранее, в подробном историографическом очерке в первой главе обобщающей монографии «Движение декабристов» (1955)¹⁴.

Авторы предисловия к другому вышедшему в 1975 г. сборнику, инициатива составления которого исходила из круга исследователей-литературоведов, примыкавших к «неофициальному направлению», тоже сочли необходимым обозначить актуальные научные проблемы, которые, несмотря на историко-литературную тематику сборника, имели несомненное общео историографическое значение: 1) формирование декабристской идеологии, ее связь с русским и европейским просветительством: «Конкретные формы этой связи, равно как и фазы эволюции просветительской традиции, еще далеко не во всем ясны»; 2) изучение «декабристской среды», т. е. «широкого круга идеологических, литературных и социально-бытовых явлений, где возникали и распространялись общественные и эстетические идеи декабризма»; 3) взаимодействие декабристов с общественным движением современной им эпохи, что может рассматриваться и как вопрос «дифференциации либерального движения и дворянской революционности», и как составная часть проблемы «декабристы и русское общество 1820-х гг.», которая имеет целый ряд аспектов, в том числе социально-бытовой и биографический; 4) идейные судьбы декабризма в последекабрьское время, отклики на декабристский опыт¹⁵.

Как видим, формулировки составителей этого сборника отражают усложнение и углубление проблематики советской декабристской историографии, некоторый отход от господствовавших ранее упрощающих схем «единого революционного движения», и в то же время, – определенное смещение акцентов в сторону более широкого и объективного исследования различных идейных течений в русском обществе, разработки проблем истории просветительства и либерализма, их влияния на формирование политической программы декабристов, что приводило к пониманию сложной и неоднородной идейной основы самого декабристского движения¹⁶. Следует подчеркнуть, что эта тенденция была вообще свойственна «неофициальному направлению» советской историографии, особенно начиная с 1960-х гг., при том что в целом сохранялась шкала оценок, отдающая безусловный приоритет политическому ради-

¹² Нечкина М. В. 150-летний юбилей восстания декабристов // Исторические записки. Т. 96. М., 1975. С. 12–19, 23–25.

¹³ В этой связи, возвращаясь несколько назад, следует подчеркнуть, что и Н. М. Дружинин отмечал важность и необходимость, в рамках декабристоведческих исследований, введения в научный оборот «новых фактов и новых обоснованных выводов», видя в расширении фактографической базы одно из главных условий развития научного изучения темы (*Дружинин Н. М. Предисловие // Очерки из истории движения декабристов. С. 14*).

¹⁴ См.: Нечкина М. В. Движение декабристов. М., 1955. Т. 1. С. 29–38. М. В. Нечкина, как и Н. М. Дружинин, разделяла советское декабристоведение на два периода; новый, второй период начинается в середине 1930-х гг., после «преодоления» ошибочных схем М. Н. Покровского (Там же. С. 36).

¹⁵ Предисловие // Литературное наследие декабристов / Отв. ред. В. Г. Базанов, В. Э. Вацуру. Л., 1975. С. 3–5.

¹⁶ В этой связи необходимо упомянуть, что именно в этом сборнике была опубликована ставшая вскоре классической работа Ю. М. Лотмана «Декабрист в повседневной жизни (Бытовое поведение как историко-психологическая категория)», существенно повлиявшая на последующее изучение «исторического типа» декабриста, историко-культурные и биографические исследования (Там же. С. 25–74).

кализму перед «умеренно-либеральными» взглядами в общественном движении и декабристских обществах¹⁷.

Таким образом, на советском этапе историографии, который внес значительный вклад в изучение разнообразных аспектов декабристской истории, в качестве актуальных формулировались проблемы истоков декабристского движения (с большим вниманием к внутри-российским факторам), формирования и эволюции его идеологии, связи декабристов с предшествующими и последующими политическими движениями, отношений с современной им общественной средой. Акцентировка (и обоснование) этих проблемных областей отличалась от предыдущих этапов историографии, а сам их ряд расширялся за счет направлений, обусловленных принятой концепцией «трех этапов освободительного движения» и парадигмой «дворянской революционности». Помимо господствующего изучения «дворянской революционности» (особенностей политического радикализма, отдельных программных требований и тактических установок ряда тайных обществ, планов открытого выступления и заговора 1825 г.), к числу таковых следует отнести: проблему «декабристы и народ», вопрос о месте декабристов в мировом антифеодальном и национально-освободительном движении, о влиянии их на последующие поколения революционных «борцов с самодержавием». В последние десятилетия советского этапа историографии наблюдался рост интереса к истории просветительства и либерализма, – как среды, в которой зарождались и вызревали декабристские идеи и политические программы, к изучению различных идейных течений и форм общественной деятельности, современных декабристам.

Важно подчеркнуть, что на всем протяжении советского периода сохраняла свое значение (хотя и не всегда формулировалась в ряду актуальных) задача фактологического изучения истории тайных обществ, биографий их деятелей и т. д., что было специально отмечено таким внимательным и чутким к потребностям развития научного знания исследователем, как М. В. Нечкина. Как мы видели, она указывала на особую важность изучения биографии и взглядов «многих» участников движения, в том числе малоизвестных и «забытых».

Последний (кратковременный) этап советской историографии, более известный как эпоха «перестройки», оживил научную мысль, принес с собой обострение интереса к истории русского общества, в том числе, в особо выраженной степени, к истории общественно-политического движения. Усложнение и расширение тематики, привлечение новых источников, ранее активно не используемых в литературе по идеологическим причинам, разнообразие палитры мнений, появившиеся разноречивые оценки известных фактов и обстоятельств, наметившийся пересмотр прежних идеологических оценок политического радикализма, «восстановление в правах» идей либерального реформаторства как важнейшего пути общественного развития, – все это характерные черты научных изданий, относящихся к этому времени¹⁸.

В ряду этих изданий необходимо выделить киевский серийный сборник «Декабристские чтения», аккумулировавший в те годы декабристско-исследовательские труды исследователей из различных регионов СССР и получивший таким образом общесоюзный характер¹⁹. Анализ содержания этих сборников показывает не только постепенный отход от монополии одной идеологической схемы, установившуюся свободу исследовательской мысли, но и некоторые наметившиеся направления переосмысления (пересмотра) сложившихся представлений, которые привлекали внимание историков и рассматривались ими как актуальные: изучение условий формирова-

¹⁷ Речь идет, прежде всего, о трудах В. В. Пугачева и С. С. Ланды, посвященных главным образом истории и идейному облику ранних декабристских обществ, в которых новаторски для советской историографии ставилась проблема взаимосвязи декабристов с либеральным направлением в общественном движении эпохи, а также вопрос о соотношении «дворянской революционности» и либеральной идеологии внутри самого декабристского движения.

¹⁸ См., например: Факел. Историко-революционных альманах. М., 1990.

¹⁹ Декабристские чтения / Под ред. Г. Д. Казымирчука. Киев, 1988–1991. Вып. 1–5 (издание продолжается и в настоящее время); см. также: Декабристские чтения. Вып. 1. Гродно, 1990.

ния политического мировоззрения деятелей декабристских обществ, их политической программы, организационных принципов, идейных взаимосвязей тайных обществ и современного им общества. Все отчетливее становилась сложная природа декабристских идей, совмещение в их политических планах реформаторских и радикальных черт, т. е. происходил возврат на новом уровне понимания и исследовательской методике к наблюдениям ряда исследователей первых этапов историографии (дореволюционного и, отчасти, – первого советского периода, еще не скованного диктатом схемы «единого революционного движения»), развивались некоторые положения работ представителей «неофициального направления» в советской историографии. Особое значение в этих условиях приобретали проблемы историографии многих конкретных вопросов идейной и «фактической» истории тайных обществ (прежде всего, спорные, дискуссионные вопросы, оценка сделанного в советское время), восстановление широкого либерального фона общественной среды, которая способствовала формированию декабристских идей²⁰. По-прежнему важной составляющей актуальных исследований являлось расширение фактологической базы декабриствоведения.

Постсоветская эпоха первоначально сохраняла инерционные оценки и интерес к политическому радикализму в декабристском движении, но все более возрастало внимание к либеральной основе политического мировоззрения подавляющей части участников декабристского движения, к проблеме соотношения радикального и нерадикального в их тактических планах, особое звучание приобрело определение места декабристов в общественном движении современной им эпохи.

Вместе с тем, большое распространение получили нетрадиционные, по сравнению с советской эпохой, подходы к оценке и анализу деятельности декабристов, в частности – отрицание значимости политического декабристского опыта, особое внимание к общественно-культурной деятельности участников декабристского движения, к планам и шагам легально-реформаторского характера. Полное отрицание политического радикализма декабристов привело к мнению о том, что декабристы – представители исключительно либерального направления в русском обществе, не имеющие отношения к последующей традиции российского политического радикализма. Морально-этические оценки взглядов декабристского типа иногда заслоняли необходимость анализа самой политической деятельности – как конспиративной активности, так и открытых политических действий (военных выступлений), которые трактовались как военная демонстрация²¹. Переосмысление декабристского опыта в русле, преимущественно, истории российского либерализма, либерально-конституционной традиции выдвинулось на этом этапе актуальной и проблемной темой²².

В новых условиях сформировавшейся конкурирующей научной среды, создававшей условия для плодотворных научных споров и дискуссий, все разнообразнее и противоречивее становились оценки идейного базиса движения, не говоря уже о тактических установках и открытом политическом действии в дни политического кризиса междуцарствия 1825 г. В этих условиях, помимо продолжавшихся серийных сборников по истории декабристов и общественного движения в целом²³, появились новые периодические издания по изучению декабристского наследия, которые актуализировали как уже, казалось бы, исследованные проблемы

²⁰ См.: Жуковская Т. Н. Дворянский либерализм в России в первой четверти XIX в.: Итоги и задачи изучения: Автореф. дис. канд. ист. наук. СПб., 1992.

²¹ См., например: Заступники свободы. Памятные чтения, посвященные 170-летию восстания декабристов. СПб., 1996. С. 23–31 (доклад Л. Б. Нарусовой «Нравственные уроки декабризма»). Критику этой позиции см.: Цамутали А. Н. Декабристы и освободительное движение в России: некоторые вопросы историографии // 14 декабря 1825 года. Источники, исследования, историография, библиография. Вып. 1. СПб., 1997. С. 93–94.

²² См.: Империя и либералы. СПб., 2001; 170 лет назад. Декабристские чтения 1995 года: Статьи и материалы. М., 1999. С. 3.

²³ Освободительное движение в России. Саратов (с 1971 г.); Сибирь и декабристы. Иркутск, 1978–1988. Вып. 1–5 (издания продолжают в настоящее время).

общественного движения первой половины XIX в., требовавшие переоценки на новом этапе историографии, так и ранее малоизученные вопросы истории тайных обществ, политической деятельности декабристов, персоналистики, способствовали пересмотру традиционных представлений о «едином революционном движении»²⁴.

Какие направления исследований после состоявшегося отказа от старых идеологических догм и методологических подходов были заявлены как актуальные и перспективные, в условиях принципиально новой ситуации в историографии, возникшей после отказа от монополии марксистско-ленинской идеологии?

А. Н. Цамутали, справедливо подчеркивая, что тема далеко еще не исследована в нужной степени (как это многим кажется): «...интерес к истории декабристов не ослабевает, и он представляется тем более обоснованным и понятным, поскольку многие стороны этой большой и сложной темы по-прежнему требуют дальнейшего исследования», изложил свое видение актуальных направлений дальнейшей работы: «Возросший в последние годы интерес к истории эпохи Просвещения позволит более полно представить идейные истоки движения декабристов... Вечно занимающий русских мыслителей вопрос о взаимоотношениях России и Запада, русской и европейской культуры неразрывно связан с осознанием того влияния, которое оказали на русскую общественную мысль Великая Французская революция 1789 г., Испанская революция 1820 г., революция в Пьемонте и восстание в Греции 1821 г. Можно ждать, что скоро появятся работы, во всей полноте представляющие различные течения, представленные в движении декабристов. С одной стороны, либеральное, просветительское, особенно заметное в деятельности Союза благоденствия. С другой стороны, радикальное, революционное, существующее на всех этапах движения декабристов и особенно усилившееся в годы существования Южного и Северного обществ...»²⁵.

Наиболее яркой и содержательной манифестацией новых подходов и оценок, создававших основу для пересмотра идеологических догм и обусловленных ими научных парадигм предыдущего периода, нужно признать предисловие к сборнику «Декабристы и их время» (1995), подготовленному сотрудниками Московского музея декабристов и Государственного исторического музея, принадлежащее, пожалуй, самому крупному представителю постсоветской генерации исследователей декабристов В. М. Боковой. Приведем краткий перечень сформулированных В. М. Боковой проблем и направлений исследований, базирующихся на обозначившихся к этому времени новых подходах в изучении декабристского движения: 1) декабристы и влиявший на них исторический контекст отечественной антицаристской борьбы (который обычно не учитывался в необходимой мере в рамках парадигмы «революционного движения»: восстания стрельцов, дворцовые перевороты XVIII в. и др.), воздействие на декабристские политические программы традиций российского аристократического либерализма и дворянской фронды; 2) соотношение российских общественных и социальных условий и западных идеологических влияний на процесс формирования комплекса декабристских идей; 3) роль патриотического подъема и националистического сознания в процессе складывания декабристской идеологии; 4) проблема отсутствия единой программы декабристов, внутренней идейной неоднородности движения, наличие в тайных обществах различных взглядов на цели и задачи (внутри декабристских союзов были представлены политические радикалы, либералы,

²⁴ 14 декабря 1825 года. Источники, исследования, историография, библиография. Вып. 1–7. СПб., 1997–2005. На страницах сборника публиковались работы о практически не изученных тайных обществах декабристского ряда, обществах с участием деятелей декабристского движения (филиалы Южного общества, «Орден восстановления» Д. И. Завалишина, Общество добра и правды и др.), расширялись и уточнялись представления о персональном составе тайных обществ, вводились в оборот новые материалы об известных и «безвестных» участниках движения, о кризисе междоусобия и событиях 14 декабря 1825 г., судебно-следственном процессе по делу декабристов, ставились актуальные вопросы критики и пересмотра историографических концепций и оценок советского периода.

²⁵ Цамутали А. Н. История декабристов: некоторые итоги и перспективы // Мера. 1996 № 1. Декабристский выпуск. СПб., 1996. С. 9.

последователи идей Просвещения, умеренные дворянские оппозиционеры-фронтеры, иногда – национально ориентированные просвещенные консерваторы, нередко далекие от политической зрелости), отказ от представлений о «внутренне едином» цельном движении; 5) вытекающие из этого принципиально иные подходы к изучению идеологического облика, позиций, тактических взглядов различных течений и групп в тайных обществах: «...ни о каком едином “декабризме” речи идти не может», отказ от распространения «революционности» и политического радикализма на все движение, всех его участников в целом; 6) проблема «декабристское мировоззрение и религия», которая неизбежно приобретает особую важность, в силу того, что становится понятным: подавляющее большинство участников тайных обществ были искренне и глубоко верующими, что обуславливало во многом и кодекс их поведения («Тема “декабристы и религия” не разрабатывалась совершенно...», – констатировала В. М. Бокова, имея в виду главным образом советскую историографию, и справедливо отметила насущность и практическую полную неразработанность вопроса о религиозных исканиях декабристов); 7) пересмотр представлений о радикальных политических планах декабристов, прежде всего – замыслах царевубийства, выяснение подлинного места этих замыслов в общей политической программе и тактических установках, отказ от доминирующего (определяющего) значения этих планов при оценке политического опыта декабристов; 8) декабристы и явления современной им общественной жизни, включая распространенные в это время формы общественной активности и деятельности (тайные и негласные общества, кружки, собрания, масонские ложи); 9) коррекция представлений о взаимоотношениях между правительственной политикой и активной общественной оппозицией в лице декабристов; 10) проблема внутренних кризисов в тайных обществах, «кризисов идей» их лидеров, практического отсутствия «внешней» общественной политической активности декабристов-конspirаторов; 11) наличие двух поколений внутри декабристского движения – «старшего», в целом, умеренно-либерального в своих политических взглядах, составившего основное ядро первых тайных обществ (до 1821–1822 гг.), и «младшего», более деятельного, активного на момент 1825 г.: «младшее» поколение декабристов образовало новые тайные организации радикального характера и сыграло определяющую роль в заговорах, закончившихся открытыми выступлениями²⁶.

Перечисленные принципиальные элементы коренной ревизии научных представлений, нового масштабного пересмотра историографической парадигмы действительно оказались более или менее предметно затронуты на современном этапе исследований (впрочем, ростки новых представлений, как это часто бывает, уже содержались как в досоветских исследованиях, так и в некоторых работах периода советской историографии, что, как мы надеемся, можно заметить из настоящего очерка).

Одним из главных мотивов к формулированию нового взгляда на декабристов послужила защита их от односторонней критики, жертвами которой они стали уже в первые постсоветские годы; в статье В. М. Боковой большое место занимает разбор заблуждений, которые традиционно существовали и существуют в массовом историческом сознании и публицистической традиции. Причину укоренившихся заблуждений (равно как и односторонней критики) автор справедливо усматривает в том, что очень часто критики и ниспровергатели, отказываясь от прежних идеологических оценок, в полной мере сохраняют саму парадигму восприятия исторических лиц, событий и явлений (в нашем случае: «декабристы – первые революционеры»), в рамках которой всего лишь переворачивается шкала оценок: положительные заменяются на отрицательные. Отсутствие подлинного осмысления, даже начальной творческой работы, необходимого критического анализа вызывает стремление к «сенсационному» переворачиванию оценок, не вдаваясь в сколько-нибудь углубленное непредвзятое погружение в историческую

²⁶ Бокова В. М. Предисловие // Декабристы и их время. Труды Гос. исторического музея. Вып. 88. М., 1995. С. 5–14.

эпоху. Да и совершать эти подвиги некогда – надо успеть как можно быстрее занять первые места среди ниспровергателей «былых кумиров».

Таким образом, постсоветская эпоха свободы идеологических оценок и сосуществования различных интерпретаций декабристского опыта привела, как к положительным, так и к негативным последствиям в научной разработке проблем истории декабристских обществ.

Положительное заключалось в возвращении к конкуренции научных идей, концепций и взглядов, выдвигении в центр исследований свежих, приближающих к историзму вопросов, обогащавших и развивавших строго установленное, точное научное знание, приращении к нему новых важных и ранее не изучавшихся сюжетов, применении новых подходов и принципов научных исследований. Появившиеся в эти годы отдельные исследования и сборники работ по актуальным научным проблемам характеризуются, с одной стороны, отказом от старых идеологических клише, с другой стороны – вниманием к малоизученным или совершенно не изученным проблемам истории декабристов²⁷.

Потенциал этой, по существу, весьма плодотворной для развития научных представлений историографической ситуации, однако, ограничивается негативным воздействием идеологических влияний (в частности, значительно усилившихся идей консервативно-охранительного спектра, по существу отрицающих правомерность участия общественных сил в государственных преобразованиях), давлением вненаучных конъюнктурных общественных запросов (упомянутое стремление к сенсационности, перекрашиванию в противоположный цвет «былых кумиров», негативизм под флагом избавления от «исторической мифологии» и т. д.).

Негативная сторона также заявила о себе в полный голос, опираясь на еще дореволюционную охранительную традицию, постулирующую полное неприятие правомочности русского общества самостоятельно воздействовать на правительственный строй и государственную политику, – традицию, в нашем случае бравшую свое начало от официальной позиции самодержавной власти, современной декабристам. «Не опускайся», как правило, до изучения исторических данных, наследники этой традиции начали выстраивать (восстанавливать) новые идеологические шаблоны, вместо старых, советских, на этот раз охранительного характера. Как уже отмечалось, зачастую требовалось всего лишь заменить знаки «с плюса на минус», – и вот уже готов новый, непременно разоблачающий прежние оценки историков (которые, как водится, до сих пор «не догадались» или «не смогли» увидеть очевидное) взгляд на тех, кто вознамерился самостоятельно изменить многовековой социально-политический уклад Российского государства²⁸. Наиболее негативное последствие сложившейся ситуации заключалось в том, что подобный «сенсационный подход» к истории декабристов стал переключиваться со страниц исторической публицистики в труды некоторых профессиональных историков.

Представляется, что негативизм, подкрепленный идеологическим давлением, может оказать значительное влияние на исторические исследования. Однако сама потребность в осмыслении отечественной истории диктует продолжение строго научной работы, несмотря на те или иные идеологические условия. Какими бы они ни были, исследования будут продолжаться, если сохранятся основы подлинно научного изучения отечественного исторического наследия во всей его полноте. Несмотря на усиливающийся пресс вновь сооружаемых негативистских догм и шаблонов (зачастую воспроизводящих незамысловатые тезисы дореволюционных охранителей) и новое идеологическое мифотворчество²⁹, научная среда продолжает продуци-

²⁷ См.: Декабристы и их время. Труды Государственного исторического музея. Труды Государственного исторического музея. Вып. 88. М., 1995; 170 лет назад. Декабристские чтения: Статьи и материалы. Труды Государственного исторического музея. Вып. 105. М., 1999.

²⁸ См. образцовый пример поверхностного «сенсационного пересмотра» с простым переворачиванием оценок, при сохранении общих «базовых» представлений, идущих от советской схемы «революционного движения»: Крутов В. В., Швецова-Крутова Л. В. Белые пятна красного цвета: Декабристы. М., 2001. Кн. 1–2.

²⁹ См. об этом: Эрлих С. Е. Декабристы в исторической памяти. Конец 1990-х – начало 2010-х гг. СПб., 2014.

ровать проблемные, содержательные научные работы, исходя из логики самого исследования, из потребностей поиска ответов на вопросы, возникающие при работе с историческим материалом, откликаясь на интересующие ученых актуальные проблемы на современном уровне развития научных знаний и методики исследований.

Современный, по всей видимости – уже второй, этап постсоветской историографии³⁰ принес с собой новые образцы исследовательских работ по актуальным вопросам разработки истории декабристов. Появившиеся в последние годы исследования и сборники научных работ отражают продолжающееся богатство и разнообразие мнений, интерес к магистральным сюжетам декабристской истории, проблемным вопросам изучения общественной мысли, общественного движения, правительственной политики, социокультурного облика эпохи, современной декабристам³¹. Они в полной мере демонстрируют отсутствие кризиса идей, неправомерность нередко встречающихся штампов об «изученности» темы, возможность применения новых подходов, выдвижения новых концепций и гипотез при рассмотрении как общих, основополагающих, так и конкретных вопросов истории декабристов, расширения в ряде случаев поля научных разработок, представления современного взгляда на фундаментальные вопросы изучения декабристской истории³².

В этой связи представляются важными соображения и оценки, касающиеся современного состояния и перспектив декабриствоведения, высказанные нами в предисловии к одному из недавно вышедших сборников работ и материалов по истории декабристов: «При углубленном изучении существующей литературы по важнейшим исследовательским проблемам выясняется, что сохраняется и даже пополняется список слабо освещенных и даже совсем не проясненных вопросов. Число дискуссионных вопросов в ходе изучения также не уменьшается, а скорее возрастает... Еще один важный момент: вопросы, решенные в рамках устаревших схем и представлений, требуют в настоящее время новых, свежих интерпретаций, удовлетворяющих современным взглядам на характер и особенности политической деятельности декабристов... Понятно, что интерпретации и версии, исходившие из установок идеологического характера в советский период “декабриствоведения”, сегодня очень часто видятся неудовлетворительными... Задачи, которые... были убедительно решены в предшествующей литературе, под воздействием новых соображений и наблюдений, в новом идейном контексте, освобожденные от устаревших формул и схем, вновь предстают как актуальные, требующие пересмотра под несколько измененным углом зрения... Вместе с тем, нельзя не отметить, что не менее настоятельно требуют пересмотра и уточнения интерпретации, возникшие в результате неполного учета имеющихся данных и указаний первоисточников. Обоснованные ранее гипотезы пересматриваются и нередко отбрасываются в результате более глубокого и тщательного исследования, освоения большего объема выявленных документов». Говоря о постсоветской историографии, мы отмечали также, что внимание к «малоизученным, “просмотренным” или вовсе не затронутым ранее научным проблемам – яркий признак современного этапа развития декабриствоведения»³³.

³⁰ Первый этап, как представляется, охватывает 1992–2000 гг., когда после кратковременного периода осмысления новой общественной, идейной и историографической ситуации начался постепенный подъем декабристских публикаций; вместе с тем этот этап характеризуется определенной инерцией советских идеологических концепций в истолковании декабристского опыта.

³¹ См.: *Декабристы. Актуальные проблемы и новые подходы*. М., 2008; *Декабристы в Петербурге. Новые материалы и исследования*. СПб., 2009. В ряду монографических трудов следует выделить исследование, посвященное феномену тайных обществ, показанному на широком фоне общественной жизни, в ее взаимосвязи с правительственной политикой (*Андреева Т. В. Тайные общества в России в первой трети XIX века: Правительственная политика и общественное мнение*. СПб., 2009).

³² Особенно это важно в связи с несомненным устареванием шкалы идеологических оценок, части категорийного аппарата, научного языка исследований советского периода, даже при условии, что с фактологической стороны эти исследования сохраняют свое значение в полной мере.

³³ *Ильин П. В.* От составителя // *Декабристы в Петербурге. Новые материалы и исследования*. С. 7–8, 10.

Итак, представленный здесь по необходимости краткий обзор обнаруживает определенное сходство и преемственность в обозначении проблем и вопросов, которые рассматривались исследователями разных историографических периодов в качестве актуальных и научно значимых. Конкретные формулировки этих проблем, контекст, в который они ставились, акцентировки их различных сторон и составных элементов, конечно, варьировались, излагались в различных идеологических конструкциях под разными углами зрения. Но, тем не менее, можно вычлениить определенный набор сохраняющих свою актуальность научных проблем, которые постоянно повторялись в различных контекстах и идеологической трактовке на всем протяжении историографической традиции. В этом ряду оказались следующие проблемы и направления исследований (приводим их с некоторой генерализацией):

- генезис и формирование декабристской идеологии, факторы возникновения декабристского политического сознания – «внутрироссийские истоки» (российская действительность, политические традиции и идейные влияния) и западное воздействие идей эпохи Просвещения, классического либерализма начала XIX в., событий политической жизни;
- национально-патриотический подъем, связанный с антинаполеоновскими войнами, и складывание декабристского типа общественной деятельности;
- декабристы и современное им российское общество, тайные общества в контексте общественного движения 1-й четверти XIX в.;
- прогрессистская среда, близкая к декабристам и выдвинувшая их, взаимосвязь декабристской программы с либеральным течением в русском обществе, соотношение либеральных идей и политического радикализма в декабристском движении;
- формирование и эволюция идейной программы декабристских тайных обществ, развитие их идеологии, тактики и программы в связи с изменениями правительственной политики и общественной среды, влияние на декабристов современных им политических событий;
- эволюция политических взглядов бывших участников движения после 1825 г.;
- влияние декабристского опыта на последующее общественное движение в России.

На разных этапах историографической традиции менялась иерархия значимости важнейших направлений исследований, ставились дополнительные задачи, те или иные проблемы детализировались или укрупнялись, усиливали свое значение или теряли его, вводились некоторые новые задачи и направления.

Так, если в первые периоды научного изучения большая роль отводилась накоплению фактических данных и фактологическим задачам, в советский период важными считались проблема изучения особенностей «дворянского характера декабристской революционности» и проблема «декабристы и народ» (в первую очередь, взаимоотношение с солдатской массой и народной массой в момент открытых выступлений 1825–1826 гг.), то в постсоветский период в качестве особой актуальной задачи сформулированы такие проблемы, как «роль национализма в формировании идеологии декабристского движения», «декабристы и религия».

Постоянно существующая с момента возникновения декабристской традиции проблема соотношения российских факторов и западных идейных влияний в формировании декабризма, вызывавшая множество споров и дискуссий в советский период (происходивших нередко под воздействием вненаучного идеологического давления, антизападных кампаний и т. д.), на последнем этапе развития историографии трансформировалась наконец в интегральную постановку вопроса – о совокупном и взаимосвязанном воздействии обеих групп факторов.

К этому необходимо добавить, что расширение фактической базы, заполнение лакун «фактической истории» декабристского движения всегда являлись важнейшей научной задачей для исследователей, что подчеркивалось не только на начальных этапах декабристской историографии, но и на последующих стадиях. М. В. Нечкина назвала эту всегда актуальную задачу историков, наряду с другой, неразрывно связанной с ней задачей – вве-

дением в научный оборот новых материалов, накоплением данных – «само собой разумеющимся» исследовательскими вопросами³⁴. Не менее традиционной является актуальная проблема создания биографических исследований жизненного пути, личностного облика деятелей декабристского движения. Причем, в последние периоды историографии эта проблема все чаще ставится в отношении не только лидеров движения (о которых, несмотря на имеющуюся литературу, мы далеко не все еще знаем), но, главным образом, малоизвестных и вовсе неизвестных его участников, рядовых деятелей тайных обществ. В этом контексте отметим, что в последние десятилетия обозначена проблема декабристов, избежавших наказания, часто вовсе не затронутых изучением³⁵.

Очевидно, этот выявленный нами набор важнейших научных проблем и направлений исследований является, как показывают сформулированные на разных этапах научной традиции актуальные проблемные задачи, центральными и системообразующими для научного изучения проблем истории декабризма.

Сохраняют ли обозначенные выше проблемы и направления исследований свою привлекательность для историков, занимающихся историей декабристского движения на современном этапе историографической традиции, или сменились новыми приоритетными направлениями, актуальными для научного осмысления декабристской истории? Судить об этом можно, обратившись к исследованиям, статьям, сборникам трудов, появившимся в последние годы.

* * *

Предлагаемый вниманию интересующегося читателя сборник вносит свой вклад в осмысление актуальности тех или иных направлений в рамках декабристоведческих исследований на нынешнем этапе развития научной традиции.

Идейные влияния, способствовавшие формированию мировоззрения декабристского типа, политические образцы, которые оказывали то или иное воздействие на складывающееся политическое движение – тема, продолжающая оставаться актуальной на современном этапе исследований. Авторы сборника представили свой вклад в разработку данной проблематики.

Л. Ю. Гусман осветил в своей работе влияние античного политического мифа об укреплении царской власти посредством ее ограничения неизменяемыми законами на российскую оппозиционную общественную мысль и публицистическую традицию на протяжении конца XVIII–XIX вв. Некоторые особенности восприятия декабристами идей западного либерализма, их преломления в декабристской среде находятся в центре внимания *Т. Н. Жуковской*, в работе которой ставится целый ряд дискуссионных, спорных вопросов, в том числе об «аутентичности» восприятия либеральных образцов как «идеологами» декабристского движения, так и рядовыми его участниками. Вопрос о влиянии отечественной политической традиции смены власти, получившей известность как традиция «дворцовых переворотов», специально рассматривается *Д. С. Артамоновым*. Симптоматично, что воздействие этого политического образца на организационно-тактические воззрения и практические планы военного выступления декабристов не привлекало значительного интереса в период советской историографии (если не считать единичных работ отдельных исследователей, шедших против основного потока³⁶) и до сих пор все еще не стало предметом особого внимания исследователей; статья в какой-то мере заполняет эту лауну. Новаторский взгляд на формирование и разви-

³⁴ Нечкина М. В. 150-летний юбилей восстания декабристов. С. 18.

³⁵ Там же. С. 23–24. Ср.: Ильин П. В. Предисловие // Декабристы в Петербурге. Новые материалы и исследования. СПб., 2009. С. 9–10.

³⁶ См., например: Сыромятников Б. И. Последний дворцовый переворот // Право и жизнь. 1926. № 1. С. 3–15; Гош Ю. А. Восстание декабристов как наивысшая форма дворцового переворота // Декабристские чтения. Вып. 3. Киев, 1990. С. 124–129; Он же. Перевороты XVIII века и 14 декабря 1825 года // Там же. Вып. 4. Киев, 1991. С. 64–68.

тие декабристской программы, организационных и тактических правил сквозь призму польского вопроса, главным образом – влияние на декабристов правительственной политики в отношении Польши, предложил *М. М. Сафонов*. Выход на новую парадигму изучения истоков движения, обусловленную патриотическим и националистическим чувством инициаторов декабристских организаций, несмотря на нетрадиционность и дискуссионность предложенного взгляда, представляет немалый интерес. *В. А. Шкерин* затрагивает почти не исследованную тему: служебная и общественная деятельность оправданных и не привлекавшихся к следствию бывших участников тайных обществ декабристов после 1825–1826 гг. Как известно, избежав наказания, часть бывших деятелей декабристских организаций продолжила свою службу, некоторым из них удалось достичь «степеней известных». Автор, подготовив недавно вышедшее новаторское по своему содержанию исследование о декабристах, продолжавших находиться на службе в царствование Николая I³⁷, в публикуемой статье обратился к конкретному сюжету, характеризующему, в некоторой степени, эволюцию общественно-политических представлений и взглядов, свойственных этой категории: внимание исследователя привлекло участие бывших членов Союза благоденствия *В. А. и Л. А. Перовских*, *И. П. Липранди*, а также бывшего участника Северного общества *Я. И. Ростовцева*, в «деле петрашевцев» (1849).

В исследованиях, составивших настоящий сборник, представлены и вопросы, связанные с изучением политической деятельности и программных требований декабристов. Важно отметить: для того чтобы эта проблематика изучалась на современном уровне, актуальные методы исторической науки требуют анализа политического языка, смыслового содержания политических понятий и терминов, без чего нелегко понять более общие вопросы, связанные с исследованием декабристской программы, тактики, организационных правил. Семантический анализ политического языка, текстов программных документов находятся постоянно в центре внимания *Е. В. Каменева*, статья которого, помещенная в составе сборника, посвящена уяснению мотивов конспирации в период существования Союза благоденствия: на основе определения смысла понятия «неблагонамеренный человек» выявляется социальная группа, которая, по мнению декабристов, представляла угрозу для деятельности тайного общества. Анализ содержания программных документов, принадлежащих декабристам, по-прежнему занимает одно из центральных мест в работах исследователей. В сборник включена статья *А. В. Россохиной*, освещающая сложное решение аграрного вопроса в проекте *П. И. Пестеля* «Русская Правда», в частности – предлагаемую декабристом систему новых земельных правоотношений. Интерес историков вызывает не только содержание программных установок декабристов, но и конкретные стороны их конспиративной, политической деятельности, в том числе – в условиях кризиса междуцарствия, положившего предел существованию декабристских союзов. *М. С. Белоусов* исследует деятельность *С. П. Трубецкого* – одного из ведущих фигур декабристского движения, накануне событий декабря 1825 г. В статье предлагается определенное переосмысление мотивации поступков одного из лидеров заговора, его взаимоотношений с другими ведущими участниками тайных обществ, в частности – *К. Ф. Рылеевым*.

Как уже отмечалось, изучение декабристской персоналистики, биографические труды занимали важное место на всех этапах декабристской историографии. Современные историки, в связи с уточнением и пополнением сведений о биографиях декабристов, созданием (насколько это возможно) исчерпывающего представления о всех категориях лиц, вовлеченных в декабристские союзы, вплоть до предполагаемых участников, уделяют этой тематике особое внимание. В сборнике публикуется биографическая работа *С. И. Афанасьева*, реконструирующая факты биографии декабриста *В. А. Дивова* на основе вновь привлеченных источников. В статье *П. В. Ильина* впервые освещаются некоторые стороны биографии предполагаемого

³⁷ Шкерин В. А. Декабристы на государственной службе в царствование Николая I. Екатеринбург, 2009.

участника Южного общества И. Б. Шлегеля, который избежал наказания и впоследствии занял пост президента Военно-медицинской академии.

Актуальной и научной значимой проблемой для исследователей продолжает оставаться отношение к декабристам современного им российского общества, представителей различных его слоев и кругов, различных общественных направлений и течений, общественная реакция на события политического кризиса 1825 г., восприятие в обществе этих событий и последующих репрессивных действий власти. Отдельной темой, связанной с этой проблематикой, являются отзывы и оценки иностранных наблюдателей, находившихся в России или посетивших страну в эти годы. Отзывы и оценки одного из таких иностранных путешественников Ф. Ансело анализирует в публикуемой работе *Т. В. Андреева*. С точки зрения потребностей историографии все более значимой проблемой видится изучение родственных, дружеских, служебных отношений, связей декабристов и их современников, взаимных представлений и образов. Коллизии отношений с участниками декабристских обществ такого заметного представителя высшей бюрократии царствования Николая I, как воспитанник Лицея 1-го пушкинского выпуска М. А. Корф, стали предметом внимания *И. В. Ружицкой*. Восприятие в русском обществе (как в либерально настроенных, так и в консервативных кругах) Н. С. Мордвинова – известного своими оппозиционными настроениями сановника, государственного и общественного деятеля, тесно связанного с декабристами и намечавшегося ими в состав нового правительства, затрагивается в статье *С. В. Березкиной*. Отношение современников к декабристам в некоторой степени характеризует и освещение такой специфической стороны общественной жизни, как обращения к власти и доносы. В статье *Т. А. Перцевой* рассматривается круг вопросов, возникающих при исследовании сибирских доносов на сосланных декабристов.

В настоящем сборнике представлены также фундаментальные фактографические справочные материалы, относящиеся к таким важнейшим событиям истории декабристов, как судебно-следственный процесс, а также исследования историко-краеведческого характера.

Именной и топографический указатели мест содержания декабристов и других лиц, привлеченных к следствию по их делу, на территории Санкт-Петербургской (Петропавловской) крепости подготовлен известным исследователем этой темы *М. В. Вершевской*. Итог многолетней кропотливой работы, проделанной автором, базируется на большом массиве архивных свидетельств и представляют собой фундаментальный справочный свод данных. По сравнению с опубликованными в 1996 г. этим же исследователем справочными материалами³⁸ данная публикация в полном объеме охватывает все места заключения подследственных в Петропавловской крепости, содержит значительно дополненные и уточненные, практически исчерпывающие сведения. Публикуемые указатели, несомненно, наделены весьма ценной справочной функцией и будут служить необходимым пособием для дальнейших исследовательских работ.

Образец основательного исследования историко-краеведческого характера представляет работа *Н. Б. Алексеевой* о Комендантском доме Петропавловской крепости – месте допросов подследственных и оглашения приговора осужденным по «делу декабристов». Автор музейной экспозиции в Комендантском доме в своем тщательно подготовленном труде, в настоящее время получившем уже значение своеобразного историографического памятника (датирован 1964 г.), подробнейшим образом реконструировал события конца 1825 – лета 1826 г., происходившие в помещениях музеефицированного ныне исторического здания.

В поле зрения авторов сборника – проблемы декабристской историографии. Процесс формирования образа декабристов в исторической литературе и публицистике во 2-й половине XIX – начале XX в., через призму публикаций на страницах трех главных исторических журналов дореволюционной России, стал предметом внимания *Е. Б. Васильевой*. Результаты работы,

³⁸ *Вершевская М. В.* Места заключения декабристов в бастионах и куртинах Петропавловской крепости // Краеведческие записки. Исследования и материалы. Вып. 4. СПб., 1996. С. 91–141.

ранее не проводившейся с таким масштабом и подробностью, позволяют посмотреть свежим взглядом на генезис различных представлений о декабристах, выявить важнейшие факторы, влиявшие на формирование в русском обществе (и в исторической литературе) различных «образов» участников декабристского движения, охарактеризовать основные этапы их развития, установить тематические предпочтения публикаций исторических журналов. Особенности развития историографии в период расцвета парадигмы «единого революционного движения» в советской историографии представлено в статье известных специалистов по истории декабристоведения *Г. Д. Казьмирчука* и *Ю. В. Латыша*. Авторы характеризуют идеологические рамки, в которые было жестко поставлено развитие научных представлений, вместе с тем, несмотря на очевидные негативные последствия идеологического давления, монополии одной концептуальной схемы, исследователи отмечают значительные результаты, достигнутые в этот период, связанные с исследованием конкретно-исторических вопросов, выяснением многих проблемных сюжетов, введением в оборот новых источников, наследия декабристов.

Затрагивая вопросы историографии, невозможно обойти вниманием проблемы современной научной литературы. Некоторые образцы современной историографии с присущими им достоинствами и недостатками стали предметом анализа и критики в развернутом отклике *А. Б. Шешина* и рецензии *М. А. Пастуховой*. Преобладание критических оценок в отзывах рецензентов обусловлено первоочередным вниманием к отразившимся в этих работах серьезным ошибкам и недостаткам, которые нередко встречаются в трудах последних десятилетий. В частности, речь идет о недостаточно обоснованных выводах, недоброкачественных оценках публицистического характера, спорных гипотетических версиях, которые выдаются за объективно и прочно установленные, доказанные научные положения. В основе этого – стремление к сенсационности, неосновательному пересмотру прежних представлений, следование заранее принятым схемам, под которые подгоняются факты, извлеченные из источников. Публикуемые отклики и рецензии заставляют читателя задуматься о необходимости критического отношения ко многим «сенсационным» выводам, которые в условиях освобожденного от идеологического диктата авторского творчества можно встретить в книгах и исследованиях даже историков-специалистов, о важности сравнения и сопоставления данных, представленных в различных исследованиях.

В целом, содержание сборника, как хотелось бы надеяться, отражает некоторые из направлений в изучении декабристского движения, которые привлекают к себе исследовательский интерес на современном этапе историографии и в значительной степени отвечают потребностям дальнейшего развития научных представлений.

I. Декабристы в историческом процессе

Античный политический миф о спартанском царе Феопомпе (VIII в. до н. э.) и русская общественная мысль XVIII–XIX вв. н. э

Л. Ю. Гусман

Русскую общественную мысль дореволюционного времени невозможно исследовать без обращения к ее западноевропейским и античным источникам. Изучение классических сочинений древнегреческих и древнеримских мыслителей являлось обязательной частью обучения дворянина из хорошей семьи в конце XVIII – середине XIX в. Стремление властей императорской России насаждать классическое образование нередко приводило к результатам, далеким от намерений охранителей. Желание «жить по Плутарху» было характерно для многих представителей русской политической мысли послепетровского периода отечественной истории. Те или иные эпизоды древней истории становились орудием идейно-политической борьбы и экстраполировались на современность. При этом объектами интерпретации становились не только знаменитости античного мира, такие как Ликург, Солон, Цицерон, но и малознакомые современному, пусть даже и весьма образованному, читателю. В данной статье мы проанализируем, как на протяжении приблизительно 100 лет противники российского самодержавия регулярно обращались к деятельности спартанского царя VIII в. до н. э. Феопомпа, историчность существования которого отнюдь не бесспорна, в качестве примера превосходства конституционной монархии над абсолютизмом. При этом конституционалисты использовали авторитет Аристотеля (IV в. до н. э.), римского историка-моралиста (I в. н. э.) Валерия Максима и Плутарха (II в. н. э.), которые примерно в идентичных выражениях и с одинаковыми идеологическими выводами передали поистине лаконические слова Феопомпа:

Аристотель:

Сохранение царского строя обеспечивается вводимыми ограничениями. Чем меньше полномочий будет иметь царская власть, тем дольше, естественно, она останется в неприкосновенном виде: в таком случае сами цари становятся менее деспотичными, приближаются по образу мыслей к своим подданным и в меньшей степени возбуждают в этих последних зависть. Поэтому царская власть долго удерживалась у молоссов, также и у лакедемонян, именно вследствие того, что там она с самого начала была поделена между двумя лицами, а также благодаря тому, что Феопомп ограничил ее различными мерами, в том числе установил должности эфоров; ослабив значение царской власти, он тем самым способствовал продлению ее существования, так что в известном отношении он не умалил ее, а, напротив, возвеличил. Говорят, что это он ответил своей жене, которая сказала ему, не стыдно ли ему, что он передает своим сыновьям царскую власть в меньшем объеме, нежели сам унаследовал от отца: *«Нисколько не стыдно, так как я передаю ее им более долговечной»*³⁹ <курсив мой. – Л.Г.>.

³⁹ Аристотель. Политика // Аристотель. Сочинения в четырех томах. Т. 4. М.: Мысль. 1983. С. 559.

Валерий Максим:

Уместно привести пример терпимости спартанского царя Феопомпа. Он первым ввел выборы эфоров, которые стали противостоять царской власти, подобно тому, как в Риме народные трибуны противопоставили власти консулов. Его жена попеняла ему за то, что сыновьям он, таким образом, оставляет более слабую власть. *«Да, – ответил он, – но зато более продолжительную»* <курсив мой. – Л.Г.>. И был совершенно прав, потому что власть сохраняется лишь тогда, когда ограничивает себя в силе. Таким образом, смилив оковами свою царскую власть, Феопомп стал ближе к доброжелательности сограждан, чем если бы отдался необузданности⁴⁰.

Плутарх:

Ликург придал государственному управлению смешанный характер, но преемники его, видя, что олигархия всё еще чересчур сильна, что она, как говорил Платон, надменна и склонна ко гневу, набрасывают на нее, словно узду, власть эфоров-блюстителей – приблизительно сто тридцать лет спустя после Ликурга, при царе Теопомпе. <...> Говорят, жена бранила Теопомпа за то, что он оставит детям царское могущество меньшим, нежели получил сам. *«Напротив, большим, поскольку более продолжительным»*, – возразил царь <курсив мой. – Л.Г.>. И верно, отказавшись от чрезмерной власти, спартанские цари вместе с тем избавились и от ненависти, и от зависти; им не пришлось испытать того, что мессенцы и аргивяне учинили со своими правителями, не пожелавшими поступиться ничем в пользу народа⁴¹.

Схожесть данных отрывков, очевидно, объясняется тем, что они восходят к общему источнику – несохранившейся «Лакедемонской политике» Аристотеля⁴². Главной же для нас является общая идеологическая направленность текстов. И Аристотель, и Плутарх, и Валерий Максим, один из популярнейших в годы Средневековья и Нового времени античных авторов⁴³, использовали деятельность, а особенно очевидно апокрифическую фразу Феопомпа, для четкого и недвусмысленного вывода: «басилейя» (царская власть) может не бояться падения только в случае законодательного (по сути, конституционного) ограничения царской власти, неограниченная же «монархия» обречена на перерождение в тиранию и на неминуемую гибель.

Одобрительно о реформах Феопомпа, как гарантировавших выживание спартанской царской власти, упоминал и Платон, хотя он и не цитировал диалога царя с его женой: «Третий... спаситель вашего государства <Спарты. – Л.Г.>, видя, что его всё еще обуревают страсти, как бы узду набросил на него в виде власти эфоров, близкой к выборной власти. Потому что у вас царская власть, возникнув из смеси надлежащих частей, была умеренной и, сохранившись сама, оказалась спасительной и для других»⁴⁴. Платона, как и других древнегреческих мыслителей, интересовал вопрос: почему царская власть в античной Греции сохранилась только в одном полисе – в Спарте? Ответ, дававшийся философами, оказался на удивление схож: потому что власть лакедемонских царей была существенно ограничена Феопомпом и его предшественниками.

⁴⁰ Валерий Максим. Достопамятные деяния и изречения. СПб.: Издательство С.-Петербургского университета. 2007. С. 162.

⁴¹ Плутарх. Ликург // Плутарх. Сравнительные жизнеописания в трех томах. Т. 1. М.: Наука. 1961. С. 58.

⁴² Печатинова Л. Г. История Спарты (период архаики и классики). СПб., 2002. С. 29–30.

⁴³ Подробнее о нем см.: Трохачев С. Ю. Валерий Максим и его история в поучительных анекдотах // Максим Валерий. Указ. соч. С. 3–15.

⁴⁴ Платон. Законы // Платон. Сочинения в трех томах. Т. 3. Ч. 2. М.: Мысль. 1972. С. 163.

Ксенофонт, чьи сочинения о Спарте служили источниками для Аристотеля и Плутарха, также указывал на ограничения полномочий спартанских монархов как на причину долговечности их власти: «Государство спартанцев никогда не пыталось свергнуть их <царей. – Л.Г.> с престола, проникшись завистью к их главенствующему положению, а сами цари никогда не стремились выйти за пределы тех полномочий, на условиях которых они с самого начала получили царскую власть»⁴⁵.

Характерно, что в современном переводе Плутарха государственный строй Спарты именуется современным термином «конституционная монархия»⁴⁶. Заметим, что и некоторые современные исследователи приходят к выводу о том, что «компромисс, заключенный между царями и обществом, способствовал сохранению в Спарте гражданского мира и приданию устойчивости ее государственного строя»⁴⁷.

Отрицательное отношение к институту неограниченной монархии, даже в руках добродетельного и просвещенного царя, не являлось чем-то исключительным в античности. Напротив, это общее место в политической идеологии тогдашних приверженцев «смешанной» формы правления. Необходимо напомнить, что эта весьма распространенная политическая концепция, берущая начало от пифагорейца Архита, Фукидида и Платона, основывалась на том, что единственная стабильная и справедливая форма правления – смешанная, сочетающая преимущества монархии (по Полибию – «басилейи»), аристократии и «политии» (в варианте Полибия – демократии) – трех «правильных» типов государственного устройства. Не претендуя на подробный анализ этой теории (у которой уже тогда были противники, например, Тацит⁴⁸), надолго пережившей античность, отметим, что примерами подобной смешанной формы правления в древности служили Спарта и республиканский Рим (неслучайно в приведенной цитате из Плутарха указывается на смешанный характер спартанской политической структуры). Даже наилучшая неограниченная монархия рассматривалась сторонниками этой теории как близкая к тирании и лишенная свободы форма правления. Приведем соответствующие заявления стоика Гипподама, знаменитого оратора Цицерона и последнего языческого историка (V в. н. э.) Зосима:

Гипподам:

Монархия есть некоторое подобие божественного промысла, но человеческой слабости трудно сохранить за нею этот характер, и она тотчас извращается роскошью и насилием. Итак, не следует пользоваться монархией без границ, но сохранить для нее столько власти, сколько должно, в размере, полезном для государства⁴⁹.

Цицерон:

Хотя знаменитейший перс Кир и был справедливейшим и мудрейшим царем, всё же к такому «достоянию народа» (а это <...> и есть государство), видимо, не стоило особенно стремиться, так как государство управлялось мановением и властью одного человека⁵⁰... Государство, подорванное порочностью одного человека, очень легко гибнет... Вообще, народу, находящемуся под царской властью, недостает многого и, прежде всего,

⁴⁵ Ксенофонт. Агесилай. Сократические сочинения. М., 2003. С. 630.

⁴⁶ Плутарх. Застольные беседы. Л.: Наука, 1990. С. 139.

⁴⁷ Печатинова Л. Г. Указ. соч. С. 63.

⁴⁸ Тацит. Анналы // К. Тацит. Сочинения в двух томах. Т. 1. Л.: Наука, 1969. С. 129.

⁴⁹ Цит. по: Васильевский В. Г. Политическая реформа и социальное движение в Древней Греции в период ее упадка. СПб., 1869. С. 135.

⁵⁰ М. Т. Цицерон. О государстве // Цицерон. Диалоги. М.: Наука, 1966. С. 22.

свободы, которая состоит не в том, чтобы иметь справедливого государя, а чтобы не иметь никакого⁵¹.

Зосим:

Он <Октавиан Август. – Л.Г.> не устраивал тех, кто в иных случаях тоже мог бы управлять огромными массами различного населения. С другой стороны, то, что он отказывался ограничить монархию, мог стать тираном, подталкивать управление к хаосу, прощать преступников, торговать справедливостью и считать граждан рабами, – всё это подтверждает известную истину о том, что неограниченная власть правителя есть всеобщее бедствие⁵².

Не вдаваясь в анализ конкретно-исторических суждений Цицерона о царе Кире, в которых очевидна полемика с «Киропедией» Ксенофонта и влияние повествующего о Кире отрывка из «Законов» Платона, не полемизируя с явными анахронизмами Зосима в его критике «республиканской монархии» принципата, выделим то общее, что характерно для приведенных цитат. Их авторы подвергали резкой критике не только тиранию, но и сам институт неограниченной монархии, идею Платона о «философе на троне», и призывали к законодательному ограничению власти царя. В этом смысле поступок Феопомпа, добровольно отказавшегося от части своих полномочий и сохранившего благодаря этому царскую власть за своими потомками, представлялся оптимальным примером для правителей – «спасительным ограничением царской власти»⁵³, как выразился и сам Платон. Поэтому неслучайно, что о реформах Феопомпа одобрительно отзывался республиканец Цицерон⁵⁴.

Несомненно, что антисамодержавные высказывания античных мыслителей и царей, пусть порой и апокрифические, становились неиссякаемым источником вдохновения для позднейших противников абсолютной монархии, действовавших в совершенно иных, нежели античный мир, исторических условиях. К. Демулен весьма красноречиво указал в 1792 г. на роль классического образования в формировании «гражданского республиканизма» Великой французской революции: «Нас воспитывали в идеях Рима и Афин, воодушевляли республиканской гордостью для того, чтобы жить в уничтожении монархии, под властью Клавдиев и Вителлиев. Безумное правительство думало, что мы могли восторгаться отцами отечества Капитолия и не питать отвращения к версальским людоедам, восхищаться прошлым, не осуждая настоящего»⁵⁵.

Точно так же было бы наивно рассчитывать на то, чтобы российские читатели уже известных нам отрывков из Аристотеля и Плутарха не усомнились в преимуществах абсолютизма. И спартанский царь Феопомп в версии античных авторов уже во 2-й половине XVIII в. стал союзником критиков русского самодержавия.

В 1773 г. в Петербурге был издан перевод книги знаменитого французского философа Г. Мабли «Размышления о греческой истории». Ее автор, родной брат другого известного просветителя Э. Кондильяка, был одним из пропагандистов весьма распространенной в век Просвещения теории «республиканской монархии» как лучшей формы правления. В своей книге Мабли обличал и деспотизм, и крайности демократии, восторгался, хотя и небезоговорочно, вольностями античных полисов и федеративных союзов. В историю русской общественной мысли это сочинение вошло благодаря его переводчику – А. Н. Радищеву. Он сопроводил текст несколькими примечаниями. В одном из них Радищев коснулся реформы Феопомпа. Поле-

⁵¹ Там же. С. 45.

⁵² Зосим. Новая история. Кн. 1 // Античный мир. Белгород: Издательство БГУ, 1999. С. 157.

⁵³ Платон. Письма VIII // Платон. Сочинения в трех томах. Т. 3. Ч. 2. М.: Мысль, 1972. С. 556.

⁵⁴ М. Т. Цицерон. Указ. соч. С. 49–50.

⁵⁵ Олар А. Политическая история французской революции. М.: Соцэкгиз, 1938. С. 15.

мизируя с утверждением Мабли о том, что институт эфората был создан Ликургом, комментатор писал: «Аристотель и Плутарх определяют учреждение Ефоров при царях Феопомпе и Полидоре... которое мнение мне кажется есть справедливое. <...> Учреждение Ефоров можно почесть средством, употребленным к восстановлению тишины и спокойствия»⁵⁶. Итак, очевидно знакомство Радищева с рассказами Аристотеля и Плутарха о добровольном отказе Феопомпа от части своей власти. В этот период Радищев уже весьма негативно относился к абсолютизму. В другом своем примечании к книге Мабли Радищев заявлял: «Самодержавство есть наипротивнейшее человеческому естеству состояние. Мы не... можем дать над собою неограниченной власти»⁵⁷.

Несомненно, мнение Феопомпа о большей прочности ограниченной монархии не могло не вызвать сочувствия Радищева, учитывая, что учреждение эфората рассматривают в современной историографии как «победу общины над суверенной царской властью»⁵⁸.

Источниками знаний о Феопомпе будущего автора «Путешествия из Петербурга в Москву» могли послужить не только упомянутые им Аристотель и Плутарх, но и сочинения Валерия Максима, вышедшие в русском переводе в 1772 г., за год до радищевского издания Мабли. Раздел о «спартанском конституционалисте», доступный российскому, не знавшему иностранных языков читателю, завершался весьма недвусмысленным выводом: «Феопомп: “хотя я оставляю власть и меньше, но прочнее”, и подлинно он отвечал весьма справедливо. Ибо то могущество безопасно, когда мы силам полагаем меру. Чего ради Феопомп, власть царскую обязав законными узами, чем более удалил от своевольтва, тем ближе привел в любовь гражданство»⁵⁹. Подобное нравоучение могло казаться весьма актуальным в России XVIII в., когда проблема безопасной передачи власти была одной из самых острых. Самоограничение царской власти по спартанскому образцу выглядело неплохим лекарством от постоянной опасности дворцовых переворотов.

Существует и иная интерпретация радищевского примечания о преобразованиях Феопомпа, принадлежащая Ю. М. Лотману⁶⁰. Он полагал, что переводчик осуждал эту реформу, поскольку рассматривал эфорат исключительно как ограничение прав народного собрания и, следовательно, как антидемократическую меру. Однако Лотман не обратился к первоисточникам – текстам Аристотеля и Плутарха, хотя на них ссылался сам Радищев. Оба античных мыслителя утверждали, что эфоры ограничивали царскую власть и полномочия сената, но отнюдь не власть народа. Более того, Аристотель прямо указывал на эфорат как на демократический элемент смешанного государственного устройства Спарты: «Демократическое... начало проявляется во власти эфоров, так как последние избираются из народа»⁶¹. С определенной долей условности можно утверждать, что спартанские эфоры сочетали функции древнеримских народных трибунов и цензоров (о чем, как мы видели, и писал Валерий Максим – прекрасный знаток государственного устройства республиканского Рима)⁶².

Современный исследователь истории Спарты Л. Г. Печатнова отмечает: «Власть эфоров позволила всем спартанским гражданам ощутить себя равными с родовой аристократией и царями»⁶³. Безусловно, эфорат серьезно эволюционировал и в итоге потерял свой демокра-

⁵⁶ Радищев А. Н. [Примечания] // Мабли Г. О. Размышления о греческой истории или о причинах благоденствия и несчастья греков. СПб.: Изданием Общества, старающегося о печатании книг при Императорской Академии наук, 1773. С. 17.

⁵⁷ Там же. С. 126.

⁵⁸ Печатнова Л. Г. Указ. соч. С. 66.

⁵⁹ Валерия Максима изречений и дел достопамятных книг девять. Ч. 2. СПб.: При Императорской Академии наук, 1771. С. 381.

⁶⁰ Лотман Ю. М. Радищев и Мабли // Лотман Ю. М. Избранные статьи. Т. 2. Таллин, 1992. С. 113–114.

⁶¹ Аристотель. Указ. соч. С. 417.

⁶² О сходстве спартанского эфората с римским народным трибуналом см.: Печатнова Л. Г. Указ. соч. С. 66.

⁶³ Там же. С. 67.

тический характер, но, по нашему мнению, первоначальный эфорат, созданный Феопомпом, и позднейший эфорат, упраздненный царем Клеоменом III как главная помеха его социальным преобразованиям, принципиально отличаются друг от друга. Радищев фактически солидаризовался с Мабли, который, вопреки авторитету Плутарха и в соответствии с взглядами Полибия, резко охарактеризовал деятельность главного врага эфората в спартанской истории – Клеомена III⁶⁴. Нам представляется, что радищевское примечание о реформе Феопомпа идейно связано с примечанием о вреде самодержавия и может быть адекватно интерпретировано только на основе текстов Аристотеля и Плутарха о преимуществах законодательно ограниченной монархии над царским всевластием.

Хотя в «Размышлениях о греческой истории» Г. Мабли и не упомянул о Феопомпе, это не помешало французскому философу уделить довольно много места спартанскому царю в другой своей книге – «Об изучении истории». Данное сочинение представляло собой завершающий том энциклопедического курса, который брат Мабли Э. Кондильяк читал наследнику пармского престола Фердинанду. В этом трактате нашла продолжение тема «Феопомп и русское самодержавие». Отстаивая законодательное ограничение власти монарха и, как обычно, апеллируя к античным образцам, Мабли создал свою, значительно расширенную по сравнению с Аристотелем и Плутархом, версию разговора Феопомпа с женой. Лаконичный спартанский царь превратился под пером французского аббата в многословного ратора. Возможно, впрочем, что это было сделано из педагогических соображений применительно к восприятию юного принца. Приведем этот весьма любопытный отрывок: «Дворянство, столь склонное презирать сограждан, поймет, что чем более уважает подвластный ему народ, тем само оно станет более великим и могущественным. И тогда возродятся Феопомпы. Сей спартанский царь сам ограничил свою власть, расширив при этом власть эфоров. Я укрепляю свое счастье, говорил он жене, которая упрекала его за унижение своего достоинства, всякая чрезмерная власть разваливается под собственной тяжестью. Разве не должен я остерегаться слабостей человеческих, поскольку я всего лишь человек? Я облагораживаю свое достоинство, подчиняя оное законам правосудия. Не лучше ли повелевать людьми свободными, кои будут доверять мне, нежели трепещущими от страха рабами? Именно благодаря этому я умножу силы Спарты, заставлю почитать во всей Греции и среди варваров имя спартанцев и мое собственное»⁶⁵. Итак, мысль, уместившаяся у Аристотеля и Плутарха в пределах одной строки, заняла в данном тексте восемь строк. Вообще, любовь Мабли к длинным вымышленным речам исторических личностей с неодобрением отмечалась даже таким почитателем его сочинений, как Н. М. Карамзин⁶⁶. Но если отвлечься от формы рассказа Мабли о спартанском царе, то следует сказать, что французский философ противопоставлял Феопомпу не какого-нибудь французского или испанского монарха, а Петра I. Буквально через два абзаца после приведенной цитаты следовала обширная, разумеется, вымышленная речь, адресованная первому русскому императору, который упрекался в сохранении самодержавия: «Дабы с пользой преобразовать Россию, сделать ваши законы прочными и создать воистину новый народ, начните с преобразования собственной вашей власти. Если вы не сумеете ограничить свои права, вас заподозрят в малодушии, в том, что вы никогда не считали себя достаточно могущественным государем, и робость ваша смешает вас с толпой прочих властителей. <...> Пусть императоры российские передадут законам предназначенную им власть, пусть поставят они себя в счастливую необходимость подчиняться им, пусть почитают они народ свой, не дерзая показаться порочными. И тотчас же ваши рабы, превратятся в граждан, легко обретут таланты и добродетели, способные привести

⁶⁴ Мабли Г. О. Указ. соч. С. 209–210.

⁶⁵ Мабли Г. О. Об изучении истории // Мабли Г. О. Об изучении истории. О том, как писать историю. М.: Наука. 1993. С. 122.

⁶⁶ Карамзин Н. М. Предисловие // Карамзин Н. М. История государства Российского. Т. 1. Калуга, 1994. С. 9.

в цветущее состояние вашу империю»⁶⁷. По существу, в этой никогда не произнесенной речи Петр I побуждался последовать примеру Феопомпа и отказаться от неограниченной власти. Этого не произошло, и Мабли достаточно резко выразил свое разочарование в русском реформаторе: «Можно упрекать Петра I в том, что он не воспользовался одержанными успехами и победами ради утверждения нового правления в своем государстве. Именно потому, что он даже не пытался предпринять это, его будут причислять к государям, правление которых было славным. Но никогда он не окажется в ряду законодателей и благодетелей своего народа»⁶⁸. Кульминации эта тема достигла в финале книги, где Мабли, как выяснилось затем, тщетно умолял своего воспитанника стать «новым Феопомпом» и не подражать Петру I⁶⁹. Итак, в данном сочинении содержится противопоставление благодетеля и законодателя своего народа, отрекшегося от безраздельного правления, Феопомпа, самовластному русскому императору, оставившему государство в рабстве и не обеспечившему счастья подданным, несмотря на все блестящие победы.

Книга Г. Мабли «Об изучении истории» была хорошо известна в России. В 1812 г. ее перевели и издали на русском языке, хотя, конечно, цензура изъяла негативные упоминания о Петре Великом. Но, не говоря уже о том, что просвещенные дворяне читали Мабли в подлиннике, крамольный текст был переведен и опубликован, хотя и с негативным комментарием, И. И. Голиковым в его знаменитых «Деяниях Петра Великого». Данная публикация вызвала определенную общественную реакцию, вопреки намерениям Голикова, порой позитивную по отношению к либеральной риторике Мабли. Отметим и то, что сочинение «Об изучении истории» читали, под руководством Ф. Ц. Лагарпа, великие князья Александр и Константин Павловичи, и, возможно, оно повлияло на формирование мировоззрения будущего императора⁷⁰.

Однако на этом одиссея (используя античный образ) Феопомпа в России не завершилась, и, когда в середине 1810-х гг. конституционные настроения в империи усилились и идеология «гражданского республиканизма» стала чрезвычайно распространенной, диалог спартанского царя с женой вновь оказался востребованным. Этому способствовало и общее увлечение античной политической мыслью в среде либерального дворянства, в особенности – будущих декабристов. Как вспоминал И. Д. Якушкин: «В это время мы страстно любили древних. Плутарх, Тит Ливий, Цицерон, Тацит и другие были у каждого из нас почти настольными книгами»⁷¹. Напомним, что именно Плутарх был одним из рассказчиков о добровольном отказе Феопомпа от абсолютной власти.

Одним из ревностных приверженцев введения конституции в России 1-й четверти XIX в. был знаменитый поэт-арзамасец П. А. Вяземский. Его идейная связь с умеренным крылом декабристского движения многократно была предметом изучения⁷². Сам он принимал активное участие в немногочисленных актах «правительственного конституционализма» 2-й половины 1810-х гг.: переводе «варшавской речи» императора Александра I и составлении Государственной уставной грамоты Н. Н. Новосильцева. Даже в официальном документе, адресованном Николаю I, убежденному противнику представительного правления, П. А. Вяземский откровенно писал: «Новые надежды, которые открывались для России в речи государевой, характер Новосильцева, лестные успехи, ознаменовавшие мои первые шаги, – всё вместе дало еще живейшее направление моему образу мыслей, преданных началам законной свободы

⁶⁷ Мабли Г. О. Об изучении истории... С. 128–129.

⁶⁸ Мабли Г. О. Об изучении истории... С. 134.

⁶⁹ Там же. С. 148.

⁷⁰ Подробнее о воздействии книги Г. О. Мабли на русскую общественную мысль см.: Мезин С. А. Взгляд из Европы: французские авторы XVIII в. о Петре I. Саратов: Издательство Саратовского университета, 1999. С. 142–143.

⁷¹ Якушкин И. Д. Мемуары, статьи, документы. Иркутск, 1993. С. 91.

⁷² См. например: Лотман Ю. М. П. А. Вяземский и движение декабристов // Лотман Ю. М. О русской литературе. Статьи и исследования (1958–1993). СПб.: Искусство – СПб., 2005. С. 413–524.

и началам конституционного монаршического (sic!) направления, которое я всегда почитал надежнейшим залогом благоденствия общего и частного, надежнейшим кормилом царей и народов»⁷³.

Ожидание скорого введения русской конституции, отношение к представительному образу правления как гарантии мирного и быстрого развития страны обусловили внимание писателя к историческим примерам, подтверждавшим его убеждения. И в «Записной книжке» П. А. Вяземского – общепризнанном источнике по истории либеральной общественной мысли 1800-х – 1850-х гг. – около 1820 г. появилась следующая запись: «Феопомпий, спартанский царь, первый присоединил эфоров к правлению государственному; испуганное его семейство, говорит Аристотель, укоряло его в ослаблении могущества, предоставленного ему предками. “Нет, – отвечал он – я передам его еще в большей силе преемникам, потому что оно будет надежнее”»⁷⁴. Возможно, этот рассказ о Феопомпе заимствован Вяземским через посредство французских либеральных публицистов времен Реставрации, например Б. Констана, хотя нельзя полностью исключать и вероятность непосредственного знакомства поэта с текстами Аристотеля, Плутарха или Валерия Максима. В то же время лаконичность записи арзамасца явно контрастирует с многословием Г. Мабли, чье сочинение в данном случае не оказало влияния на «Записные книжки». В любом случае, эта запись Вяземского показывает, что доводы Феопомпа, точнее, Аристотеля, В. Максима и Плутарха в пользу ограничения царской власти находили живой отклик в среде русских конституционалистов царствования Александра I.

Необходимо, однако, указать на существование в эпоху формирования тайных обществ иной, охранительной, интерпретации истории Спарты. Это государство рассматривалось уже не как пример для подражания, а как негативный пример. Эфорат рисовался сплошными черными красками, а ограничение царской власти оценивалось как результат антинародного заговора аристократии.

Особенно четко подобная тенденция прослеживается в составленном И. К. Кайдановым в середине 1810-х гг. учебнике древней истории. Особенно важно, что это издание было составлено на основе лекций, прочитанных знаменитому первому выпуску Царскосельского лицея. Раздел учебника, посвященный Спарте, носил резко полемический характер по отношению к ее просветительской идеализации: «Спартанцы унизились до зверского состояния⁷⁵. <...> Ликург преобразил спартанцев в диких бесчеловечных людей⁷⁶. <...> Мысль о равенстве всех граждан была безрассудна и нимало не делает честь уму сего законодательства⁷⁷. <...> Народ вскоре сделался жертвою властолюбия хитрых демагогов. Под видом защищения народной свободы они присвоили себе неограниченную власть над царями, сенатом и народом. Это были эфоры. Учреждение эфоров некоторые приписывают Ликургу, а другие царю Феопомпу»⁷⁸. Итак, Кайданов полностью переосмыслил античную традицию. Феопомп из мудрого правителя превратился в слабого государя, отдавшего свою полезную для государства власть в руки демагогов. И в данном случае интерпретация спартанской истории становится инструментом в идеологической борьбе, только уже не против абсолютизма, а за самодержавие. Справедливости ради заметим, что усилия Кайданова по защите устоев российской монархии оказались не вполне удачными, судя по участию в тайных обществах многих и лучших его учеников. Однако подавление восстания 14 декабря 1825 г. не могло не заставить прежних «либерали-

⁷³ Вяземский П. А. Записка о князе Вяземском, им самим составленная // Записные книжки. М.: Русская книга, 1992. С. 319.

⁷⁴ Вяземский П. А. Записные книжки (1813–1848). М., 1963. С. 32.

⁷⁵ Кайданов И. К. Основания всеобщей политической истории. Ч. 1. Древняя история. СПб.: Печатано при Императорской Академии наук, 1814. С. 128.

⁷⁶ Там же.

⁷⁷ Там же.

⁷⁸ Там же. С. 130.

стов» подвергнуть суровому переосмыслению не только свои взгляды на желательное устройство России, но и воззрения на историю античности.

В июле 1830 г. декабрист А. О. Корнилович направил на имя А. Х. Бенкендорфа записку, в которой, рассказывая в прежних «преступлениях», давал различные рекомендации по улучшению воспитания молодого поколения. Признавая неизбежные несовершенства неограниченных монархий, А. О. Корнилович всё же отмечал, что «они имеют на своей стороне преимущества, которые, без сомнения, заставят всякого незараженного предрассудками человека предпочесть их всем другим правительствам»⁷⁹. Главным препятствием к приобретению таких же взглядов молодежью Корнилович считал отсутствие «беспристрастия» у античных писателей⁸⁰. Бывший декабрист «желал бы, чтоб нас остерегали от заблуждения, в которое они нас приводят; чтоб мы перестали себя обманывать и взирали на их героев, как на героев в романах и трагедиях, которых характеры и речи нам нравятся, восхищают нас, но не производят над нами решительного влияния: ибо мы знаем, что они составлены в воображении автора»⁸¹. Корнилович не ограничивался общими рассуждениями, а рекомендовал использовать в качестве противоядия античному республиканизму книгу английского торийского историка У. Митфорда “History of Greece”. Автор записки оптимистически пророчествовал, что издание этого исследования на русском языке «принесет ту пользу, что рассеет множество заблуждений, разочарует нашу молодежь насчет древности и ослабит доверие к читаемым у нас классикам»⁸².

Следует заметить, что в современной Корниловичу английской историографии действительно был распространен скептицизм относительно позитивного влияния античных классиков, особенно Плутарха, на европейские революции. Даже убежденный конституционалист, знаменитый британский историк Т. Б. Маколей писал в 1832 г., несколько идеализируя опыт своей родины: «Англичане удовлетворялись собственной национальной памятью и своими собственными английскими именами. Они никогда не искали для себя образцы в Древней Греции или Риме. Французы же, не видя в своей истории ничего привлекательного, обратились к великим сообществам древности. Но делали это не по оригинальным сочинениям, а по романтическим вымыслам педантических моралистов, писавших спустя долгое время после исчезновения там свободных обществ. Они предпочли Плутарха Фукидиду. Ослепнув сами, они брали себе слепых поводырей»⁸³.

Т. Б. Маколей обратил внимание на важную особенность ссылок на античный опыт в европейской традиции вообще и в российской общественной мысли в частности – ориентацию не на древних историков, а на моралистов и философов, воспринимавших исторический процесс лишь как повод для цитирования и сочинения поучительных сентенций, подобных апокрифической фразе Феопомпа.

Нам не удалось обнаружить следов влияния рекомендаций А. О. Корниловича на историческую литературу николаевского царствования. Парадоксально, но в учебных изданиях той, как принято считать, консервативно-охранительной поры отношение к ограничению власти спартанских царей значительно более толерантно, чем в курсе И. К. Кайданова, составленном в эпоху преобладания конституционалистских настроений. Так, в пришедшем в 1840 г. на смену кайдановскому руководству учебнике древней истории С. Н. Смарагдова не только восхвалялось «взаимное ограничение властей государственных» в Спарте⁸⁴, но и заявлялось, что «до

⁷⁹ Корнилович А. О. Записки из Алексеевского равелина. М.: Российский архив, 2004. С. 180.

⁸⁰ Там же.

⁸¹ Там же.

⁸² Там же. С. 181.

⁸³ Маколей Т. Б. Истоки Французской революции // Маколей Т. Б. Англия и Европа. Избранные эссе. СПб.: Алетейя, 2001. С. 189.

⁸⁴ Смарагдов С. Н. Руководство к познанию древней истории для средних учебных заведений. СПб.: Изданием С.-Петербургского Воспитательного дома, 1840. С. 167.

тех пор, пока спартанцы исполняли законы его <Ликурга. – Л.Г.>, государство их наслаждалось миром и спокойствием внутри»⁸⁵. Таким образом, Смарагдов возвращался на уже проторенную дорогу апологетики «спасительного ограничения царской власти» в Спарте Ликургом и Феопомпом.

Время правления Николая I отличалось слабым распространением конституционалистских идей, что объяснялось отнюдь не только цензурными запретами. Ослаблению антиабсолютистских настроений в русском обществе способствовали вера в то, что только самодержавие способно положить конец крепостному праву, разочарование в западноевропейском либерализме и общее предпочтение социальных реформ политическим. По-видимому, этим и объясняется отсутствие в русской публицистике той эпохи упоминаний о диалоге Феопомпа с женой. Но с началом нового царствования ситуация изменилась.

В пореформенной России значительно улучшились цензурные условия для научной литературы, стали печататься исторические книги западных авторов либерального и радикального направлений, которые воспринимались как своеобразные учебники политики. Особое значение среди них получила переведенная под редакцией Н. Г. Чернышевского многотомная «Всемирная история» немецкого либерала Ф. К. Шлоссера. Ее роль в формировании исторических взглядов русских демократов-разночинцев достаточно изучена⁸⁶. Для нас же важно, что Шлоссер ясно высказал свое отношение к политической реформе Феопомпа. Германский автор намеренно не включал в текст книги исторические анекдоты, наподобие разговора спартанского царя с женой, не только из-за стремления к большей серьезности, но и поскольку эти рассказы были известны немецкому читателю, хорошо знакомому с сочинениями Плутарха. Вместе с тем Феопомпу посвящен достаточно интересный отрывок Шлоссера: «Влияние эфоров начало возрастать через сто тридцать лет после Ликурга, когда, по предложению царя Феопомпа, их сделали царскими наместниками на время отсутствия царей. С этого времени эфоры, подобно народным трибунам Рима, стали чисто демократическим учреждением и выступали как представители прав народа против царей и сената»⁸⁷. Итак, Шлоссер, в своей интерпретации реформы Феопомпа, четко следовал античным авторам. Как и они, он сближал эфоров с народными трибунами и подчеркивал народный характер эфората. Феопомп у Шлоссера оказывался преобразователем государственного устройства Спарты в демократическом духе. Такой спартанский царь не мог не вызвать симпатии и у редактора русского издания «Всемирной истории» – Чернышевского, и у последователей автора «Что делать?». И рассказы о реформах Феопомпа были как нельзя кстати во время напряженной общественной борьбы в годы «великих реформ».

В конце 1860 г. журнал «Русское слово», близкий по своему направлению к «Современнику» Н. Г. Чернышевского и не скрывавший сочувствия к конституционным идеям, начал печатать в качестве приложения отрывки из «Истории Греции» Дж. Грота. Это сочинение считалось в тот период классическим трудом по изучению античности не только из-за своей несомненной научной ценности, но и по причине политической направленности многотомного исследования. Его автор «принадлежал не только к философским радикалам... но и к политическим. Грот питал особенную любовь к республике»⁸⁸. Целью Грота была реабилитация афинской демократии, вопреки нападкам английских торийских исследователей. Как отмечалось в литературе, «несмотря на свой радикализм, Дж. Грот типичный английский либерал своего времени. Он полагал, что достаточно создать либеральные учреждения – и социальные беды

⁸⁵ Там же. С. 171.

⁸⁶ Володин А. И., Карякин Ю. Ф., Плимак Е. Г. Чернышевский или Нечаев? О подлинной и мнимой революционности в освободительном движении России 50–60-х годов XIX века. М., 1976. С. 65–90.

⁸⁷ Шлоссер Ф. К. Всемирная история. Т. 1. СПб.: А. Серно-Соловьевич, 1861. С. 288.

⁸⁸ Бузескул В. П. Введение в историю Греции. Обзор источников и очерк разработки греческой истории в XIX и в начале XX в. СПб.: Издательский дом «Коло», 2005. С. 337.

будут устранены»⁸⁹. Для Грота, как, впрочем, и для его консервативных оппонентов, история античности оставалась «политикой, опрокинутой в прошлое». Он сознательно противопоставлял свой труд книге У. Митфорда, которую А. О. Корнилович в свое время призывал использовать в охранительных целях. Понятно, что перевод отрывка из книги Грота, посвященного развитию греческих политических институтов, имел политический оттенок. К тому же, эта часть «Истории Греции» печаталась под одной обложкой с явно «неблагонамеренными» статьями авторов «Русского слова», в котором именно тогда начинал сотрудничать высоко ценивший Грота⁹⁰ «пророк молодого поколения» Д. И. Писарев.

Дж. Грот, разумеется, не мог не упомянуть про сентенцию Феопомпа, которая идеально подходила для апологии конституционной монархии наподобие английской: «Что власть царей потеряла в обширности, то, по весьма верному изречению царя Феопомпа, она выиграла в прочности»⁹¹. Грот не скрывал, что рассматривал самоограничение царской власти в Спарте как единственное условие ее спасения: «В Спарте, где наследственное царское достоинство было удержано, оно сохранилось с несравненно уменьшенным блеском и влиянием, и, по-видимому, такое своевременное уменьшение значения его было одним из существенных условий сохранения самого существования царской власти»⁹². Нетрудно убедиться, что Грот лишь пересказывает апокрифическую фразу Феопомпа. В условиях, когда революции объяснялись неспособностью властей вовремя ввести конституционные свободы, слова о «своевременном уменьшении» значения царской власти читались отнюдь не как академические рассуждения. Так читатели «Русского слова», основываясь на политически препарированном античном материале, проникались конституционалистскими взглядами.

Вместе с тем в том же самом «Русском слове» в начале 1861 г. появилась совершенно оригинальная интерпретация фразы Феопомпа, ставшая одним из признаков размежевания либералов-конституционалистов с социалистами. Как мы видели, ранее Феопомп подвергался критике исключительно справа, с точки зрения приверженцев абсолютизма, но в канун крестьянской реформы спартанский царь был атакован с достаточно радикальных позиций. Жестко критикуя лидера британских вигов Дж. Росселя за умеренность, редактор «Русского слова» Г. Е. Благодетель одобрительно цитировал английского памфлетиста Г. Ритчи: «Его превосходительство <Дж. Россель. – Л.Г.> либеральный государственный человек, но совершенно в том же виде, как спартанский эфор; когда жена обвиняла его за то, что он отказался от половины привилегий своих детей, эфор ответил ей, что он поступил так с намерением, чтоб сохранить для них другую половину»⁹³.

В итоге Россель обвинялся в лицемерии и попытках ценой незначительных уступок сохранить основные привилегии аристократии. Таких радикалов уже не устраивала конституционная монархия и принцип разделения властей. В той схеме государственного устройства, которую предполагали русские революционеры, не было места для компромиссов с имущими классами. Заметим, кстати, что Ритчи (и цитировавший его Благодетель) явно по памяти излагали античное предание (спартанский царь назван эфором) и существенно его переосмыслили. Они резко критиковали его, как в свое время и И. К. Кайданов, но не за отказ от абсолютной власти, а за сохранение хоть каких-то полномочий. Как видим, неприятие политических сделок и договоренностей роднило российских революционеров и крайних консерваторов, что видно и на их отношении к анекдоту о царе Лакедемона.

⁸⁹ Хвостов М. М. История Греции: курс лекций. М., 2007. С. 31.

⁹⁰ Писарев Д. И. Наша университетская наука // Писарев Д. И. Полное собрание сочинений и писем в 12 томах. Т. 5. М.: Наука, 2002. С. 22.

⁹¹ Грот Дж. Из истории Греции Грота // Русское слово. № 12. 1860. Приложение. С. 3.

⁹² Там же. Русское слово. № 11. 1860. Приложение. С. 22.

⁹³ Благодетель Г. Е. Несколько слов по поводу «Отечественных записок» и «Русской речи» // Русское слово. № 4. 1861. С. 21.

Но, справедливости ради, заметим, что значительно чаще история про Феофана трактовалась весьма позитивно, чему способствовал общий политический контекст «эпохи великих реформ».

Начало 1860-х гг. стало для России временем «конституционного кризиса». Этому способствовал не только общий «кризис верхов», но и серьезные перемены политической карты Европы. С 1859 по 1862 г. бывшие цитадели абсолютизма в Италии и Австрии или прекратили свое существование, или были вынуждены ввести конституцию. Лишь Российская и Османская империи сохранили самодержавный строй, однако лишь немногие верили в его устойчивость. Даже министр внутренних дел России П. А. Валуев в конце 1861 г. в обширной записке на имя императора писал: «Меньшинство гражданских чинов и войско суть ныне единственные силы, на которые правительство может вполне опираться и которыми оно может вполне располагать»⁹⁴. Император с глубокой печалью признал этот вывод «грустной истиной»⁹⁵.

Совсем с другим настроением воспринимали временную слабость русского абсолютизма приверженцы «перемены образа правления». Ведущий публицист русского конституционализма, находившийся в эмиграции П. В. Долгоруков торжествующе констатировал: «Без политических учреждений дельных, без конституции никакая страна в мире не может пользоваться благоденствием, ни даже безопасностью»⁹⁶. Призывы к императору ввести представительное правление в России сопровождались аргументами о том, что только конституция может сохранить власть династии Романовых и спасти страну от кровавой революции:

«Великорусс» – 1861 г.:

Согласившись на введение конституционного устройства, вы <Александр II. – Л.Г.> только освободите себя от тяготеющего над вами владычества лжи, заменив нынешнее ваше подчинение чистой и полезной покорностью истине... Только правительство, опирающееся на свободную волю самой нации, может совершить те преобразования, без которых Россия подвергнется страшному перевороту. Благоволите, государь, созвать в одной из столиц нашей русской родины... представителей русской нации, чтобы они составили конституцию для России⁹⁷.

Долгоруков П. В. – 1862 г.: Государь! Подобный порядок вещей не может устоять; он ведет нас к переворотам; он ведет нас, русских, к бедствиям; он ведет Вашу династию к падению и к изгнанию! От Вас зависит, Государь, спасти нас и спасти себя от этих опасностей. <...> Созовите Земскую Думу из выборных людей всего земства; учредите в России представительный образ правления; составьте сообща с Думою Земскою мудрый Государственный Устав... и Вы, Государь, сделаетесь благодетелем России⁹⁸.

Проект адреса петербургского Шахматного клуба (наиболее вероятный автор – Б. И. Утин) – 1862 г.: Дарование России конституции спасет Россию от тяжких смут и волнений и вместо раздора даст мир и новую жизнь⁹⁹.

⁹⁴ Записка П. А. Валуева Александру II «Общий взгляд на положение дел в Империи с точки зрения охранения внутренней безопасности государства» // Судьбы России. Проблемы экономического развития страны в XIX – начале XX вв. Документы и мемуары государственных деятелей. СПб., 2007. С. 134.

⁹⁵ Там же.

⁹⁶ Долгоруков П. В. Правда о России, высказанная князем Петром Долгоруковым. Т. 2. Париж: A. Franck, 1861. С. 264.

⁹⁷ «Великорусс» № 3 // Чернышевский Н. Г. Письма без адреса. М.: Современник. 1983. С. 314.

⁹⁸ Долгоруков П. В. Письмо Императору Александру II // Правдивый. 1862. 27 марта. № 1. С. 4–5.

⁹⁹ Дело Чернышевского. Сборник документов. Саратов, 1968. С. 593.

Содержание этих заявлений вполне гармонировало с сутью античного анекдота о Феопомпе: ограниченная власть монарха более устойчива, чем самодержавие.

Этой мысли не были чужды и революционеры-народовольцы. В передовой статье их органа, газеты «Народная воля», было напечатано: «Ограничение власти монарха вовсе не есть обессиление власти вообще, как уверяют наши кулацкие публицисты. Напротив, ограничение монархии – это единственное средство для того, чтобы дать власти надлежащую силу и авторитет»¹⁰⁰. В данной цитате нетрудно увидеть пересказ, вероятно, опосредованный, античной сентенции о большей долговечности ограниченной монархии в сравнении с абсолютизмом.

И если даже народовольцы оказались под влиянием этой идеи, то еще больший интерес к ней проявили конституционалисты, изучавшие древнегреческую политическую мысль. И в конце 1860-х – 1870-е гг. мы вновь встречаем в либеральной публицистике и исторических сочинениях, явно адресованных современности, имя спартанского царя Феопомпа.

В 1869 г. вышла в свет книга В. Г. Васильевского, в будущем знаменитого византиста, посвященная кризису древнегреческой полисной системы. Несмотря на внешнюю академичность темы, автор воспользовался ею для либеральных высказываний по актуальным вопросам современности. Главным идейным лейтмотивом работы стал призыв к своевременным реформам, способным предотвратить революцию: «Крайняя и упорная неподвижность ведет в политической жизни к крайним и разрушительным переворотам»¹⁰¹. Доказательством этого тезиса стал уже известный нам пример: «Сами цари спартанские понимали и прямо высказывали, что, сделав свою власть менее обширною, они сделали ее тем более прочною и долговечною. Было бы большим благом для спартанского государства, если бы в нем всегда господствовал только такой мудрый и умеренный консерватизм. Но этого не было»¹⁰².

Итак, «мудрый и умеренный консерватизм» Феопомпа противопоставлен крайнему консерватизму, в итоге, по мнению В. Г. Васильевского, погубившему Спарту. Сочувствие к конституционализму и обобщенный характер суждений о сути подлинного консерватизма, выходящий за рамки антиковедения, очевидны.

В 1875 г. к теме Феопомпа обратился маститый историк-античник М. С. Куторга. Итоги своих исследований формирования древнегреческого полиса он поместил на страницах «Русского вестника» – авторитетного журнала, издававшегося М. Н. Катковым. Хотя редактор издания и отказался от своих прежних конституционалистских воззрений, всё же, в отличие от ежедневных «Московских ведомостей», в объемистом «Русском вестнике» допускалось определенное разнообразие мнений. Этим и воспользовался М. С. Куторга, чтобы на нескольких страницах статьи выразить восхищение мудростью спартанского преобразователя¹⁰³. Подобно предшественникам, обращавшимся к данному историческому сюжету, историк указывал на необыкновенную дальновидность Феопомпа, спасшего своей реформой Спарту от революции: «Едва ли можно сомневаться, что Феопомп не только спас, но и возвысил свое отечество, сделав вовремя уступку при виде грозившей опасности»¹⁰⁴. Куторга не скрывал восторга перед Феопомпом и впадал в апологетический тон, явно намекая на политическую ситуацию в России середины 1870-х гг.: «Феопомп, знаменитый своими победами над мессенцами, покорением всей Мессении, оказывается не менее знаменитым государственным мужем, ибо своею мудростью и своею дальновидностью он водворил спокойствие в Спарте и приготовил ей первенство между всеми республиками Пелопоннеса»¹⁰⁵. Весьма вероятно, что исследователь тем самым

¹⁰⁰ <Л. А. Тихомиров?> <С чего начинать преобразование?> // Народная воля. 1881. 23 октября. № 6. С. 6.

¹⁰¹ Васильевский В. Г. Указ. соч. С. 100.

¹⁰² Там же. С. 101.

¹⁰³ Куторга М. С. Борьба демократии (sic!) с аристократией в древних эллинских республиках пред персидскими войнами // Русский вестник. № 11 (1875). С. 17–25.

¹⁰⁴ Там же. С. 17–18.

¹⁰⁵ Там же. С. 19.

выражал надежду на продолжение «великих реформ» и «увенчание» их здания центральным выборным представительством. Феопомп, таким образом, выглядел как назидательный пример для правителей Российской империи.

Но еще более актуальным оказалось использование имени Феопомпа выдающимся историком-юристом Б. Н. Чичериным. К началу 1870-х гг. он уже во многом расстался со своей былой верой в реформаторский потенциал самодержавия и в университетском курсе «История политических учений» подробно пересказал рассказ Аристотеля о спартанском царе¹⁰⁶. Заметим, что, несмотря на, казалось бы, академичный и подцензурный характер курса, в нем встречались следующие недвусмысленные заявления: «Политическая наука требует свободы. <...> Поэтому государства, в которых утвердилась неограниченная власть, представляют мало пищи для политического мышления»¹⁰⁷. Неслучайно поэтому свидетельство известного экономиста и студента Московского университета И. И. Янжула: «Мы довольно рано в университете знакомимся тогда от Чичерина со всеми выгодными сторонами и важностью для государства представительных учреждений; Чичерин своими серьезными и спокойными лекциями... сделал гораздо больше для пропаганды и популярности среди тогдашних студентов конституционализма, чем все остальные в университете»¹⁰⁸. И среди героев этой чичеринской антисамодержавной пропаганды был царь Феопомп.

В одном из своих неподцензурных сочинений 1870-х гг. уже к тому времени бывший профессор прямо связал легенду о Феопомпе с требованием введения русской конституции. Написанная Б. Н. Чичериным в 1876 г. и не опубликованная при жизни автора статья «Конституционный вопрос в России» завершалась следующим образом: «В истории народа не может быть более торжественной минуты, как та, когда власть, управлявшая им в течение веков, сросшаяся со всей его жизнью, сознает наконец, что времена переменялись, что созрели новые исторические плоды и что пришла пора себе самой положить границы и призвать подданных к участию в государственном управлении. Наступила ли для нас эта пора? Мы убеждены, что мы к этому идем и не теряем надежды видеть воочию то, что доселе представлялось только в смутных мечтаниях. Закончим анекдотом из классической древности. Известно, что спартанский царь Феопомп сам предложил и провел ограничение царской власти эфорами. Когда его жена укоряла его за то, что он власть, завещанную предками, передает умаленной потомкам, царь отвечал: “Не умаленной, ибо более прочной”»¹⁰⁹. Очевидна аллюзионность этого текста. Чичерин надеялся, что Александр II последует примеру спартанского царя, поскольку ученый считал реформы сверху самым оптимальным и безболезненным путем развития для страны, и в годы правления Царя-освободителя такие расчеты могли казаться хоть отчасти обоснованными.

К середине 1890-х гг. вера Б. Н. Чичерина в способность русского абсолютизма к самоограничению значительно ослабла. Политика Александра III и его окружения не могла выглядеть как подготовка страны к конституционным преобразованиям. Историк всё больше и больше страшился за чреватое катаклизмами будущее страны. В конце XIX в. Чичерин издал 3-томный монументальный «Курс государственной науки» – итог эволюции взглядов ученого. В историографии уже анализировалось значение этого труда для пропаганды либерально-конституционалистской политической программы¹¹⁰. Особенно же подробные и конкретные рекомендации по важнейшим вопросам российской жизни содержались в 3-й части «Курса...»,

¹⁰⁶ Чичерин Б. Н. История политических учений. Т. 1. СПб.: Издательство РХГА, 2006. С. 86.

¹⁰⁷ Там же. с. 404.

¹⁰⁸ Янжул И. И. Воспоминания о пережитом и виденном в 1864–1909 гг. М.: Государственная публичная историческая библиотека России, 2006. С. 53.

¹⁰⁹ Чичерин Б. Н. Конституционный вопрос в России // Опыт русского либерализма. Антология. М., 1997. С. 75.

¹¹⁰ Китаев В. А. «Курс государственной науки» Б. Н. Чичерина как политический документ // Китаев В. А. XIX век: пути русской мысли. Нижний Новгород, 2008. С. 307–327.

которая так и называлась: «Политика» и вышла в свет в 1898 г., за 6 лет до смерти ее автора. Именно тогда Чичерин вновь обратился к легенде о Феопомпе. Глубоким пессимизмом и скепсисом веяло от нового обращения к спартанской теме: «Обаяние власти и сопряженные с нею преимущества так велики, интересы лиц, окружающих престол и управляющих государственными делами, так сильны, что решимость изменить существующий порядок вещей составляет весьма редкое исключение. Аристотель в своей “Политике” повествует о спартанском царе Феопомпе, который сам предложил ограничение царской власти эфорами, и когда жена его упрекала за то, что он передает своим детям власть умаленную против той, которую он получил от предков, он с спартанским лаконизмом отвечал: нет, ибо более прочною. Но это именно приводится как пример, выходящий из ряда вон. Обыкновенно же подбираются всевозможные доводы для сохранения удобного положения»¹¹¹.

Очевидно, что Чичерин очень желал увидеть на престоле «русского Феопомпа», но не мог отождествить с ним реально царствующего Николая II, уже произнесшего речь о «бессмысленных мечтаниях». Последствия же нежелания власти уступить необходимую долю полномочий обществу и подражать легендарному Феопомпу были для Чичерина очевидны: «На деле такого рода политика, недоверчиво смотрящая на всякого рода общественную самостоятельность, в конце концов может породить только смуту. Подготавливаемые жизнью перемены ускоряются ошибками правительств»¹¹². Чичерин, таким образом, уже в третий раз обращался к примеру Феопомпа и умер за год до начала первой русской революции, которая стала проверкой его предсказаний. Таково было эффектное завершение темы «Феопомп и русский конституционализм», поскольку постепенно античные реминисценции стали всё меньше и меньше использоваться в политической борьбе, особенно в левоопозиционной публицистике.

Итак, мы выявили устойчивое использование на протяжении столетия в русских конституционалистских сочинениях – от А. Н. Радищева до Б. Н. Чичерина – рассказа Плутарха и особенно Аристотеля о политических реформах Феопомпа. При этом публицистов совершенно не интересовала конкретно-историческая ситуация в Спарте архаического и раннеклассического периода, однако им нравился эффектный и запоминающийся афоризм, приписывавшийся Феопомпу традицией. Суть этой сентенции – большая прочность ограниченной монархии по сравнению с самодержавием – полностью соответствовала идеологии русского конституционализма. Именно поэтому не самый известный спартанский царь и стал одним из героев российской либерально-конституционной оппозиции. Отметим, что публицисты использовали рассказ о Феопомпе совершенно независимо друг от друга. Изложение П. А. Вяземским диалога Феопомпа с женой совершенно не похоже на интерпретацию данного сюжета Г. Мабли, а В. Г. Васильевский и Б. Н. Чичерин не читали еще не опубликованных «Записных книжек» П. А. Вяземского. Все эти авторы самостоятельно обратились к анекдоту из спартанской истории, который удачно вписывался в их политическое мировоззрение.

С некоторыми оговорками можно сказать, что Феопомп Аристотеля, Валерия Максима и Плутарха (историчность которого немногим менее апокрифична, чем его диалог с женой) стал одним из основателей русского конституционалистского дискурса. Сложно сказать, кого именно из трех античных авторов, писавших о спартанском царе, использовали российские авторы, поскольку и Аристотель, и Валерий Максим, и Плутарх излагали этот сюжет совершенно идентично, делая тождественные выводы. Гораздо важнее, как нам представляется, выявить исторический контекст, в котором публицисты обращались к данному эпизоду.

Анекдот о Феопомпе цитировался в те периоды русской истории, когда усиливались конституционалистские настроения, а вера в неизбежность абсолютизма переживала кризис: А. Н. Радищев – начало 1770-х гг. – увлечение французскими просветителями и написание кон-

¹¹¹ Чичерин Б. Н. Курс государственной науки. Ч. III: Политика. М., 1898. С. 118–119.

¹¹² Там же. С. 119.

ституционного проекта Н. И. Панина – Д. И. Фонвизина; П. А. Вяземский – конец 1810-х гг. – эпоха расцвета правительственного и общественного конституционализма; Б. Н. Чичерин и В. Г. Васильевский – 1860-е – середина 1890-х гг., когда многим казалось, что вслед за отменой крепостного права последует и отказ от «политического крепостничества». Очевидно, что легенда о Феопомпе и русский конституционализм неразрывно связаны друг с другом.

В целом же нам представляется важным проследить судьбу различных древнегреческих и латинских политических сентенций в русской общественной мысли. Таким образом станет возможным установление круга чтения тех или иных публицистов, эволюции восприятия одних и тех же античных суждений в контексте постоянно меняющихся исторических условий. Идеализированные Древняя Греция и Рим явились, вопреки намерениям охранителей, возлагавших надежды на классическое образование, почвой для развития либеральной и республиканской идеологий Нового времени, в том числе и в России.

Политические идеи декабристов и традиции западного либерализма: проблемы сопоставления

Т. Н. Жуковская

При всем многообразии политических и идейных воздействий на русское общество в 1810-х – первой половине 1820-х гг., когда складывалась декабристская конспирация, одна тенденция кажется преобладающей: благодаря культурной открытости страны дворянская интеллигенция испытала в то время мощное влияние европейского либерализма.

Либерализм западного типа (английский, французский, в меньшей степени немецкий) стал мощным катализатором российской политической ментальности наравне с национально-освободительными движениями, активизировавшимися в то же время в странах Южной и Центральной Европы. Моментом зрелости идей конституционного/либерального преобразования в России стали программы декабристов. Само выступление 14 декабря 1825 г., которое готовилось как военная революция во избежание революции социальной, можно рассматривать как попытку повторить западный (испанский) опыт политических переворотов под либеральными лозунгами.

В исследовательской литературе до сих пор остается дискуссионным вопрос о характере идейно-политической поляризации русского общества 1810-х – начала 1820-х гг., результатом которой стало складывание первой массовой политической оппозиции власти в лице декабристского «тайного общества»¹¹³. Несмотря на появление серьезных обобщающих публикаций по истории политических понятий и политического языка в России XVIII – первой половины XIX в.¹¹⁴, в современной историографии декабризма пока не сложилось единства мнений о том, в каких понятийных, идейных, политических рамках развивалась «идеология декабристов» до момента их выступления на Сенатской площади. Сам конструкт «идеология декабристов» то смешивается исследователями с формами конспирации и практической деятельности, апробированными в 1816–1825 гг., то отождествляется со взглядами отдельных участников тайных обществ, высказанными десятилетия спустя. Еще и сейчас понятие «декабристы» ассоциируется с клише «дворянские революционеры». Причем «революционность» декабристов, которая выразилась в их готовности к политическому перевороту и выборе тактики военной революции, часто прямо проецируется на политические идеалы¹¹⁵ и тем самым противопоставляется либеральной программе «тайного общества». Соотнесение исследователями рево-

¹¹³ См. об этом: *Андреева Т. В.* Тайные общества в России в первой трети XIX в.: правительственная политика и общественное мнение. СПб.: Лики России, 2009. 912 с. (2-е изд. СПб., 2011).

¹¹⁴ См.: «Понятия о России»: К исторической семантике имперского периода. Т. 1. М.: Новое литературное обозрение, 2012. Т. 1–2; *Тимофеев Д. В.* Европейские идеи в социально-политическом лексиконе образованного российского подданного первой четверти XIX века. Челябинск: Энциклопедия, 2011; *Каменев Е. В.* Понятие «закон» в мировоззрении декабристов // Россия XXI. 2013. № 6. С. 74–103; *Его же.* «Союз Благоденствия»: семантика названия в контексте идеологии // Власть, общество, армия: от Павла I к Александру I. Сборник научных статей / Труды исторического факультета СПбГУ. Вып. XI. СПб., 2013. С. 220–230.

¹¹⁵ См.: *Эрлих С. Е.* Декабристы по «понятиям»: определения словарей (1863–1998) // 14 декабря 1825 года. Источники. Исследования. Историография. Библиография. Вып. 2. СПб.; Кишинев, 2000. С. 295–299.^{П.} И. Пестель в своих показаниях говорил о Союзе благоденствия: «Тайное наше общество было революционное с самого начала и во все свое продолжение не переставало никогда быть таковым. Перемены, в нем происходившие, касались собственного его устройства и положительного изъяснения его цели, которая всегда пребывала революционная» (Восстание декабристов. Документы. (далее – ВД). Т. XIX. М., 2001. С. 39–40). Это утверждение современным исследователем нередко понимается буквально. К. Г. Ляшенко в предисловии к публикации материалов следствия комментирует высказывание Пестеля, переводя субъективное суждение Пестеля на уровень «положительного» знания: «Это свидетельство... говорит о том, что “Зеленая книга”, ее 1-я часть и легальная деятельность Союза благоденствия были конспиративными формами прикрытия его революционной сущности» (ВД. Т. XIX. С. 9).

люционной тактики и либеральной программы декабристов порождает взаимоисключающие выводы о природе движения тайных обществ как российского «пронунсиамента» или российской политической оппозиции.

Данная статья – лишь попытка обозначить основные проблемы интерпретации феномена декабризма в России в контексте современных ему европейских политических идей. Задача системного изучения разнонаправленных идейных и политических влияний на русское общество, а значит, изучения генезиса декабризма как идеологии не может считаться решенной, пока нет ясного представления о том, как усваивались и какое место в конечном счете заняли идеи классического либерализма в сознании декабристов, как они сосуществовали с консервативными идеями, национально-патриотическими, сословными, корпоративными ценностями. В сущности, смешение всех этих идейно-политических конструкций и поведенческих моделей образует то, что принято именовать «идеологией декабристов».

При колоссальном количестве литературы, написанной в последнее столетие и обслуживающей эту проблему, ощущается недостаток квалифицированных компаративных исследований, которые бы показали степень и характер воздействия на декабристов западных политических идей и практик¹¹⁶.

В этой связи нас интересует именно идеология декабристов, а не вопрос о форме воплощения ожидаемого идеала (тактике переворота), который не решался ими однозначно, предполагал в разное время и мирное содействие власти, и ненасильственное давление, и военную революцию. Рассмотрение декабризма через призму только событий 14 декабря, либо отождествление его с «дворянской революционностью» или только с «дворянским либерализмом» ведет к неразрешимым историографическим спорам¹¹⁷.

Очевидна зависимость мировоззрения декабристов от официального курса Александра I с его либеральным идеологическим обрамлением, с одной стороны, а с другой – от различных национальных моделей действующих конституционных учреждений и наиболее привлекательных либеральных доктрин второй половины XVIII – первой четверти XIX в.

Еще в 1909 г. В. И. Семевский детально охарактеризовал источники политической идеологии декабристов, среди которых определяющим было названо чтение классиков просветительской и либеральной мысли и наблюдение за развитием конституционных учреждений в странах Европы и США¹¹⁸. В историографии последних десятилетий произошел переход от рассмотрения национальных моделей либерализма через призму узкоклассовых оценок к многостороннему и объективному его анализу. Исходя из того, что ранний российский либерализм первой четверти XIX в. был производным от западного (если не сказать подражательным), представляется важным исследовать источники заимствований, особенности восприятия и степень трансформации и приспособления западных идей к потребностям воспринимающей среды.

Важно отметить, что современные декабризму западные наблюдатели уверенно соотносили декабристов с европейской политической традицией. Это прозвучало как во фран-

¹¹⁶ Новейшие работы на эту тему всё еще немногочисленны. См.: Парсамов В. С. Проблема «Россия – Запад» в мировоззрении декабриста М. С. Лунина // Историографический сборник. Вып. 19. Саратов, 2000. С. 16–32; *Его же*. Жозеф де Местр и Михаил Орлов (К истокам политической биографии декабриста) // Отечественная история. 2001. № 1. С. 24–46; Декабристы и французский либерализм. М., 2001 (2-е изд.: М., 2010) (см. мою рецензию на книгу В. С. Парсамова в сб.: 14 декабря 1825 года. Источники. Исследования. Историография. Библиография. Вып. 6. СПб.: Нестор-История, 2004. С. 498–513); *Его же*. Декабрист А. В. Поджио о русском и европейском путях исторического развития // 14 декабря 1825 года... Вып. 6. С. 334–363; Жуковская Т. Н. Тайные общества 1810–1820-х годов: европейское влияние и российский контекст // Политическая культура XIX века: Россия и Европа. М., 2005. С. 71–84.

¹¹⁷ Историографический обзор понятийных, идеологических и методологических разночтений в историографии движения декабристов, включая различное понимание их «революционности», см.: Фельдман Д. М. Декабристование сегодня: терминология, идеология, методология // Декабристы. Актуальные проблемы и новые подходы / Отв. ред. О. И. Киянская. М.: РГГУ, 2008. С. 663–713.

¹¹⁸ Семевский В. И. Политические и общественные идеи декабристов. СПб., 1909. С. 65–66, 180–183, 210–240, 256–257.

цузской, так и в английской политической публицистике 1825–1826 гг., в виде отклика на события 14 декабря. В английской печати декабристов изображали как просвещенных офицеров из дворян, воодушевленных идеями западного конституционализма. В стране, достигшей более высокой степени политической зрелости, полагали английские публицисты, выступление декабристов приняло бы характер не вооруженного восстания, а парламентской петиции или обращения к монарху¹¹⁹. Сами декабристы тоже так считали. Эта мысль развернута у Н. И. Тургенева, для которого Англия стала местом политического убежища.

Что касается *условий существования* либеральных идей в русском обществе, то в первые два десятилетия царствования Александра I они были исключительно благоприятны. Мягкость цензуры, европоцентричность общественных дискуссий в период войн с Наполеоном и послевоенного переустройства Европы провоцировали повышенное внимание к западному политическому опыту. У постоянного читателя политической публицистики и газет создавалась иллюзия «присутствия» при строительстве новой парламентской системы во Франции. Дебаты в английском парламенте или французской Палате депутатов были предметом живейшего обсуждения. «Восходя постепенно от одного мнения к другому, пристрастился к чтению публицистов французских и английских до того, что речи в Палате депутатов и House of commons занимали меня, как француза или англичанина», – признавался А. А. Бестужев¹²⁰. Усложнение политического языка и проблематики публикаций коснулось русскоязычной периодики, периодических изданий, выходивших на других языках, в том числе польских газет и журналов¹²¹.

Недолгая и довольно относительная «свобода мнений» порождала в 1816–1820 гг. иллюзию сближения общественных условий России и Франции. Политизированная молодежь после войны, следя за успехами конституционного правления в других странах, строила иллюзии на счет того, что и в России достигнута свобода общественного мнения. «Мы говорим с полной свободой и рассуждаем так же, как говорят в парижской Палате депутатов или в императорском парламенте Лондона», – писал весной 1816 г. о петербургских делах С. Р. Воронцову в Лондон арзамасец П. И. Полетика¹²².

Н. И. Тургенев в своих воспоминаниях пишет о том, что печать, в том числе российская, содействовала политическому воспитанию молодежи: «Пресса больше прежнего занималась тем, что происходило в других странах, и особенно во Франции, где производился опыт введения новых учреждений. Имена знаменитых французских публицистов были в России так же популярны, как у себя на родине, и русские офицеры... сроднились с именами Бенжамена Констан и некоторых других ораторов и писателей, которые как будто предприняли политическое воспитание европейского континента»¹²³. Конечно, мемуарист имеет в виду товарищей по тайному обществу, «сроднившихся» с сочинениями либеральных писателей. Но так ли был широк круг читателей и приверженцев доктрины Б. Констан среди декабристов?

Кого в контексте данной статьи можно считать *объектом изучения*? Это в первую очередь «идеологи» декабризма, лидеры движения, авторы программных документов или их критики, участники дискуссий в тайном обществе 1820–1821 гг., декабристы с высоким «образовательным цензом» (по определению В. И. Семевского), постоянные читатели политической

¹¹⁹ Алексеев М. П. Английские мемуары о декабристах // Исследования по отечественному источниковедению. М., 1964. С. 246.

¹²⁰ ВД. Т. I. М.; Л., 1925. С. 430.

¹²¹ Сироткин В. Г. Русская пресса первой четверти XIX в. на иностранных языках как исторический источник // История СССР. 1977. № 4. С. 77–97; Календарова В. В. Либеральные идеи в России в начале XIX в.: попытки правительственной пропаганды (опыт количественного анализа содержания первых министерских журналов) // Источник. Историк. История: Сб. науч. работ. СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2001. Вып. 1. С. 52–72; Тимофеев Д. В. Европейские идеи в социально-политическом лексиконе образованного российского подданного... С. 60–63.

¹²² Архив князя Воронцова. Т. 30. М., 1884. С. 436–437.

¹²³ Тургенев Н. И. Россия и русские. Т. 1. М., 1915. С. 59–63, 67–69. Ср.: Тургенев Н. И. Россия и русские. М., 2001. С. 49.

литературы, публицистики и периодики. С другой стороны, это те, кого можно назвать «средним» или «рядовым» декабристом из числа младших офицеров, имевших незначительный опыт деятельности в рамках конспирации, не выдвигавшихся на первые роли. Однако сам тип политического мышления «идеологов» вполне может быть сопоставлен с представлениями «декабристской массы»: быть может, менее образованной, менее начитанной, но также видевшей основные политические цели тайного общества в установлении конституционного правления, правовых и социальных свобод. Нюансы в восприятии либеральных идей определялись как раз уровнем политической культуры и обычной начитанности, которая не могла быть обширной у многих «рядовых» декабристов, с 16 лет бывших «в огне» или «во фрунте». Из числа тех, кто имел огромное влияние в тайном обществе, также не все были глубокими «идеологами». О публицистических выступлениях М. Ф. Орлова П. А. Вяземский был, например, невысокого мнения, говоря, что нельзя требовать многого «от пера, очиненного шпагою».

Есть смысл предварительно обсудить и вопрос о *политической терминологии*, которая использовалась декабристами и их современниками. Для начала XIX в. она далеко не универсальна, хотя можно говорить о переносе терминов вместе с определяемыми ими значениями. Эффект переноса значений способствовал усложнению российского политического языка.

Например, русскоязычное выражение «общество» существенно меняло свою модальность между XVIII и XIX вв., приобретая множественность значений вслед за изменением французской кальки *société*, но в его значениях XVIII в. еще не было социально-политического оттенка. Во Франции первой половины XVIII в. слово *société* обозначало всякий союз людей, объединенных для общего дела. Во времена «Энциклопедии» оно приобрело второе значение: совокупность всех людей в их правоотношениях, экономических и иных взаимодействиях (т. е. в данном случае сливалось с понятием «народ», «подданные»), но еще не понималось как особый элемент социальной структуры, элита, способная озвучить общенациональные потребности и противостоять власти¹²⁴. В этом третьем значении *société* начинает использоваться после Великой французской революции, в России – не ранее 1810-х гг.¹²⁵

В русских текстах первой четверти XIX в. мы сталкиваемся с множественностью значений или размытостью русскоязычных аналогов французских политических терминов. Французское *conspiration* (заговор против государства, имеет то же значение и звучание в английском, итальянском, испанском языках) обозначалось в русскоязычном лексиконе 1810-х – 1820-х гг. термином «тайное общество» (или просто «общество») и теряло свою негативную коннотацию. Слова «либеральный», «республиканский», «конституционный» присутствовали в словаре языка А. С. Пушкина, эти понятия – из активного политического словаря декабристов. При этом слово «либерал» чаще всего употребляется как синоним слова «свободомыслящий», не приобретая более конкретного значения.

Понятие «конституция» (от фр. *constitution*) – не менее размытое в декабристских текстах, хотя частотность его употребления самая высокая. Контекст его использования открывает ряд значений: 1) текст, содержащий развернутое описание новой модели государственного устройства; 2) собственно «перемена правления» (переворот), без уточнения характера преобразований; 3) документ, которым открывается эта «перемена правления». В последнем значении, например, понимался «Манифест...», обнаруженный в бумагах С. П. Трубецкого после его ареста¹²⁶, как мог пониматься и любой документ, исходящий от власти и обещающий «перемену правления» и описание нового политического устройства. Политические ожидания членов тайного общества сводились к тому, чтобы Александр I «объявил конституцию», «дал

¹²⁴ См.: Будагов Р. А. Развитие французской политической терминологии в XVIII веке. М., 2002. С. 168–172.

¹²⁵ О понятийной и исторической связи концептов «общество», «общественное мнение» и складывания общества как социального института см.: Андреева Т. В. Тайные общества в России в первой трети XIX в. С. 139–167.

¹²⁶ ВД. Т. I. С. 107–108.

конституцию». По представлению П. М. Лемана, знавшего о конституции П. И. Пестеля и даже слышавшего ее отрывки в чтении, принятия конституции можно было «требовать от Сената». Содержание самого понятия «конституция» в голове полковника П. М. Лемана размывается до «непонятого слова», и неудивительно: о подобных вещах он до разговоров с Пестелем «не имел ни малейшего понятия», но, как видно, не получил его и позже¹²⁷. Свидетельства таких «малосведущих» о содержании их взглядов и планов общества поразительно однообразны, что, однако, может быть, в первую очередь, связано с тактикой защиты, примененной в условиях следствия: «... никогда не думал о чем-нибудь подобном... оные мысли совсем не укоренились в уме моем»¹²⁸.

В программных документах и текстах личного происхождения как синхронных существованию декабристской конспирации, так и ретроспективных, контекст употребления и значения одних и тех же терминов весьма вариативен. Ю. М. Лотман отмечал абстрактность содержания таких понятий, как «монархия», «республика», «демократия», «деспотия», которые могли нести различную эмоциональную нагрузку, а следовательно, менять свою модальность в зависимости от контекста¹²⁹. Семиотическое значение их поддается реконструкции только в отношении конкретных лиц, ситуаций, событий. Поэтому, на наш взгляд, обобщающая формула «либерализм декабристов» столь же абстрактна, как и формула «дворянская революционность», и следовательно – антиисторична. Можно доказательно проследить лишь направления возможных влияний конкретных идей европейского либерализма на систему взглядов отдельных представителей декабризма¹³⁰.

Прежде всего, перспективен системный анализ персональных влияний западных либеральных мыслителей на декабристов. Можно зафиксировать как прямое влияние на них таких авторов, как Ш. Монтескье, И. Бентам, А. Смит, так и влияния второго порядка – через тексты действующих европейских конституций, которые обслуживали несколько моделей «представительства» и разделения властей.

Если говорить о «списке чтения», то у декабристов он мало чем отличался от того, что вообще читала политизированная молодежь, остававшаяся вне тайных обществ. Более того, сам император Александр I и его «друзья» (Н. Н. Новосильцев, П. А. Строганов, А. Чарторыйский) читали книги из того же «списка»¹³¹. В 1800-х – 1810-х гг. при содействии правительства в Россию проникают труды не только теоретиков либеральной и консервативной мысли, но почти всех сколь-нибудь значимых политических публицистов того времени¹³². Первые запреты на распространение либеральных сочинений Б. Констана, Г. Филанджиери («Комментарии к “Духу законов” Монтескье»), Ж. де Сталь («10 лет в изгнании», «Записки об Англии») последовали в 1819–1821 гг., затем режим допуска политической литературы в Россию всё более усложняется. Запрет распространяется и на либеральную периодику, запрещается журнал “Le Constitutionel”, орган французской либеральной партии, редактируемый Б. Констаном,

¹²⁷ ВД. Т. XIX. С. 73, 80.

¹²⁸ Ответ прапорщика А. Д. Высочина (ВД. Т. XIX. С. 268).

¹²⁹ Лотман Ю. М. Сотворение Карамзина. М., 1986. С. 126–127, 149–150, 189.

¹³⁰ Опыт такого рода представляется указанное выше исследование В. С. Парсамова «Декабристы и французский либерализм».

¹³¹ В комплексе писем Ф. Ц. Лагарпа к Александру I, изданном в Швейцарии, опубликован список из 197 наименований книг и периодических изданий, рекомендованный Лагарпом для чтения великому князю в 1797 г. (Correspondance de F. – C. de la Harpe et Alexandre I-er / Publ. par J. – Ch. Biaudet et F. Nicod. Neuchatel, 1978. Т. 1. Р. 113–139). Анализ содержания этого списка см.: Далин В. М. Александр I, Лагарп и Французская революция // Французский ежегодник за 1983 г. М., 1984. С. 150.

¹³² Исследование отношения цензуры к европейской политической литературе прослежено в ранних работах Ю. Г. Оксманова, оставшихся в значительной части неопубликованными. См.: Оксман Ю. Г. Борьба с Западом в первой половине XIX столетия. Определяющие моменты в истории надзора за иностранной печатью в александровскую и николаевскую эпоху. Рукопись (1918–1921 гг.) // РГАЛИ. Ф. 2567. Оп. 1. Д. 62; *Его же*. Очерк истории цензуры в России в первой трети XIX в. (подготовлен к публикации в 1964 г.) // Там же. Д. 70.

а также журналы “Minerve”, “Le Nain Jaune”¹³³ и др. Однако эти ограничения, во-первых, не привели к тотальному изъятию запрещенных изданий из обихода, а во-вторых, носили частный характер и не лишили российского читателя доступа к либеральной литературе и публицистике как таковой.

Западная литература и периодика отражала все оттенки либеральных и консервативных течений, существовавших во Франции, Англии, других странах. Даже после запрета в России тайных обществ в 1822 г. свобода чтения весьма мало ограничивалась: по крайней мере, полное собрание сочинений Б. Констан представлено в составе библиотек Н. М. Муравьева, П. Я. Чаадаева. Констан читал и А. С. Пушкин. В 1823–1824 гг. в Париже было выпущено и немедленно появилось в России многотомное собрание всех существующих конституций, включая латиноамериканские, и описание государственного устройства «неконституционных» государств, изданное Дюфу, Дювержье и Года¹³⁴. Таким образом, возможности политического образования и самообразования у российского читателя были почти неограниченными. Российский читатель узнавал содержание дебатов не только в английском парламенте, французской палате депутатов, но и в польском сейме¹³⁵, что создавало эффект приобщения к политической жизни Европы и приводило к возрастанию ожиданий относительно присоединения России к числу «политических» государств, т. е. обладающих теми же институтами и свободами.

Разумеется, не номенклатура прочитанных авторов и текстов, а характер их усвоения делает человека либералом или консерватором, теоретиком или практиком политического действия.

Многие декабристы начали свое политическое самообразование с чтения Монтескье. Это вывод можно сделать на основании их ответов на вопросы пункты следствия, в частности, пункт 7 известной «анкеты», с которой следователи обращались к большинству декабристов: «С какого времени и под чьим влиянием заимствовали вы свободный образ мыслей?» Монтескье упоминается гораздо чаще других авторов XVIII в. Но что именно усваивалось из классических текстов Монтескье?

У Монтескье в «Духе законов» развернута идея *представительного правления* как политического механизма, позволяющего каждому гражданину участвовать в делах государства через своих представителей. О необходимости политической свободы и сравнительных достоинствах национальных моделей представительства многие декабристы рассуждают довольно свободно. Гораздо труднее им было спроецировать организацию представительного правления в России. Эта проблема недостаточно проработана даже в конституционных проектах П. И. Пестеля и Н. М. Муравьева, где, к примеру, не был окончательно решен вопрос об имущественном цензе, механизме выборов на местах и в центре (прямые, ступенчатые, соотношение территориального и куриального принципа выборности и т. п.).

Штабс-капитан лейб-гвардии Конно-пионерного эскадрона М. А. Назимов показывал на следствии: «...чтение прав, Монтескю, статистики и политической экономии, развернув моему неопытному уму возможность и средства государственного благосостояния, доказывало мне, что *законная свобода*¹³⁶ есть ближайший к оному путь, и я преклонялся в сторону сего

¹³³ О последнем издании П. А. Вяземский писал: «Наша молодежь учится по нему тайнам государственных наук. Это Кормчая книга будущих государственных преобразований...», – и намеревался стать его корреспондентом. См.: *Вяземский П. А. Записные книжки (1813–1867)*. М., 1963. С. 23.

¹³⁴ *Dufau P., Duvergier J., Guadet J. Collection des constitutions*. Т. 1–6. Paris, 1823.

¹³⁵ *Diariusz sejmu Królestwa Polskiego z 1818; [Siarczynski] Diète du Royaume de Pologne*. 1818. Varsovie, 1818. Т. 1 (Warszawa, 1818). Текущее законодательство Царства Польского (помимо Конституции 1815 г.) также публиковалось: *Dziennik praw Królestwa Polskiego*. Т. 1 [Warszawa, 1817]; Т. 2. 1818; Т. 3. 1819.

¹³⁶ Словоупотребление «законная свобода» в контексте приведенного отрывка соответствует концепту «либеральное политическое устройство, основанное на «писанной конституции». Точно так понимал либеральную конституцию (в данном случае польскую) сам Александр I, настоятельно рекомендовав П. А. Вяземскому, переводившему ее и речь императора на открытии

мнения...»¹³⁷ Назимов, «образовавшись» сам, способствовал просвещению товарищей, давал офицерам Измайловского полка Н. П. Кожевникову и М. Д. Лаппе для снятия копии некий «Проект исправления российского судопроизводства» и вместе с ними, а также с еще одним офицером-измайловцем А. С. Гангебловым, устраивал лекции друг для друга по всеобщей истории, которые «оканчивались толками о Соединенных штатах, о Греции и проч.»¹³⁸.

Цель такого рода чтений, однако, ставилась очень неопределенно: «...чтобы уметь приложить [образование] <...> со временем на общепольное, к чему надо... готовить себя внимательным чтением подобных авторов, как Беккариа, Филанжери, Махиавеля, Вольтера, Гельвеция, Цезя, Смита и прочих в сем роде, политической экономии и философии, якобы рассуждающих о возвышенных обязанностях человека-гражданина... таким образом понемногу и исподволь начинали водворяться в Главной квартире вечера чтения, суждений и разных толков», – писал в своих показаниях, уже в ретроспективном смысле, полковник Н. И. Комаров¹³⁹.

Чтение в целом было довольно беспорядочным. Ничего удивительного, что о европейских тайных обществах декабристы узнавали из антиконспирологической литературы. В. Н. Лихарев сообщает, что, «как и некоторые другие», узнал о «чужестранных» обществах из книги “Des Sociétés Secrètes en Europe”¹⁴⁰, написанной О. Баррюэлем¹⁴¹.

Толкование прочитанного тем более отличалось эклектичностью. Д. А. Искрицкий показывал: принявший его в общество Г. А. Перетц «...все мое внимание обращал к политическим наукам, давал мне читать конституции разных государств, приводил из Библии какие-то законы Моисея в доказательство, что Бог покровительствует таким постановлениям»¹⁴². Не нужно говорить, что одни и те же тексты интерпретировались читателями с различной подготовкой совершенно по-разному. Видимо, Искрицкий так и не смог одолеть «конституций разных государств», принесенных Перетцом. У других чрезмерное увлечение текстами конституций вызывало отторжение. Так, С. Н. Кашкин в своих показаниях назвал Н. М. Муравьева человеком, чрезмерно увлекшимся страстью к писанию конституций, и добавил, что не считал, «чтобы общество обязано было рассматривать подобные сочинения; вот почему я не любопытствовал читать этот вздор»¹⁴³.

Заметки самого Н. М. Муравьева по поводу прочитанных сочинений – от Монтескье до Константа – и характер заимствований в текстах конституции Муравьева подробно проанализированы Н. М. Дружининым¹⁴⁴. К сожалению, состояние источников о политическом самообразовании декабристов таково, что записные книжки Н. М. Муравьева, дневники Н. И. Тургенева представляют собой редкие документы, дающие пример «организованного» и эффективного чтения человека декабристского круга.

Трудности в восприятии и усвоении многими из декабристов идеологии либерализма можно связать не только с недостатком образования, но и с отсутствием опыта личного знакомства с Европой. Старшее поколение членов общества, участвовавшее в европейских походах, было в целом более открытым к западным идеям и более подготовленным теоретически. Еще более последовательным было отношение к доктрине европейского либерализма тех немногих

первого сейма, определение «законно-свободные» учреждения в качестве альтернативы слова «либеральные». См.: *Вяземский П. А. Автобиографическое введение // Вяземский П. А. Полн. собр. соч. Т. 1. СПб., 1878. С. XXXVI.*

¹³⁷ ВД. Т. XV. М., 1979. С. 202.

¹³⁸ ВД. Т. XVIII. М., 1984. С. 33–34.

¹³⁹ ВД. Т. XX. М., 2001. С. 394.

¹⁴⁰ ВД. Т. XII. М., 1969. С. 91.

¹⁴¹ См.: *Barruel A. Mémoire pour servir de l'histoire de Jacobinisme. Londres, 1797–1798.* В 1807 г. появился русский перевод книги: *Баррюэль А. Вольнодумцы, или История о якобинцах... СПб., 1807.*

¹⁴² ВД. Т. XVIII. М., 1984. С. 130.

¹⁴³ ВД. Т. XX. С. 325.

¹⁴⁴ *Дружинин Н. М. Декабрист Никита Муравьев // Дружинин Н. М. Избранные труды. Т. 1. Революционное движение в России в XIX в. М., 1985. С. 64–65, 85–89, 142–149*

из декабристов, кто имел с французскими либеральными писателями и политиками *личное знакомство*.

М. А. Фонвизин относит свои знакомства с западными политиками еще ко времени заграничных походов, но это выглядит некоторым преувеличением¹⁴⁵. В послевоенные годы сближение с ними строилось уже целенаправленно во время заграничных путешествий декабристов. Поездки за границу и продолжительное там пребывание С. П. Трубецкого, Н. М. Муравьева, Н. И. Тургенева и др. значили гораздо больше для их политического развития, чем «европейский поход». С. П. Трубецкой во время пребывания в Париже в 1819–1820 гг. слушал в Сорбонне «почти всех известных профессоров по несколько раз из любопытства», а курс естественных наук – более подробно¹⁴⁶. Неслучайно уже после суда и отправления в Сибирь В. Л. Давыдова и Н. М. Муравьева повторно допрашивали об их связях с европейскими карбонариями¹⁴⁷.

В то же время автохарактеристика декабристами своих взглядов как либеральных в качестве аргументации рассматривает влияние не определенных идей и текстов, а европейских «происшествий». В показаниях декабристов, а позже в их мемуаристике перечисляется стандартный ряд таких «происшествий»: дарование конституций европейским государствам и Царству Польскому, восстание в Греции, европейские революции 1820–1821 гг., убийства герцога Беррийского и А. Коцебу и т. д.¹⁴⁸ Эти события пробуждали интерес к политике, который мотивировал декабристов углубиться в чтение и разобраться в сути «европейских происшествий».

Кроме авторитетных писателей декабристы изучали законодательные памятники и действующее законодательство европейских стран. Хотя часто в поиске заимствований различия между писанным законом, проектом или публицистическим сочинением того или иного автора не делалось. Причина этого в том, что «политическое самообразование» большинства декабристов приобретало эрудитскую форму и не имело практического выхода, за исключением немногих авторов политических сочинений и проектов. Но масштабы их усилий по выработке мировоззрения нельзя недооценивать, самообразование для многих становилось главной формой «деятельности» в тайном обществе.

По словам М. Ф. Орлова, в Союзе благоденствия «изучение конституционного права всех других народов составляли все их [членов общества] занятия»¹⁴⁹. М. А. Фонвизин, «читая разные теории политические, дерзал в мечтаниях моих желать приноровить их к России»¹⁵⁰. Принимая в общество Д. А. Искрицкого, Г. А. Перетц предложил ему обширную программу политического самообразования: давал читать тексты польской хартии и испанской конституции

¹⁴⁵ М. А. Фонвизин пишет, подчеркивая три направления влияния на русскую молодежь, объясняющие рождение русского тайного общества: нравственное, организационное и политическое: «В походах по Германии и Франции наши молодые люди ознакомились с европейскою цивилизациею... членами Прусского тайного союза... и с французскими либералами» (Фонвизин М. А. Обзорение проявлений политической жизни в России // Общественное движение в России в первой половине XIX в. Т. 1. СПб., 1905. С. 183–184). Сам М. А. Фонвизин подал в отставку в октябре 1817 г. и, не дожидаясь решения, отправился во Францию, где провел несколько месяцев. Потом был «истребован в Россию» и назначен командиром 38-го егерского полка, вернувшегося из Франции, где полк находился в составе российского оккупационного корпуса.

¹⁴⁶ ВД. Т. I. С. 8.

¹⁴⁷ Чернов С. Н. Поиски сношений декабристов с Западом // Из эпохи борьбы с царизмом. Сб. 5. Киев, 1926. С. 113–123 (статья основана на материалах РГВИА: Ф. 36. Оп. 4. Д. 384). В частности, Н. М. Муравьеву предлагали «загладить» уже совершенное преступление и даже обещали возратить «в недра сетующего семейства», если он поможет следствию установить вмешательство в дела российского тайного общества европейских иллюминатов и других «тайных иностранных политических обществ», назвать лиц, которые с ними были связаны в России. Указывались и конкретные иностранцы, действовавшие в России и «изобличенные в иллюминатстве», связи с которыми Муравьев должен был подтвердить или опровергнуть, например «бывший профессор Раупах», изгнанный в 1821 г. из Петербургского университета, а затем и из России (там же. Л. 8 об. – 9).

¹⁴⁸ См. об этом в показаниях С. П. Трубецкого (ВД. Т. I. С. 9).

¹⁴⁹ ВД. Т. XX. С. 168.

¹⁵⁰ ВД. Т. III. М.; Л., 1927. С. 71.

Кортесов¹⁵¹, сочинение Ланжюинэ “Constitution des peuples de l’Europe”, не считая исторических сочинений.

Системному анализу должен быть подвергнут материал об отношении декабристов к действующим конституциям разных стран, не исключая конституцию Царства Польского, а также к известным им проектам политического переустройства, написанным для России. Эта работа, начатая еще В. И. Семевским, далеко не окончена.

Неотъемлемой частью всех действующих конституций конца XVIII – первой четверти XIX в., авторы которых развивали идеи Монтескье, является гарантия прав и свобод человека и гражданина. Права человека – основа конституционализма Нового времени. Главный смысл создания конституций виделся в обеспечении свободы и безопасности человека, защиты от произвола, в том числе, произвола государственной власти. Однако концепция гражданской свободы остается не выделенной большинством реципиентов из учения французских просветителей и конституционного законодательства европейских государств. Часто понятие гражданской свободы подменялось понятием свободы политической и сводилось к дискуссиям о форме правления. И это неслучайно, поскольку правовая традиция и культура отношений власти и личности в России затрудняла усвоение принципиального положения классического либерализма о свободе личности как отправной точке идеального политического и социального устройства.

Определение рамок *гражданских прав и свобод* было неременным условием всех конституционных актов и проектов первой четверти XIX в. По этому пути идут авторы Польской хартии 1815 г. (ПХ) и Уставной грамоты Российской империи 1820 г. (УГ), последнего и наиболее консервативного конституционного проекта Александра I. Здесь данному объекту конституционного регулирования посвящена специальная III глава: «Ручательства державной власти» (ст. 78–98), заимствованная почти полностью из II главы польской хартии: «Общие гарантии» (ст. 11–34). Уже в самом названии главы УГ изменен смысл понимания прав граждан, которые рассматриваются не как естественные, присущие изначально каждому российскому гражданину, а как «ручательства», установленные носителем государственного суверенитета – монархом. Налицо, таким образом, наложение монархического принципа, особенно ярко отличающего УГ, на определение прав граждан.

Еще одна оговорка об ограниченном толковании политических понятий в УГ состоит в следующем. Принадлежность к нации обеспечивала гражданину конституционного государства (французу, баденцу, поляку) всю полноту гражданских прав, то есть понятие «француз» и «гражданин» по хартии 1814 г., например, уже в названии главы определялись как синонимы. В УГ не существует понятия, которое отражало бы принадлежность к нации, например, «российские граждане», зато используется определение «российские подданные». Это определение использует и проект Жалованной грамоты российскому народу 1801 г., о существовании которого декабристы не знали.

На первое место среди прав граждан и ПХ, и УГ ставят *свободу вероисповедания* (ст. 78, 79 УГ ст. 11–15 ПХ). На втором месте в УГ стоит *равенство всех граждан перед законом* (ст. 80) – воспроизведение ст. 17 ПХ, которая заимствована в свою очередь из ст. 4 конституционного статута Герцогства Варшавского. Этот принцип выражен и в южнонемецких конституциях (§ 25 вюртембергской конституции 1819 г.; § 6 – баварской и § 11 – баденской)¹⁵². То есть здесь речь идет о гражданской свободе, к которой большинство декабристских идеологов были менее восприимчивы, чем к свободе политической. В ПХ на втором месте среди декларируемых прав стоит *свобода печати* (ст. 16), а лишь затем равенство перед законом (ст. 17). Г. В. Вернадский объясняет такой порядок политической конъюнктуры первых лет

¹⁵¹ ВД. Т. XX. С. 50.

¹⁵² ВД. Т. XX. С. 172.

существования Царства Польского и империи и понятным желанием Александра I произвести наиболее благоприятное впечатление на литераторов и журналистов как в самой Польше, так и в других странах Европы¹⁵³. В УГ свобода печати (ст. 89) провозглашается после объявления о неприкосновенности личности (ст. 81–89) и занимает четвертое место в перечне свобод. *Неприкосновенность личности* обеспечивается в УГ рядом статей, повторяющих соответствующие статьи ПХ (ст. 18–23). Ст. 81 УГ при этом ссылается на «коренной Российской закон»: «без суда никто да не накажется» – и на правило (§ 401 Учреждения о губерниях), «чтобы никто без объявления ему вины и снятия с него допроса, в течение трех дней по задержании, не лишался свободы и не содержался в тюрьме». Интересна статья, посвященная *свободе перемещения* (ст. 90 УГ, ст. 24 ПХ), находящаяся на пятом месте. Ст. 90 дает подданным Российской империи право без всяких препятствий и со всем имуществом эмигрировать из России, а ст. 93 разрешает всем иностранцам приезжать в Россию, покидать ее и приобретать в стране недвижимое имущество.

Статьи 97, 98 УГ, подобно статьям 26, 27 ПХ, устанавливают *неприкосновенность собственности*, допуская в исключительных случаях отчуждение ее правительством «на общественную пользу». Данные статьи заимствованы из французской хартии 1814 г. (ст. 9, 10), которые в свою очередь восходят к ст. 17 «Декларации прав человека и гражданина» 1789 г.¹⁵⁴, а если вспомнить российскую законодательную традицию, то к двум Жалованным грамотам – дворянству и городам (1785 г.). Однако в УГ этот принцип имеет не сословное, а общегражданское применение.

Таким образом, вопрос о гражданской свободе, ее рамках и гарантиях в мировоззрении декабристов неразрывно связан с представлениями о реформировании социальной структуры общества. Представления о направлениях и рамках такого реформирования даже в программных документах декабризма (конституция Н. М. Муравьева, «Русская Правда» П. И. Пестеля) изложены непоследовательно, декабристские проекты уступают в этом смысле памятникам «официального конституционализма». Декабристы остаются идеологами политического, но не социального реформирования, представляя его рамки весьма общо в качестве идеальной модели. Декабристы, по всей видимости, не знали текста УГ, но явно недооценивали общедоступный (в том числе во французском переводе) текст польской конституции – ссылки на него, как свидетельство знакомства с ним, практически не встречаются в показаниях декабристов. Прямое использование польской конституции отмечается лишь в проекте Н. М. Муравьева.

К сфере гарантий прав личности против насилия со стороны государства относится во французском революционном законодательстве право «сопротивления насилию» (“la resistance a l’oppression”). В конституции 1793 г. оно было распространено и на отношения личности и государства. Здесь законодатель рассматривает народ как коллективную личность и провозглашает право на восстание против государства, нарушающего общественный договор (§ 35 Конституции 1793 г.). Здесь налицо зависимость от радикального принципа «суверенитета народа», сформулированного Ж.-Ж. Руссо. Здесь можно добавить, что декабристы, конечно, читали Руссо, но концепция народного суверенитета, как нам представляется, осталась не востребованной ими, иначе не был бы избран сценарий военной революции без участия «народа».

В историографии, например, в работах 1920-х гг., при объяснении необычайно противоречивых и в целом умеренных политических взглядов декабристов использовалась формула «политического реализма», как если бы декабристам пришлось взять власть и начать реализацию своей программы¹⁵⁵.

¹⁵³ Там же. С. 170.

¹⁵⁴ Конституции и законодательные акты буржуазных государств. М., 1959. С. 250.

¹⁵⁵ В 1920-е гг. принято было в качестве объяснения противоречивости политических идей и практик членов декабристских обществ называть их «реальными политиками», лавировавшими в зависимости от конъюнктуры. Этой стилистике отдали дань А. Е. Пресняков и А. Н. Шебунин (См.: Пресняков А. Е. Мотивы реальной политики в движении декабристов // Бунт

Дело, разумеется, не в «реализме», а именно в умеренности конкретного политического идеала, который сложился в мировоззрении абсолютного большинства декабристов (исключая Пестеля и его окружение, а также идеологов Общества соединенных славян). Это идеал **конституционной монархии**. При этом важно определить, насколько отчетливо представлял себе конституционную монархию «средний декабрист» и насколько конкретным было конституционное мышление «идеологов» (авторов конституционных проектов Н. М. Муравьева и П. И. Пестеля, Н. И. Тургенева, С. П. Трубецкого).

Декабристы представляли собой либеральную оппозицию в том смысле, что оппонировали власти, отказавшейся с начала 1820-х гг. от реформаторского курса. Что касается программы этой оппозиции, то она была достаточно эклектична хотя бы потому, что основные программные документы (конституции Пестеля и Муравьева), оппонировали друг другу концептуально, не были окончены и не стали достоянием большинства членов тайных обществ. Кроме того, как представляется, идейной платформой «декабристского большинства» стало ограниченное, толкуемое исключительно в рамках конституции понимание свободы. Многие из представителей «декабристской молодежи», не имевшие опыта длительного членства в тайном обществе, в следственных показаниях упоминали лишь общие разговоры о «введении конституции в России» – конституции, понимаемой предельно абстрактно. Много повредила дворянским интеллектуалам и фетишизация самого понятия конституции, восходящая, несомненно, к традициям XVIII в.

Для конституционалистов XVIII века было характерно весьма расширенное и двойственное толкование этого понятия. Во-первых, под конституцией понималась система любых «писанных» условий, гарантий, исключая злоупотребления верховной власти. (В этом смысле проекты «верховников» 1730 г. и Н. И. Панина 1762 г. тоже имеют значение конституций.) Во-вторых, под конституцией понималась, собственно, система представительного правления, идущая на смену политическим институтам абсолютизма. Впрочем, можно полагать, как считает Е. В. Анисимов, что и в законодательной деятельности Екатерины II отчетливо выражается конституционная основа, т. е. взятое в совокупности позитивное право. Объективно российское законодательство 60–80-х гг. XVIII в. носило упорядочивающий характер (одно из значений французского *constitution* – учреждение, составление), способствовало модернизации не только системы управления, но и сословной структуры общества, вносило в нее начала гражданской организации.

Анализ взглядов наиболее либерально ориентированных мыслителей из декабристов, таких как Н. М. Муравьев¹⁵⁶, показывает, что либеральная программа была продуманной и авторитетной, она зреет и детализируется на протяжении всей истории декабристских тайных обществ и представляет в декабризме линию магистральную. И всё же последовательными либералами даже лидеров декабризма назвать нельзя. Фетишизация «конституции» (о конституции на следствии упоминает почти каждый допрашиваемый, наделяя понятие собственным смыслом) с точки зрения их позитивной программы раскрывается лишь как требование **ограничения монархии**. Лишь немногие, разделяя свободу политическую и свободу гражданскую, предлагали развернутую аргументацию в защиту той и другой и представляли оптимальную последовательность их реализации в России (Н. И. Тургенев).

декабристов. Л., 1926. С. 29–55; *Шебушин А. Н.* Из истории дворянских настроений 20-х гг. // *Борьба классов*. 1924. № 1/2. С. 50–90) и др. На сегодняшний взгляд, по нашему мнению, эклектизм и «противоречивость» идеологии декабристов говорит больше о незрелости этого «национального варианта либерализма», нежели о каких-либо сословных комплексах его выразителей.

¹⁵⁶ Этот труд в свое время был проделан Н. М. Дружининым (см.: *Дружинин Н. М.* Декабрист Никита Муравьев...). См. также: *Парсамов В. С.* Декабристы и французский либерализм... С. 194–202.

Уходя от приблизительного толкования декабризма как идейного феномена, попытаемся провести сравнительные параллели и определить, какие из принципов *классического либерализма* были усвоены декабристами, в каком виде, а какие не востребованы вообще.

Классическая либеральная доктрина, как известно, сложилась и нашла практическое выражение у французских либералов 1810-х гг. (Б. Констан, Ж. де Сталь, П. Ройе-Коллар, Ф. Гизо, Ж.-Д. Ланжюинэ и др.), по своей популярности в 1810-х – начале 1820-х гг. затмивших английских и немецких теоретиков благодаря их деятельности в Палате депутатов, наличию собственных периодических изданий, литературному влиянию¹⁵⁷.

Здесь необходимо уточнение того, насколько вообще декабристам была *известна* доктрина либерализма. Анализ круга чтения не только идеологов, но и других подготовленных к серьезному чтению членов общества, говорит о достаточно хорошем знакомстве с новейшей политической литературой. В следственных показаниях на вопросный пункт «С какого времени и из каких источников заимствовали вы свободный образ мыслей?» декабристы давали ответы весьма содержательные. Многие прямо называли имена теоретиков либерализма и комментировали произведенное чтением впечатление. Так, М. А. Назимов сообщает о чтении «прав, Монтескю, статистики и политической экономии», а также о том, что «господин полковник Нарышкин, от которого я был принят, давал мне политические увражи Бенжамен Констан, Бентама и записки о необходимости законов фон-Визена, равно как и другие книги, которых авторов не упомяну»¹⁵⁸. Заметим, что ссылка на плохую память – не признак невнимательного чтения, а, возможно, обычная уловка, принятая для того, чтобы не входить в дальнейшие объяснения со следователями.

Специально занявшись определением меры популярности «увражей» Б. Констан, можно насчитать в следственных показаниях более двадцати активных и постоянных членов тайного общества прямые указания на чтение этого автора (не считая тех подсудимых, которые, не называя имен, говорят вообще о «либеральных публицистах»). Б. Констан в показаниях о круге чтения упоминается чаще, чем Ш. Монтескье и И. Бентам. Важно заметить по существу подобных признаний, что в них концепт «преступления» минимизирован. Само чтение литературы, даже запрещенной, которую читали многие, не предусматривало наказания российскими законами, в отличие от нарушения присяги, военного заговора, вступления в тайное (с 1822 г. – противозаконное) общество. Называя того или иного автора из числа свободно переводившихся и распространявшихся в России в 1800-х – 1810-х гг., декабристам не было нужды осторожничать. То есть следственные показания об источниках политических взглядов гораздо более объективно отражают политические взгляды декабристов, чем, например, свидетельства об обстоятельствах вступления в тайное общество, отношении к замыслам царевубийства и планам выступления 14 декабря.

«Манюэль занимает многих, а парады почти всех», – с долей иронии пишет А. А. Бестужев П. А. Вяземскому в марте 1823 г.¹⁵⁹ Отвлеченность подобного чтения осуждалась «практиками». На следствии М. Ф. Орлов (до отхода от тайного общества – сторонник решительных действий) называл увлечения товарищей по обществу «метафизическо-политическими бреднями»¹⁶⁰.

Внимательное чтение источников убеждает в том, что избирательное, неполное, искаженное восприятие декабристами идей классического либерализма нельзя объяснить их незнанием, а приходится объяснять сознательными политическими предпочтениями/исключениями.

¹⁵⁷ Бутенко В. А. Либеральная партия во Франции в эпоху Реставрации. Т. 1. 1814–1820. СПб., 1913.

¹⁵⁸ ВД. Т. XV. С. 202.

¹⁵⁹ ЛН. Т. 60. Кн. 1. С. 200.

¹⁶⁰ ВД. Т. XX. С. 174.

Рассмотрим более подробно отношение декабристов к различным элементам либеральной доктрины по степени их значимости в декабристских текстах, что далеко не адекватно значимости этих принципов в структуре либерального учения.

1. *Отношение к государству*, в том числе в контексте предполагаемых преобразований. Б. Констан и В. Гумбольдт как выразители двух национальных моделей либерализма отводили в реформах активную роль обществу. Государство, по мысли В. Гумбольдта, должно заботиться лишь об устранении препятствий для такого развития личности, устанавливая общую безопасность. Прогрессу внешних государственных форм Гумбольдт придает весьма мало значения, однако всякое насилие над правом человека на самореализацию и всякое наступление на его индивидуальную свободу со стороны государства Гумбольдт считает абсолютно вредным, даже если оно осуществляется с самыми благими целями¹⁶¹. Государство нужно только для поддержания баланса политических сил в обществе и предотвращения злоупотреблений. Представители классического либерализма – антигосударственники. Б. Констан доводит противопоставление интересов индивидуальности и интересов государства до *plus ultra* в трактате «Об узурпации» (1814), широко известном в России. Декабристы же в значительной своей массе остаются государственниками. Претендуя на замену действующей власти «революционным правительством» («Временное верховное правление» у П. И. Пестеля), многие из них тем самым сохраняют за государством неограниченные возможности. В проекте Н. М. Муравьева предлагается другая модель – федеративного государства, но и она далека от принципов минимализации функций государства, выраженных у Б. Констана.

Четкого представления о будущем государстве у «среднего декабриста» не было, а о структуре и возможностях тайного общества, наоборот, говорилось чрезвычайно много. Многие просто подменяли будущее идеальное устройство моделью тайного общества. Его разветвленная структура, которая поглотит в идеале само «общество», – это и есть идеальное государство в представлении участников Союза благоденствия. Позднее задачи и возможности тайного общества были сужены: оно представлялось лишь инструментом захвата власти.

2. *Свобода печати и роль общественного мнения*. Этому положению отводилась важная роль в уставе Союза благоденствия. Тайное общество как бы лишь «подготавливает общественное мнение» к предстоящим реформам сверху, инициатива которых передоверяется правительству (до 1821 г.), а затем узурпируется тайным обществом. Но для успеха реформ важны и свобода печати, и свобода слова, поскольку сила «мнения общего» оказывает влияние на власть. М. А. Фонвизин так говорил о целях Союза спасения: «Достижение... конституции, представительства народного, свободы книгопечатания, одним словом, всего того, что составляет сущность правления в Англии и других землях»¹⁶². В «Манифесте» С. П. Трубецкого «свободное тиснение и поэтому уничтожение цензуры» провозглашается первой из всех свобод¹⁶³.

3. *Свобода экономической деятельности и собственности*. Этот принцип, положенный в основу учения А. Смита и включенный Б. Констаном в ряд основ либеральной доктрины, воспринимался декабристами весьма отстраненно. Далеко не все имели личные убеждения в необходимости отмены крепостного права в России, или же их суждения о «зле крепостничества» основывались на этических и правовых, но не на экономических аргументах. Большинство не имело опыта хозяйствования и мало интересовалось экономической литературой, даже выходящей в России. Материалы биографического справочника декабристов говорят о том, что примерно две трети из них не имели земли и крестьян в личном владении, так как

¹⁶¹ Гумбольдт В. Идея конституционного государственного устройства в связи с новой французской конституцией // О свободе. Антология западноевропейской классической либеральной мысли. М., 1995. С. 184–185.

¹⁶² ВД. Т. III. С. 72.

¹⁶³ ВД. Т. I. С. 107.

еще не вступили в права наследования. Имения их находились в так называемом «неразделенном владении» с родственниками или числились за родителями. То есть хозяйствовать им самим еще не пришлось, и вопрос о сравнительных достоинствах свободного труда и свободного предпринимательства обсуждался ими в отвлеченной, а не в практической плоскости. Те же, для кого доходы с имения представляли значимую часть необходимого дохода, кто взял в свои руки управление имениями (М. С. Лунин, братья Тургеневы), за некоторыми исключениями не спешили перенести теоретическое отрицание крепостничества на практические отношения с собственными крестьянами. «Смитианство», распространившееся в послевоенные годы, осталось в значительной мере теоретическим увлечением.

4. **Свобода ассоциаций.** Направления общественной активности, предусмотренные в «Зеленой книге», говорят о весьма небольшом списке форм публичности, которые члены тайного общества считали допустимыми и эффективными: журналистика, благотворительность, **образование**, воспитание подчиненных и вербовка новых членов общества. Зато формой отрицания принципа свободы ассоциаций можно считать разнообразные проекты «истребления» враждебных тайных обществ, в союзе с правительством или отдельно от него. Этим увлекались многие – от М. Ф. Орлова до Д. И. Завалишина.

5. **Свобода получения образования** как принцип не отразилась в декабристских проектах. Правда, декабристы – участники Вольного общества учреждения училищ взаимного обучения вели активную практическую деятельность в ланкастерских школах. П. И. Пестель в своем проекте настаивает на государственном контроле за образованием, говорит о ликвидации частных пансионов и пр. Н. М. Муравьев в первом варианте конституции предусматривает жесткий образовательный ценз, «руководствуясь принципами испанской и португальской конституций»¹⁶⁴.

6. **Свобода вероисповедания.** В «Манифесте» С. П. Трубецкого четвертым пунктом объявляется «свободное отправление богослужения всем верам»¹⁶⁵. Такие мыслители, как М. С. Лунин или М. Ф. Орлов, захваченные индивидуальным религиозным чувством, рассуждали о близости принципов раннего христианства идеям либерализма. Однако в массе своей декабристы остались равнодушны к религиозной составляющей реформирования общества.

7. **Национальное самоопределение.** В проектах П. И. Пестеля можно найти противоречивые идеи о переселении евреев из России (правда, с перспективой создания национального еврейского государства на исторической территории), лишении политических преимуществ поляков, в случае если они не поддержат дело «тайного общества», псевдорусские языковые опыты, которые придают политической терминологии «Русской Правды» националистический окрас. Зато идеи федерализма, переведенные в практическую плоскость, питают проект Н. М. Муравьева и отражаются в документах Общества соединенных славян. Но и «славяне», и даже Муравьев в последних редакциях своего проекта не понимают федерализм как право на свободу для национальных меньшинств. У Н. М. Муравьева развернута вполне утилитарная конструкция 14 самоуправляющихся «держав», в основу которой положен не национальный, а территориально-административный принцип, заимствованный из государственного устройства США.

8. **Представление о необходимости индивидуальной (личной) свободы.** Обоснование нераздельности индивидуальной (гражданской) и политической свободы при подчиненном значении последней приобрело завершенность в публицистических выступлениях Б. Констана. В центре политической философии Констана – интересы отдельной личности, индивидуальности, и это составляет центральную идею либерализма. Преимущество, определенное либеральными институтами для отдельной личности в современных условиях, – это обеспеченное

¹⁶⁴ Дружинин Н. М. Декабрист Никита Муравьев... С. 146.

¹⁶⁵ ВД. Т. I. С. 107.

гарантиями преимущество быть представленным в государственных делах, участвовать в них, производя свой выбор¹⁶⁶. И. Д. Якушкин вспоминал, что в откровенных разговорах многие члены тайного общества стремились порицать не только политические «язвы Отечества», но и «явное неуважение к человеку вообще»¹⁶⁷. Вместе с тем, несмотря на подобные суждения, индивидуальная свобода не понималась как самостоятельная цель политических реформ.

Некоторое невнимание к этой стержневой идее либерализма, возможно, объясняется имевшимся ощущением громадного культурного разрыва между Россией и Европой. «*Противоположность* нашего государственного быта, ничтожество наших народных прав, – писал С. Г. Волконский о времени окончания заграничных походов и возвращения русских офицеров на родину, – резко выказались уму и сердцу многих»¹⁶⁸. Отсюда – выдвижение либеральной программы-минимум: как можно быстрее приблизить «государственный быт» (т. е. политическое устройство) к идеалу, чтобы потом, быть может, в течение десятилетий, Россия двигалась к подлинному «гражданскому быту». Именно поэтому в области политических форм (монархия или республика) различия толкований, столь удивлявшие декабристоведа, не столь важны. Для России речь идет не о реальном уравнивании всех в гражданских правах с соответствующими гарантиями, и даже не о реальных выборах «президента республики», а о создании механизма политического представительства, ускоряющего гражданское развитие, социальную унификацию.

Декабристы оказались восприимчивы в основном к *политической* программе либералов, и то очень избирательно, применительно к российским условиям, готовы были вводить ее элементы. «Гражданская свобода», которая уже в проектах М. М. Сперанского не смешивается с политической (вернее, политическая устанавливается как условие гражданской), ее формы и ее гарантии специально декабристами не обсуждаются.

Исключения в декабризме, конечно, были: не все принимали приоритет конституционных реформ перед социальными. О позиции Н. И. Тургенева, горячего сторонника программы освобождения крестьян раньше установления представительного правления, написано достаточно¹⁶⁹. А. А. Тучков, бывший член Союза благоденствия, в 1825 г. на совещании в Москве заявил: «Мы говорим о конституции для России, но не видим еще примера фермы для возделывания земли свободными людьми и способа управления оными»¹⁷⁰.

Отмечая нечеткость представлений декабристов о том, установление каких свобод приоритетно для России, в сравнении с классической либеральной доктриной идеального политического устройства легче понять механизм деформации либеральных настроений членов тайных обществ в 1818–1821 гг. (время Союза благоденствия) в настроения политического заговора. Для большинства вышедших на площадь 14 декабря серьезным побудительным мотивом этой акции оказалась перспектива «в один день» решить проблему «конституции», то есть нового государственного устройства, путем давления на правительство или путем его устранения. Эта тактика совершенно противоположна тактике французских либералов, мастеров парламентской борьбы и литературной полемики. Однако она близка тактике участников военных заговоров во Франции 1820–1823 гг., избравших путь радикального политического действия под либеральными лозунгами, но потерпевших поражение. Революционные «клубы» в разных

¹⁶⁶ О свободе... С. 212–213.

¹⁶⁷ Записки, статьи, письма декабриста И. Д. Якушкина / Изд. подг. С. Я. Штрайхом. М., 1951. С. 11.

¹⁶⁸ *Волконский С. Г.* Из записок // Избранные социально-политические и философские произведения декабристов. Т. 2. М., 1951. С. 265. Ср.: *Волконский С. Г.* Записки. Иркутск, 1991. С. 358.

¹⁶⁹ *Шебушин А. Н.* Западноевропейские влияния в мировоззрении Н. И. Тургенева // *Анналы. Журнал всеобщей истории.* 1923. Т. 3. С. 203–222; *Его же.* Николай Иванович Тургенев. М., 1925; *Тарасов Е. И.* Декабрист Н. И. Тургенев в александровскую эпоху: Очерк по истории либерального движения в России. Самара, 1923.

¹⁷⁰ ВД. Т. XX. С. 328. Эту фразу дважды подтвердил на очной ставке И. И. Пущин, бывший на этом заседании.

городах Франции, преследуемые правительством, представляли собой радикальное крыло во французском либерализме, но размежевались с парламентской оппозицией¹⁷¹.

В то же время, выясняя отношение декабристов к политической доктрине французского либерализма, их нельзя выделить из массы образованных, либерально мыслящих дворян, «русских европейцев», «либералистов» (П. А. Вяземский, братья Тургеневы, П. Б. Козловский, десятки других). Поэтому, характеризуя политическую программу декабристов, мы говорим об *общей «либералистской» платформе*, подобно тому, как во Франции у либералов парламентских и непарламентских (заговорщиков), как и у деятелей испанской «либеральной революции» 1821–1823 гг. была общая политическая база. Другое дело, что приверженность тех и другим идеям либерализма могла быть более и менее последовательной. Мы пытаемся показать, что участники российских тайных обществ не были последовательными либералами даже не в силу приверженности тактике революционного (радикального) действия, а по системе воззрений, недостаточно последовательных.

Почти для всех названных «либералистов» этого «тургеневского круга» характерно преклонение перед английской политической системой, обеспечивающей человеку максимальное благосостояние. Английская конституция представлялась Н. И. Тургеневу «шедевром... рассудка человеческого»¹⁷². Однако вопрос о возможности использования английского опыта при преобразованиях в России почти всегда решался отрицательно. К. Ф. Рылеев в разговоре с П. И. Пестелем заявлял, что английская политическая система устарела: «Английская конституция имеет множество пороков, оболыцает только слепую чернь, лордов, купцов...». «Да близоруких англоманов», – подхватил Пестель¹⁷³.

В печати, как и в обществе, до 1821 г. широко обсуждался вопрос о сравнительных достоинствах политических систем европейских государств. В российской печати появились тексты почти всех действующих европейских конституций¹⁷⁴, что давало основания для внимательного сравнения и формирования представлений о возможных направлениях переноса в Россию западного политического опыта.

В конечном счете большая часть «либералистов» и декабристов оказались «франкоманами», считая английский опыт исключительным, а Россию – слишком далекой от возможности его усвоения. Политическая жизнь послевоенной Франции, наоборот, была предельно актуализирована. Н. И. Тургенев в 1820 г. пишет очень глубокий политический трактат о сравнении политических систем Англии и Франции, защищая конституционные преимущества Британии, но считая опыт Франции более пригодным для заимствования¹⁷⁵.

П. А. Вяземский, как и Н. И. Тургенев, считал, что политический опыт и текущая политическая жизнь Франции полезнее «в приноровлении» к предстоящим в России преобразованиям, чем идеальный опыт Англии. «Надобно непременно ехать в Париж, – пишет он в 1818 г. А. И. Тургеневу, – теперь метафизическая философия уступила место метаполитической философии, и родимый край – все тот же Париж... Ступайте учиться там, где только начали пахать, и следуйте постепенно за шагами земледельца»¹⁷⁶. Можно предположить, что

¹⁷¹ Бутенко В. А. Из истории революционного движения во Франции в эпоху реставрации. Саратов, 1921; *Его же*. Либеральная партия во Франции в эпоху Реставрации. Т. 2. 1820–1830. [Неопубликованная монография и материалы к ней] // Научный архив Санкт-Петербургского института истории. Ф. 276. Оп. 2. Д. 42, 43. Необходимо отметить, что В. А. Бутенко реконструировал все политические фракции внутри либерального движения, включая членов заговорщических организаций, проследил связи между легальными и нелегальными либеральными группировками.

¹⁷² Декабрист Н. И. Тургенев. Письма к брату С. И. Тургеневу. М.; Л., 1936. С. 212.

¹⁷³ ВД. Т. 1. С. 178.

¹⁷⁴ См.: Жуковская Т. Н. Дворянский либерализм при Александре I: споры о конституциях и «рабстве» в русских журналах 1800–1810-х годов. Мастер-лекция. Петрозаводск, 2002.

¹⁷⁵ См.: Бешенковский Е. Б., Билинкис М. Я., Пугачев В. В. Неизвестная рукопись Н. И. Тургенева «Сопоставление Англии и Франции» // Освободительное движение в России. Вып. 2. Саратов, 1971. С. 113–127.

¹⁷⁶ Остафьевский архив кн. Вяземских. Т. 1. СПб., 1899. С. 162.

трактат Н. И. Тургенева, написанный идеологом и политиком высокого уровня, стремится популяризировать изложение политических систем двух государств с точки зрения представлений об идеальном политическом устройстве в духе классического либерализма. Скорее всего, он был написан для печати, но о мере его распространения в обществе и даже в среде товарищей по конспирации говорить трудно.

В целом представления о действующих политических системах большинства декабристов, недостаточно знакомых с историческими условиями их появления, механизмом их существования, современной политической литературой, оставались довольно схематичными. При этом во время «политбесед» в тайном обществе часто использовался примененный Н. И. Тургеневым прием сравнения существующих систем правления – для заключения об идеальной для России модели государственности и возможных заимствованиях. Так, на встречах в Каменке В. Л. Давыдов, по показаниям В. Н. Лихарева, сравнивал системы европейских государств и США, эмоционально защищая последнюю¹⁷⁷.

Переписка М. Ф. Орлова и П. А. Вяземского 1820 г. открывает безусловный интерес первого к Констану, Бентону и «прочим писателям сего рода»¹⁷⁸. Однако над «софизмами Вилеля» (Ж. Виллеля, главы кабинета министров) и «логикой Мануэля» (Ж.-А. Манюэля, либерального депутата и публициста) Орлов одинаково иронизирует, считая, что интерес к политике несет угрозу гонений, без различия оттенков¹⁷⁹. Он просит Вяземского прислать «журнал» польского сейма 1818 г., однако лишь для того, чтобы получить материал для составленного им «Протеста против учреждений, дарованных Польше».

Чем индивидуальнее и глубже политические взгляды того или иного из декабристов, тем более они выдаются за грань общих мест раннего либерализма, тем отчетливее личность наблюдателя и налагаемая особенностями восприятия граница между областью «чужого» и «своего». На этих отзывах и суждениях лежит отчетливая «печать национального», печать принадлежности к определенному поколению и культурному горизонту, уровня образования, наличия или отсутствия опыта государственной деятельности. Чем разительнее представлялся контраст между Россией и Европой, тем интенсивнее была работа сознания в направлении конкретизации собственно российских потребностей и путей реформирования страны.

Фиксация смещенного, избирательного восприятия русскими «либералистами» 1810-х гг. (и декабристами в том числе) политических реалий и идей Запада не закрывает того факта, что эта небольшая общественная группа внесла свою посильную лепту в процесс идейного и культурного сближения России и Западной Европы, который после 1825 г. был приостановлен на десятилетия.

С одной стороны, именно либеральные идеи, накладываясь на российскую специфику, подтолкнули выступление 14 декабря. С другой стороны, это был *антилиберальный* способ приближения к идеализированной свободе. События 14 декабря в Петербурге и выступление Черниговского пехотного полка на юге красноречиво свидетельствует о соединении либеральной идеологии и нелиберальной (революционной) тактики. Это – не знак политической ограниченности декабристов, а исторически обусловленный выбор, подобно тому, как левые либералы во Франции, не допущенные в парламент, занимались организацией революционных клубов и готовили военный переворот по испанскому сценарию. При этом никто из упомянутых теоретиков французского либерализма, властителей дум военной молодежи поколения декабристов, в военных заговорах 1816–1817, 1821–1823 гг. участия не принимал. Но, кстати сказать, и практически все идеологи декабризма, представители старшего поколения участников тайных обществ по разным обстоятельствам и в силу разных причин не участвовали в

¹⁷⁷ ВД. Т. 12. С. 91.

¹⁷⁸ ЛН. Т. 60. Декабристы-литераторы. Кн. 1. М., 1956. С. 22.

¹⁷⁹ Там же. С. 33.

попытке революционного переворота 14 декабря. На Сенатской площади фактически оказались только молодые «действователи», без идеологов, – и большинство нюансов политических программ и их теоретические источники в тот момент уже не имели большого значения.

Пытаясь определить глубину политических взглядов и отчетливость политических понятий декабристов, мы всё же должны отличать идейных лидеров (идеологов) от массы «рядовых членов» тайных обществ и участников выступления 14 декабря. Многими из последних нюансы либеральной доктрины и детали ее возможного приложения к России попросту «не прочитывались». На наш взгляд, если судить по показаниям на следствии и мемуарам тех, кого правомерно отнести к «рядовым» декабристам, можно заметить, что неопределенный контекст употребления понятий «конституция», «либеральный», нечеткие и слишком краткие объяснения по поводу своих воззрений, – всё это говорит о том, что часто мы имеем дело не с либеральной *системой взглядов*, а с паралиберализмом, псевдолиберализмом, когда за либерализм принимается и выдается (часто неосознанно) нечто иное.

Так, распространенным является утверждение декабристов на следствии о всеобщей *mode* на либерализм как причине их собственного интереса к нему. Так, майор Вятского пехотного полка Н. И. Лорер, активный член Северного и Южного обществ, на вопрос следствия «Каким образом революционные мысли возрастали и укоренялись в умах», отвечал: когда наступили «времена смутные, в 1821 и 22 году, тогда всякий молодой человек желал слыть либералом»¹⁸⁰. Лорер имеет в виду известия о европейских революциях, не называя точных событий. Будучи сторонником активного действия тайного общества «через людей значащих», ближайший помощник Пестеля, Лорер не делает различия между понятиями «либеральный», «вольнодумческий», «революционный»¹⁸¹. Он этих тонкостей не различает.

Вместе с тем эта отмечаемая нами неотчетливость и размытость суждений не мешает отнести декабристов к приверженцам либерального переустройства политических и социальных отношений в стране, конституционалистам и реформаторам в самом широком смысле.

Изучение идеологии декабристов неотделимо от изучения организационных связей, самого феномена тайных обществ, специфики декабристского патриотизма, который требовал «действия» на «благо Отечества». Сам по себе этот деятельный патриотизм был несомненным порождением фронтового опыта «старших декабристов» – основателей первых конспираций. С. П. Трубецкой вспоминал: «Связи, сплетенные на биваках, на поле битвы, при делении одинаких трудов и опасностей, бывают особенно между молодыми людьми откровеннее, сильнее и живее. Я был дружен с Александром Муравьевым, с Шиповым (что ныне г [енерал] м [айор]); сей был дружен с Пестелем, с которым и я познакомился. Мы часто говорили между собой о бывших событиях, о славе государя, о чести имени русского, рассуждали, что уже, быв каждый по возможности полезен Отечеству в военное время, не должны быть бесполезны и в мирное, что каждый из нас, сопутствуя своему государю в трудах военных, должен и в мирных подвигах Его величества по возможности своей содействовать, что содействие каждого часто мало-значаше, то полезнее содействовать общими силами...»¹⁸². Патриотизм как форма консолидации общества во время войны определил умственное развитие поколения молодых ветеранов, представители которого спустя два года после победы сублимировали священный патриотизм в программу государственного переустройства.

Отсутствие единомыслия в декабризме объясняет сама причудливая десятилетняя история конспирации, куда принимали отнюдь не по принципу единомыслия. Фронтовики-декабристы (в действительности более связанные общим прошлым, общим духовным опытом, чем единомыслием) в начале 1816 г. составили тайное политическое общество Союз спасения. Как

¹⁸⁰ ВД. Т. XII. М., 1969. С. 43.

¹⁸¹ Там же. С. 52.

¹⁸² Трубецкой С. П. Записки // Материалы о жизни и революционной деятельности. Т. 1. Иркутск, 1983. С. 85.

нам кажется, не могло быть настоящего единомыслия между армейскими капитанами, прочитавшими одну-две политических книги по совету товарищей по тайному обществу, и идеологами с университетским образованием, вроде Н. И. Тургенева и Н. М. Муравьева, размышлявшими не менее десяти лет о конституционных и социальных преобразованиях. Поэтому и определения «идеология декабризма», «программа декабризма» достаточно условны. Это программы лидеров, но не «символ веры» всех и каждого, не «программа партии», более привычная современному сознанию.

В заключение, возвращаясь к задачам данной статьи, скажем, что феномен декабризма представляется нам не особым национальным типом либерализма, рядоположенным раннему (классическому) французскому или немецкому либерализму, а особым национальным *опытом политической деятельности и политического переворота*.

Дворянский либерализм 1810-х – начала 1820-х гг., вызванный к жизни правительственным реформаторством, с одной стороны, и европейскими политическими событиями, с другой, – явление более общее, питавшее декабризм, но с ним полностью не совпадавшее. Общелиберальные настроения и взгляды, безусловно, отличавшие практически всех вступивших в декабристскую конспирацию, в той же мере были свойственны и широкому кругу «либералистов», не считавших, однако, нужным примыкать к «заговору» и вести опасную политическую игру с властью.

Дифференцированность восприятия декабристами современных им западных либеральных идей – лишь одна из проблем назревшего теоретического переосмысления декабризма как типа «русской революционности» или «русского либерализма». Сравнительно-исторический подход к решению этой задачи видится многообещающим, во всяком случае, он сможет противопоставить научное знание разнообразным упрощениям и мифам о декабристах.

Традиция дворцовых переворотов в России и декабристы

Д. С. Артамонов

Исследователи не раз отмечали интерес декабристов к прошлому своего отечества, особенно их привлекала русская история XVIII в. Задачи движения определяли характер внимания его участников к этой эпохе. Наибольшую ценность для них представляли сведения о конституционных проектах и дворцовых переворотах¹⁸³. Планируя государственный переворот, декабристы не могли не обратиться к изучению опыта своих предшественников на политической сцене. Тем не менее в исследовательской литературе до сих пор нет ответа на вопрос, как этот опыт использовался тайными обществами, как вообще ими воспринималась политическая традиция «дворцовых революций»¹⁸⁴.

Для основательного решения этой проблемы требуется, прежде всего, установить, что декабристам было известно о тех событиях.

Убийство императора Павла I, наиболее близкий к декабристам эпизод дворцовых переворотов, – одно из наиболее загадочных событий в российской истории. На протяжении более ста лет оно было окружено непроницаемой тайной, но не переставало волновать пытливые умы. Обстоятельства смерти императора невозможно было скрыть полностью, слишком много людей принимало участие в заговоре. Многие заговорщики и не пытались утаить свою причастность к этому делу и охотно делились известными им подробностями, что порождало множество слухов. И если в печати до 1907 г. упоминать об участии Павла I было запрещено¹⁸⁵, то в устных разговорах, по крайней мере, на протяжении всей первой трети XIX в., когда еще были живы современники и участники злополучного события, тема эта вызывала постоянный интерес и бесконечно обсуждалась. Следует отметить, что многие из рассказов просочились в зарубежные работы о перевороте 1801 г. и определенным образом воздействовали на представления декабристов о заговоре¹⁸⁶. Но главным источником информации для них были беседы с очевидцами и современниками.

Многим декабристам история екатерининского, а затем и павловского царствования была известна по семейным преданиям еще с детства. Многие они узнавали из подслушанных разговоров своих родных с друзьями. Так, Д. И. Завалишин вспоминал, что посещавшие его отца всегда вели какую-нибудь «замечательную беседу» и даже при нем «говорили и рассуждали совершенно откровенно». «Это и было причиной, – утверждал Д. И. Завалишин, – что я знал русскую историю не так, как преподавали ее в учебниках». Из одного такого разговора будущий декабрист узнал «о тех обстоятельствах, которые сопровождали смерть Павла I-го»¹⁸⁷. Тверской предводитель дворянства Сергей Александрович Шишкин рассказывал о них отцу Дмитрия Завалишина в его кабинете. Это свидетельство мемуариста показывает, как широко в обществе распространились рассказы о заговоре 11 марта 1801 г. Даже в провинции люди могли узнать все подробности происшествия в Михайловском замке.

Родители некоторых декабристов были непосредственными участниками событий. Отец братьев Сергея и Матвея Муравьевых-Апостолов Иван Матвеевич был вовлечен в заговор, за что впоследствии попал в немилость к императору Александру I. Н. Я. Эйдельман отмечал,

¹⁸³ Волк С. С. Исторические взгляды декабристов. М.; Л., 1958. С. 415.

¹⁸⁴ Эйдельман Н. Я. Из предыстории декабризма (об одном эпизоде в «Записках» Н. И. Лорера) // Проблемы истории русского общественного движения и исторической науки. М., 1981. С. 29.

¹⁸⁵ Царевубийство 11 марта 1801 г. Записки участников и современников. СПб., 1907.

¹⁸⁶ Эйдельман Н. Я. Грань веков // В борьбе за власть. Страницы политической истории России XVIII века. М., 1988. С. 435–436.

¹⁸⁷ Завалишин Д. И. Записки декабриста. СПб., 1906. С. 13.

что «неблагодарность императора из подробности семейной легко перерастала в черту политическую, связанную со многими важнейшими обстоятельствами»¹⁸⁸. Несомненно, что рассказы отца о правлении Павла I и его смерти очень сильно повлияли на формирование мировоззрения будущих декабристов.

С заговором 11 марта 1801 г. были связаны первые детские впечатления М. И. Муравьева-Апостола. В. Е. Якушкин, рассказывая его биографию, записал: «Следующее воспоминание Матвея Ивановича относится уже к 1801 г. 12-го марта утром, после чаю, он подошел к окну и вдруг спрашивает у своей матери: «Разве сегодня Пасха?» – «Нет, что ты?» – «Да вон же солдаты на улицах христосуются!» – оказалось, что солдаты поздравляли друг друга с воцарением Александра I. Матвей Иванович был с матерью на поклонении праху покойного императора. Он помнил, что гроб был поставлен очень высоко, так, что «лица никто не видел»¹⁸⁹.

Отец В. К. Кюхельбекера также находился 11 и 12 марта 1801 г. в центре событий и смог сообщить своему сыну некоторые интересные подробности последних дней жизни императора Павла I, к которому он вошел в доверие и «чуть не сделался таким же временщиком, как Кутайсов».¹⁹⁰

М. А. Фонвизин, написавший обстоятельный очерк истории насильственной смерти императора Павла I, подробно рассказывает, откуда он почерпнул известные ему сведения: «Вступивши в службу в гвардию в 1803 г., я лично знал многих участвовавших в заговоре, много раз слышал все подробности преступной катастрофы, которая тогда была еще в свежей памяти и служила предметом самых живых рассказов в офицерских беседах. Не раз, стоя в карауле в Михайловском замке, я из любопытства заходил в комнаты, занимаемые Павлом, и в его спальню, которая долго оставалась в прежнем виде... Очевидцы объясняли мне на самих местах, как все происходило»¹⁹¹.

В годы существования тайных обществ интерес к истории переворота 11 марта 1801 г. усиливается. Подробности заговора декабристы стараются узнать от непосредственных участников событий. М. А. Фонвизин и М. И. Муравьев-Апостол в 1820 г. ведут продолжительные беседы в Английском клубе с А. В. Аргамаковым, при содействии которого заговорщики смогли проникнуть в Михайловский замок и в покои императора. М. И. Муравьев-Апостол слушает рассказы бывших в 1801 г. подпрапорщиком Л. О. Гурко и рядовым И. Агапеева, стоявших в ту ночь в карауле¹⁹². П. И. Пестель, будучи в Митаве в 1817 г., не раз встречался с одним из руководителей заговора П. А. Паленом, поселившемся в своем имении близ этого города¹⁹³. С. Г. Волконский, находясь в Лондоне, был вхож к Ольге Александровне Жеребцовой, «сестре известного фаворита Екатерины князя Зубова, пользующейся некоторой знаменитостью по соучастию ее в заговоре против императора Павла I»¹⁹⁴.

Есть основания предполагать, что последний дворцовый переворот, закончившийся смертью Павла I, использовался в целях пропаганды необходимости «политических преступлений» для блага отечества. Так, М. И. Муравьев-Апостол вспоминал: «В 1820 г. Аргамаков в Москве, в Английском клубе, рассказывал, не стесняясь многочисленным обществом, что он сначала отказался от предложения вступить в заговор против Павла I, но великий князь Александр Павлович, наследник престола, встретив его в коридоре Михайловского замка, упрекал

¹⁸⁸ Эйдельман Н. Я. К биографии Сергея Ивановича Муравьева-Апостола // Исторические записки. 1975. Т. 96. С. 254.

¹⁸⁹ Якушкин В. Е. Матвей Иванович Муравьев-Апостол // Декабристы в воспоминаниях современников. М., 1988. С. 102.

¹⁹⁰ Маркевич Н. А. Из воспоминаний // Писатели-декабристы в воспоминаниях современников. М., 1980. Т. II. С. 195.

¹⁹¹ Фонвизин М. А. Сочинения и письма. Иркутск, 1982. Т. II. С. 135.

¹⁹² Муравьев-Апостол М. И. Убийство Павла I // Мемуары декабристов: Южное общество. М., 1982. С. 168–171, 304.

¹⁹³ Лорер Н. И. Записки декабриста. Иркутск, 1984. С. 69. Ср.: Эйдельман Н. Я. Из предыстории декабризма... С. 23–24.

¹⁹⁴ Волконский С. Г. Записки. Иркутск, 1991. С. 320–321.

его и просил не за себя, а за Россию вступить в заговор, на что он и вынужден был согласиться»¹⁹⁵.

Подобные беседы с участниками дворцового переворота 1801 г. среди многолюдного общества, видимо, широко практиковались и преследовали вполне определенные цели. В воспоминаниях Н. И. Греча есть эпизод, в котором он рассказывает, как К. Ф. Рылеев его вербовал в тайное общество, приводя в пример дворцовый переворот 11 марта 1801 г.: «Подумайте, если бы заговор был составлен для блага и спасения государства, как, например, против Павла Первого»¹⁹⁶. К. Ф. Рылеев совместно с А. А. Бестужевым для агитационных целей написали песню, стилизованную под народную:

Ты скажи, говори,
Как в России цари
Правят.

Ты скажи поскорей,
Как в России царей
Давят.¹⁹⁷

На каторге и в сибирской ссылке интерес декабристов к истории дворцовых переворотов не угасал. Из бесед друг с другом они узнавали новые подробности. В созданных ими по возвращении из Сибири записках они поместили известные им сведения о потаенной истории России. В этих очерках отразилось их отношение к политической традиции дворцовых переворотов.

Тема «декабристы и традиция дворцовых переворотов» практически не изучалась. Большинство исследователей, которые так или иначе затрагивали эту проблему, считали, что дворцовые революции декабристами решительно осуждались. Правда, некоторые из историков, рассматривавшие вопрос об отношении членов тайных обществ к царевубийству 11 марта 1801 г., отмечали неоднозначность оценок последнего дворцового заговора и всей эпохи дворцовых переворотов¹⁹⁸.

Взгляды декабристов на это явление русской истории, как показали исследователи, отличались некоторой двойственностью: с одной стороны, неприятие целей заговорщиков и самого факта убийств императоров Петра III и Павла I, с другой – теоретическое допущение подобных методов борьбы с деспотизмом¹⁹⁹, а также желание усвоить «некоторые полезные уроки прошлых конспираторов»²⁰⁰.

Именно последнее обстоятельство, как представляется, определило интерес декабристов к истории переворотов. Наиболее актуальным был опыт 11 марта 1801 г., так как он связывался с намерением некоторых заговорщиков, выступивших против Павла I, ограничить самодержавное правление конституцией²⁰¹, а кроме того, был признан вполне успешным в плане применяемых средств.

¹⁹⁵ Муравьев-Апостол М. И. Указ. соч. С. 170.

¹⁹⁶ Греч Н. И. Записки о моей жизни. М., 1990. С. 262–263.

¹⁹⁷ Рылеев К. Ф. Сочинения. Л., 1987. С. 218.

¹⁹⁸ Волк С. С. Указ. соч. С. 420–421; Степанов В. П. Убийство Павла I и «вольная» поэзия // Литературное наследие декабристов. Л., 1975. С. 92–99; Эйдельман Н. Я. Грань веков. С. 412–415; *Его же*. Из предыстории декабризма... С. 23–29.

¹⁹⁹ Степанов В. П. Указ. соч. С. 92.

²⁰⁰ Эйдельман Н. Я. Из предыстории декабризма... С. 24.

²⁰¹ См.: Лушин М. С. Письма из Сибири. М., 1988. С. 79; Фонвизин М. А. Указ. соч. Т. II. С. 146.

Тем не менее на следствии и в мемуарах деятели тайных обществ отрицали какое-либо воздействие дворцовых революций на свои взгляды²⁰², а «противопоставление им своего движения было одним из важнейших моментов позднейшей декабристской рефлексии»²⁰³.

Правда, сам факт дворцовых переворотов они использовали для оправдания своего восстания. Так, С. П. Трубецкой писал: «Со времени вступления дома Романовых на российский престол малая только часть государей наследовала его спокойно, по праву своего рождения; но большая часть перемен царствований была следствием насилия или обмана. Ни которое из них, однако же, не было сопровождено такими происшествиями, которым ознаменовано было начало нынешнего царствования»²⁰⁴. В этом отрывке подчеркивается исключительность событий, происходивших 14 декабря 1825 г., но вместе с тем они ставятся в один ряд с подобными случаями, отмеченными насильственной сменой монархов. Декабристы, стремившиеся к захвату власти, понимали, что примененные ими средства могут быть признаны нелегитимными, поэтому они пытались обосновать справедливость своих действий ссылкой на такое же незаконное занятие престола российскими царями и царицами.

В этом отношении любопытно замечание М. А. Фонвизина: «Петр не издал даже закона о престолонаследии, что при преемниках его было поводом к тем дворцовым переворотам, в которых гвардия, как преторианцы римские, располагала трон»²⁰⁵. На самом же деле указ Петра I о престолонаследии был, он отменял традиционную форму наследования и предоставлял царствующему монарху право самому назначать наследника. Но сам Петр I так и не сделал своего выбора, что и вызвало череду политических кризисов в стране. М. А. Фонвизин, таким образом, намеренно искажает факты, говоря об отсутствии закона, дабы выставить русских самодержцев, правивших после Петра I, узурпаторами, которые не имели никакого права на власть. Неразбериха с законом о престолонаследии делала любого претендента на русский трон зависимым от случайного стечения обстоятельств. Право назначения монархов приобретает гвардия, ее роль сравнивается с ролью преторианцев времен поздней Римской империи, которые избирали и свергали правителей в зависимости от своих предпочтений.

Н. И. Тургенев в своей книге «Россия и русские» еще более чем М. А. Фонвизин драматизировал ситуацию вокруг вопроса о передаче власти в России: «Вопрос о монархе, – пишет он, – решался то каким-нибудь иностранцем-авантюристом, солдатом или лекарем, то своими, местными убийцами»²⁰⁶. Здесь, как и в большинстве высказываний декабристов о дворцовых заговорах, ясно выражено негативное к ним отношение. Но вместе с тем история переворотов давала обильную пищу для размышлений и заставляла внимательно изучать это явление, несмотря на его неприятие. Так, М. С. Лунин и Н. М. Муравьев отмечали, что «перевороты, коими изобилует русская история со времени Петра I-го, любопытны по многим отношениям и прискорбны для русского»²⁰⁷.

Очень примечательны рассуждения на эту тему Д. И. Завалишина. Занимаясь исследованием вопроса о причинах, побудивших членов тайного общества декабристов принять идею «насильственного переворота», он обращался к примеру Екатерины II: «Тут представлялась неопровержимая дилемма: если Екатерина II, которой все права истекали из того только, что она была жена Петра III, имела право для блага государства восстать против своего мужа и государя, не отступая и от крайних средств, то как же может быть воспрещаемо подобное действие коренным русским, для которых благо отечества составляет даже обязанность. Поэтому-

²⁰² Волк С. С. Указ. соч. С. 421.

²⁰³ Парсамов В. С. Декабристы и французский либерализм. М., 2001. С. 166.

²⁰⁴ Трубецкой С. П. Материалы о жизни и революционной деятельности. Идеологические документы, воспоминания, письма, заметки. Иркутск, 1983. Т. I. С. 286.

²⁰⁵ Фонвизин М. А. Указ. соч. Т. II. С. 115.

²⁰⁶ Тургенев Н. И. Россия и русские. М., 2001. С. 27.

²⁰⁷ Лунин М. С. Указ. соч. С. 80.

то, на основании этого главного примера, все рассуждения в тайных обществах сводились к следующей аргументации: или Екатерина II имела право так действовать для блага отечества, тогда тем более имеет право и всякий русский, или она не имела права, и тогда весь порядок, ею основанный, есть незаконный, а потому всякий русский и имеет право не признавать его»²⁰⁸.

Таким образом, стремясь отобрать власть у царствующей династии, декабристы не нарушали никакого закона, так как сами представители этой династии занимали престол незаконно, а потому и установленный ими государственный порядок подлежал изменению, тем более что он был несправедливый. Несправедливость же данного государственного устройства заключалась, прежде всего, в том, что правители в своих действиях не опирались на твердые законы, а царствовали по своему произволу. Так же произвольно и русский престол переходил из рук в руки. Очень показательна в данном случае реплика М. С. Лунина и Н. М. Муравьева: «Петр слывет законодателем России, но где же законы?..»²⁰⁹

Более красочно эту мысль выразил А. В. Поджио, рассуждая о Петре I и приводя якобы сказанные им слова по поводу назначения наследника: «Пусть венец достанется достойнейшему», – он восклицает, – и сколько в этих словах все того же прежнего произвола. Во-первых, он отвергал законное право на престолонаследие в лице внука, Петра II; во-вторых, таким беззаконием он узаконил все происки, все домогательства к захвату престола, предоставленного произвольным случайностям, и, наконец, ввергал Россию во всю пропасть преследований, ссылки и казней, ознаменующих всякое воцарение»²¹⁰.

Самодержавному произволу декабристы пытались противопоставить закон: «Союз, – писал М. С. Лунин, – стремился водворить в отечестве владычество законов, дабы навсегда отстранить необходимость прибегать к средству, противному и справедливости, и разуму»²¹¹, но вместе с тем они замыслили «противозаконный переворот», оправдывая себя ссылкой на такой же беззаконный характер предшествующих переворотов.

Складывалась парадоксальная ситуация: осуждая практику дворцовых революций, декабристы видели в них оправдание своему движению. А. А. Бестужев на следствии проводил прямые параллели между восстанием 14 декабря 1825 г. и переворотами 1730 и 1762 гг. В письме к императору Николаю I он писал: «Правительница Анна, опершись на желание народа, изорвала свое обязательство. Великая Екатерина повела гвардию и толпу, ее провозгласившую, противу Петра III. Они обе на челе народа шли противу правительства, – неужели право бывает только на стороне удачи?»²¹² Тайные общества, как и императрицы, действовали против правительства, опираясь на гвардию, и во имя интересов народа. Разница между ними, по мнению А. А. Бестужева, только в том, что восстание 14 декабря не увенчалось успехом, а перевороты Анны Иоанновны и Екатерины II вполне удались.

На самом же деле декабристы нисколько не обманывались на счет истинных целей заговорщиков XVIII в. и в сопоставлении себя с ними следовали только до определенных пределов.

Например, П. Г. Каховский также в письме к Николаю I призывал его: «Взгляните на перевороты правлений, и Вы согласитесь со мной. Кто не предан всей душой пользе отечества, тот никого и ничего не может любить, кроме своей выгоды»²¹³. М. С. Лунин много лет спустя в ссылке запишет: «Почти все восшествия на российский престол, начиная с Петра I, отмечены дворцовыми переворотами, совершенными во мраке и в интересах отдельных лиц»²¹⁴. А. В.

²⁰⁸ Завалишин Д. И. Записки декабриста. С. 124.

²⁰⁹ Лушин М. С. Указ. соч. С. 81.

²¹⁰ Поджио А. В. Записки // Мемуары декабристов: Южное общество. М., 1982. С. 243.

²¹¹ Лушин М. С. Указ. соч. С. 71.

²¹² Бестужев А. А. Письмо к Николаю I // Из писем и показаний декабристов. Критика современного состояния России и планы будущего устройства / Под ред. А. К. Бороздина. СПб., 1906. С. 41.

²¹³ Каховский П. Г. Письмо к Николаю I // Из писем и показаний декабристов. С. 24.

²¹⁴ Лушин М. С. Указ. соч. С. 137.

Поджио вообще отрицал наличие у заговорщиков каких-либо значимых целей, кроме корыстных: «Укажите одно восстание, и если не восстание, то хотя бы факт один, который бы можно подвести под мерило какого-нибудь политического стремления? <...> несколько гнусных временщиков, оспаривая друг у друга первенство и право на выбор такого или другого лица с присваиванием всех прав на ограбление государственного достояния, и все эти происки, домогательства, основанные на варварском побиении, не имевшем даже последнего оправдания – в политической какой-нибудь цели?»²¹⁵

Декабристы понимали, что организаторы заговоров XVIII в. действовали не для народа, а в соответствии со своими меркантильными устремлениями, следовательно, перевороты их не могли принести ничего положительного отечеству. Об этом прямо писали М. С. Лунин и Н. М. Муравьев в своем совместном сочинении: «В 1801 г. заговор под руководством Александра лишает Павла престола и жизни без пользы для России»²¹⁶. Таким образом, противопоставляя цели и задачи своего движения своекорыстным интересам заговорщиков прошлого, декабристы отмежевывались от них.

Всё же определенная польза от дворцовых переворотов, по мнению некоторых декабристов, была, правда, весьма своеобразная: они стали своеобразной формой ограничения самодержавной власти. К примеру, М. А. Фонвизин в своем произведении «О подражании русских европейцам» замечал: «Хотя в России образ правления остался тот же, что был при царе Иоанне Васильевиче или при Петре: мы и теперь живем под тем же неограниченным самодержавием, однако, какой деспот позволит себе и сотую долю тех жестокостей и неистовств, какие совершали безнаказанно оба этих государя? Павел I тиранствовал, правда, 4 года, но известно, чем это кончилось, и как он дорого поплатился за свою тиранию»²¹⁷.

Аналогичного мнения придерживался Н. И. Тургенев, написавший в книге «Россия и русские» следующее: «Безграничная власть настолько бессмысленна и отвратительна, что единственную возможность ограничить могущество русских царей стали усматривать в чудовищных и отвратительных дворцовых переворотах, нередко орошавших кровью царский трон и породивших жестокую шутку: “Россия – это абсолютная монархия, ограниченная удавкой”»²¹⁸.

Подобное восприятие цареубийств в России было характерно и для А. С. Пушкина: «Царствование Павла доказывает одно: что и в просвещенные времена могут родиться Калигулы. Русские защитники самовластья в том не согласны и принимают славную шутку г-жи де Сталь за основание нашей конституции: En Russie le gouvernement est un despotisme mitigé par la strangulation (Правление в России есть самовластье, ограниченное удавкой)»²¹⁹.

Альтернативой подобному ограничению могло стать наличие «влиятельной аристократии» в империи, на которую «царь не осмелился бы поднять руку», или «независимое дворянство, способное восстать против действий правительства и заставить его поступить иначе». Тогда, считал Н. И. Тургенев, «царь, из страха стать жертвой ярости этих аристократов и дворян, не во всем волен поступать по своему желанию»²²⁰. Об отсутствии в России «сильного вельможества», способного быть «предостережением» для монарха, чтобы не явился из него

²¹⁵ Поджио А. В. Записки, письма. Иркутск, 1989. С. 122.

²¹⁶ Лунин М. С. Указ. соч. С. 81.

²¹⁷ Фонвизин М. А. Указ. соч. Т. II. С. 298.

²¹⁸ Тургенев Н. И. Россия и русские. С. 278.

²¹⁹ Пушкин А. С. Заметки по русской истории XVIII века // Пушкин А. С. Полное собрание сочинений в 16 т. М.; Л., 1937–1949. Т. XI. С. 17; см. об этом: Томашевский Б. В. Пушкин и Франция. Л., 1960. С. 152–153; Вольперт Л. И. А. С. Пушкин и госпожа де Сталь. (К вопросу о политических взглядах Пушкина до 1825 г.) // Французский ежегодник. Статьи и материалы по истории Франции. 1972. М., 1974. С. 299–300; Её же. Пушкин в роли Пушкина. Творческая игра по моделям французской литературы. Пушкин и Стендаль. М., 1998. С. 29; Лотман Ю. М. Три заметки к пушкинским текстам // Лотман Ю. М. Пушкин. СПб., 1999. С. 338–339; Её же. Еще о «славной шутке» мадам де Сталь // Там же. С. 364–365.

²²⁰ Тургенев Н. И. Россия и русские. С. 278.

«тиран, нарушающий общее и частное благо», говорил на следствии Г. С. Батеньков (XIV, 136)²²¹.

По мнению Г. С. Батенькова, сами русские цари уничтожили родовую аристократию, чтобы обеспечить себе безграничную власть, и тем самым ухудшили свое положение, лишившись влиятельной силы в государстве, уважаемой народом. «Вельможество» могло стать опорой и защитой монарха, так же как и дворянство, но, находясь в несправедливости, они не могли воспрепятствовать ни произволу самодержцев, ни их убийству.

По мнению Н. И. Тургенева, ни одно сословие в России «не повинно в крови своих государей»²²². Дворцовые перевороты – дело рук случайных людей: иностранца-лекаря Лестока и пьяных гвардейцев; «кулачных бойцов» – братьев Орловых; флигель-адъютантов, любимых и обласканных Павлом I. Они не были представителями «какой-либо партии или привилегированной касты» и тем более не представляли интересы народа²²³.

Сам же народ, по мнению декабристов, не проявлял никакого интереса к политическим событиям в стране, большая его часть, как считал Н. И. Тургенев, «всегда оставалась и должна была оставаться равнодушной к насильственным сменам государей. Постоянно пребывая в угнетении и терпя различного рода бедствия именно из-за общественного строя, огромное большинство русских просто не видит, какая – более или менее – суровая тирания царит в стране».²²⁴ Этот факт удручал и М. С. Лунина с Н. М. Муравьевым, они жалели, что «гибельная власть Бирона... прекращена не действиями законов и судилищ, не народным негодованием, но домашнею ссорой немцев, распорядившихся судьбою России»²²⁵. М. А. Фонвизин, характеризуя павловское царствование, писал: «В это бедственное для русского дворянства время бесправное большинство народа на всем пространстве империи оставались равнодушными к тому, что происходило в Петербурге»²²⁶.

В исследовательской литературе о движении декабристов распространено представление о том, что желание членов тайных обществ не допустить народ до участия в предполагаемом восстании было вызвано исключительно боязнью повторения ужасов Французской революции XVIII в.

Анализ некоторых высказываний представителей декабристского движения показывает, что, кроме примеров Франции, изучение отечественной истории подводило их к мысли о невозможности привлечения народных масс к делу революции, так как народ не показывал себя в политической истории России.

Отдельные проявления народной активности в виде крестьянских восстаний в глазах декабристов ничего не означали. А. В. Поджио по этому поводу заметил: «Какие ни были смуты, бунты, восстания, все они имели особенный, по большей части местный, временный характер, не имеющий никакой связи, никаких отношений с общим характером страны!»²²⁷

Раздумья декабристов об участии народа в решении своей собственной судьбы были тесно связаны с выбором тактики предстоящего государственного переворота. Общим мнением участников движения было признание необходимости проведения революции без народа. Народное восстание выглядело делом довольно опасным и, как показывала российская история, даже несбыточным. Альтернативой ему мог стать заговор.

²²¹ Восстание декабристов. Документы. М.; Л., 1925–2012. Т. I–XXII. (Здесь и далее ссылки на это серийное издание даются в тексте статьи, с указанием томов и страниц).

²²² Тургенев Н. И. Россия и русские. С. 278.

²²³ Там же.

²²⁴ Там же.

²²⁵ Лунина М. С. Указ. соч. С. 81.

²²⁶ Фонвизин М. А. Указ. соч. Т. II. С. 134–135.

²²⁷ Поджио А. В. Записки. Письма. С. 111.

Вопрос о тактике тайных обществ неоднократно поднимался в советской историографии. Наиболее остро шла полемика о том, какие средства борьбы были избраны членами ранних декабристских организаций, и, в частности, Обществом истинных и верных сынов отечества, имевшим и другое название – Союз спасения.

Н. М. Дружинин считал, что революция тогда «мыслилась как *ultima ratio* и представлялась по-старому – не в виде массового восстания, а в привычных формах традиционного переворота с цареубийством»²²⁸. Ю. Г. Оксман утверждал, что Союз спасения – это замкнутая военно-революционная организация «со ставкой на дворцовый переворот и прокламирование сверху меньшинству правящего класса буржуазных реформ»²²⁹. Не отрицал воздействия дворцовых переворотов на декабристов и Н. Я. Эйдельман. Он полагал, что более всего на их тактику повлиял заговор 11 марта 1801 г.²³⁰ Подобные выводы исследователи делали в результате анализа плана М. С. Лунина, предлагавшего организовать покушение на Александра I.

Однако М. В. Нечкина была уверена, что «предложенный Луниным план не имел ничего общего с замыслом дворцового переворота, а был самым непосредственным образом связан с планом начала революции и борьбы за конституционный строй»²³¹.

Уверенность М. В. Нечкиной полностью разделял С. Б. Окунь, автор монографии о М. С. Луние. Он отмечал, что этот замысел декабриста, «как и все последующие, не имеет ничего общего с идеей дворцового переворота и, более того, является полной его противоположностью»²³².

Промежуточную позицию в этом споре историков занял В. В. Пугачев. В целом не соглашаясь с выводами М. В. Нечкиной, он принимал точку зрения Ю. Г. Оксмана, но, как он выражался, с «некоторыми коррективами». В. В. Пугачев допускал, что разница между лунинским проектом цареубийства и переворотами XVIII в. существует: «В отличие от последних, – пишет он, – Союз спасения боролся за социальное преобразование, за уничтожение феодально-крепостнического строя. Их программы принципиально различны». Но вместе с тем историк доказывал, что «Союз спасения придерживался тактики “дворцового переворота”, но она понималась не одинаково разными членами тайного общества. Одни из них (прежде всего, М. С. Лунин) выдвигали на первый план террористический акт против царя. Другие (прежде всего, Пестель), считали цареубийство преждевременным»²³³.

С. С. Ланда, исследуя организационную структуру и тактику действия первых тайных обществ, отмечал, что «будущий декабрист сталкивался главным образом с традициями дворцового переворота, лишённого радикальной политической программы и каких-либо определенных организационных форм и тактических установок. Поэтому вряд ли будет справедливо рассматривать сложные конспиративные системы... как свидетельства еще не изжитых форм заговора»²³⁴.

Таким образом, можно констатировать, что в исследовательской литературе не существует единства мнений по поводу программы, тактики, а также структуры ранних декабристских организаций, не исключая вопроса о степени влияния на них примера дворцовых переворотов XVIII в.

²²⁸ Дружинин Н. М. Декабрист Никита Муравьев // Дружинин Н. М. Избранные труды: Революционное движение в России в XIX в. М., 1985. С. 73.

²²⁹ Оксман Ю. Г. Воспоминания П. А. Катенина о Пушкине // Оксман Ю. Г., Пугачев В. В. Пушкин, декабристы и Чаадаев. Саратов, 1999. С. 26.

²³⁰ Эйдельман Н. Я. Лунин. М., 1970. С. 42–43; *Его же*. Из предыстории декабризма. С. 25–26.

²³¹ Нечкина М. В. Движение декабристов. М., 1955. Т. I. С. 154.

²³² Окунь С. Б. Декабрист М. С. Лунин. Л., 1985. С. 25.

²³³ Пугачев В. В. Эволюция общественно-политических взглядов Пушкина. Горький, 1967. С. 86–87.

²³⁴ Ланда С. С. «Дух революционных преобразований...». Из истории оформления идеологии и политической организации декабристов 1816–1825. М., 1975. С. 292.

Сами декабристы в своих сочинениях пишут о том, что они не одобряли, а наоборот, отрицали тактику и организационные формы заговора. Так, Н. И. Тургенев убеждал читателей своей книги «Россия и русские»: «Ошибочно было бы предполагать, что участники тайных собраний занимались исключительно составлением заговоров: об этом вовсе не было речи. Если кто-либо из участников и помышлял о заговоре, то вскоре он убеждался, что таковой в принципе невозможен»²³⁵. М. С. Лунин в своих «Письмах из Сибири» прямо утверждал: «Я не участвовал ни в мятежах, свойственных толпе, ни в заговорах, приличных рабам»²³⁶. Аргументация Лунина безупречна, в своей работе «Разбор Донесения Следственной комиссии государю императору в 1826 г.» он пишет: «Достаточно, кажется, заметить, что заговор не длится десять лет сряду; что заговорщики не занимаются сочинением книг, дабы действовать словами и восторжествовать убеждением; что им не приходит на мысль испрашивать согласия у власти, которую намереваются ниспровергнуть; наконец, что заговорщики не остаются неподвижно каждый на своем месте, когда наполняются темницы и начались истязания. История всех времен и народов не представляет сему примера»²³⁷. В соответствии с этим Лунин отрицал вообще наличие замыслов царевубийства в тайных обществах: «Тайный союз, – писал он, – не мог ни одобрять, ни желать покушений на царствующие лица, ибо таковые предприятия даже под руководством преемников престола не приносят у нас никакой пользы и несовместимы с началами, которые Союз огласил, и в которых заключалось все его могущество»²³⁸.

Декабристу А. Е. Розену также было обидно, что в докладе Следственной комиссии его товарищи были изображены только как царевубийцы. В письме к Е. П. Оболенскому в 1861 г. он писал: «Грустное чувство возбудило во мне чтение доклада и самая характеристика виновности каждого... как будто все эти лица запечатлены характерами Палена, Орлова и их сообщников, исторически известных»²³⁹. А. В. Поджио доказывал, что «то были действительные убийцы, убийцы прославленные, за ними был легкий, жалкий успех». «Нет, они нам не пример», – восклицал декабрист²⁴⁰.

И всё же, как мы считаем, не следует слишком доверять этим высказываниям. Декабристы создавали свои произведения об истории своего движения с вполне определенной целью: оправдать себя и своих соратников, показать, что они исповедовали светлые идеи и старались осуществить их. Конечно, программа тайных обществ была достаточно широкой и не ограничивалась лишь целями замены монархов на престоле или смены форм властвования, но также нельзя отрицать и наличия у них планов уничтожения императора.

Обсуждая проекты истребления монарха, члены тайных обществ не могли не касаться истории дворцовых переворотов и не рассматривать возможность использования заговорщической тактики. Это подтверждается, например, свидетельством М. А. Фонвизина, который, говоря о собраниях тайного союза, писал: «На этих вечерах молодые люди позволяли себе иногда нескромные и легкомысленные выходки против правительства. Припоминая случаи русской истории, что императоры не раз умирали насильственной смертью (Петр III и Павел I), называли такие примеры радикальными средствами преобразования России, если только уметь ими воспользоваться»²⁴¹. Действительно, «предшествовавшие насильственные перевороты в русском правительстве, произведенные с такою удачею и при таких ограниченных сред-

²³⁵ Тургенев Н. И. Россия и русские. С. 56.

²³⁶ Лунин М. С. Указ. соч. С. 6.

²³⁷ Там же. С. 74.

²³⁸ Там же. С. 71.

²³⁹ Розен А. Е. Записки декабриста. Иркутск, 1984. С. 202.

²⁴⁰ Поджио А. В. Записки. Письма. С. 112.

²⁴¹ Фонвизин М. А. Указ. соч. Т. II. С. 189.

ствах»²⁴², как отмечал Фонвизин, вполне могли натолкнуть на мысль воспользоваться опытом дворцовых заговоров.

Именно в этом ключе, как представляется, и надо рассматривать предложение М. С. Лунина организовать убийство императора Александра I в 1816 г. По свидетельству П. И. Пестеля, Лунин, во время одного из разговоров о тайном обществе, при нем и Никите Муравьеве говорил «о совершении цареубийства на Царскосельской дороге... партией в масках» (IV, 179).

На основании этого показания очень трудно судить о том, какое влияние оказал на Лунина опыт заговоров XVIII в. По форме план Лунина напоминает дворцовый переворот: группа самых решительных членов общества убивает Александра I по дороге из Царского Села в Петербург, престол переходит к другому монарху, а убийцы скрываются. Но, как справедливо заметил Н. Я. Эйдельман, «чисто внешняя, непосредственная цель – захват власти, столицы <я бы добавил, монарха. – Д. А.> совпадает и в дворцовом, и в революционном перевороте»²⁴³. Однако отличие дворцового переворота от революционного для декабристов было очевидно. Первый подразумевал простую смену лиц на троне и в правящей элите, а сущность правления оставалась прежней, второй же означал коренную перестройку всей структуры власти, которая должна опираться на закон – конституцию.

Пестель отверг предложение Лунина, потому что «слишком еще отдаленным считал время начатия революции и необходимым находил приуготовить наперед план конституции и даже написать большую часть уставов и постановлений, дабы с открытием революции новый порядок мог сейчас быть введен сполна» (IV, 179). Пестель вполне ясно представлял себе на тот момент сущность будущей революции, но как начинать ее и как проводить, об этом у него еще не было понятия.

Лунин, как это подмечено еще С. Б. Окунем, не предлагал немедленного исполнения своего замысла²⁴⁴. Пестель в своих показаниях дважды подчеркнул, что его сподвижник считал возможным осуществление своего проекта лишь в том случае, «когда время придет к действию приступить» (IV, 159; 179). Сам автор плана на следствии признавался, что «рассуждая о насильственных мерах вообще, к коим крайность могла бы принудить в случае неудачного открытия явных действий... упомянул о средстве нападения на Царскосельской или другой какой-либо дороге» (III, 126).

Ясно, что здесь подразумевается выступление тайного общества против правительства («открытие явных действий»), которое может быть сопровождено «насильственными мерами». Пестель вспоминал, что «первоначальное намерение общества было освобождение крестьян, способ достижения сего – убедить дворянство сему содействовать, и от всего сословия нижайше об оном простить императора» (IV, 80). Примечательно, что в этих показаниях вместо слова «убедить» Пестель сперва записал «заставить всё».

Таким образом, в Союзе спасения, по всей видимости, существовал определенный план: составить петицию от всего дворянства с требованием – «просьбой» освободить крестьян и предъявить ее царю. Учитывая, что цель освобождение крестьян была неразрывно связана с другой целью тайного общества – введением конституционного правления, можно предположить, что и этой цели намерены были добиться подобным же образом, т. е. составить и передать Александру I требование об ограничении самодержавия.

Пестель пишет, что «первоначальная мысль о сем была кратковременна; ибо скоро получили мы убеждение, что нельзя будет к тому дворянство склонить» (IV, 101). Еще меньше уверенности было, что император примет эти требования и благосклонно к ним отнесется.

²⁴² Там же. С. 124.

²⁴³ Эйдельман Н. Я. Грань веков. С. 468.

²⁴⁴ Окунь С. Б. Декабрист М. С. Лунин. С. 26.

Возможно, Лунин, рассуждая, что если вдруг Александр I отвергнет условия авторов петиции, которые ему будут представлены от лица всего дворянства, т. е. в случае провала открытого выступления тайного общества, приходит к мысли убить царя и тем самым спасти организацию и ее дело.

Таким образом, Лунин не отрицал ни самой идеи, ни целей революции, как ее понимали Пестель и другие члены общества. Пестель отмечал, что его возражение Лунину побудило последнего сказать «с насмешкою, что я предлагаю наперед Энциклопедию написать, а потом и к революции приступить» (IV, 179). Пестель, останавливая Лунина, убеждал его, что для успешности выполнения его плана необходимо сначала подготовить те требования, которые нужно будет предъявить новому монарху, и лучше всего заготовить уже саму конституцию. Лунин, видимо, это считал не столь важным, для него главное начать и утвердить сам принцип ограничения самодержавия в государстве, а дальше можно будет уже легальными методами влиять на ход событий и добиваться осуществления всех целей общества. Об этом же Лунин напишет в 1840 г. в статье «Взгляд на польские дела...», имея в виду польскую конституцию, дарованную Александром I: «Конституция давала законные средства протестовать против незаконности [антиконституционных] актов, в то же время подчиняясь им. Такой способ действий, пассивный, но действенный, был бы достаточен, чтобы доказать существование прав, а затем и заставить их уважать, дав им двойную опору – принципа и прецедента»²⁴⁵.

Для Лунина важно было утвердить сам принцип конституционного строя в России, а потом его уже дорабатывать. Пестель же хотел сначала всё приготовить, а потом внедрять заготовленное в жизнь, чтобы иметь гарантии, что всё пойдет по задуманному плану. Б. Е. Сыроечковский справедливо заметил по этому поводу: «В таком единовременном декретировании новых отношений, возможность которого у него не возбуждала сомнений, Пестель видел гарантию от тех “беспорядков”, “междоусобий” и “ужасных происшествий”, которые смущали его во французской революции. Позднейшей “мысли” о необходимости длительного срока для перехода к новым порядкам и о сосредоточении на этот период власти в руках временного правления», – он, по его словам, «еще не имел»²⁴⁶.

Итак, внешне план Лунина напоминал обычный дворцовый переворот, но важна суть его замысла: после смерти императора его преемник должен будет ввести конституцию, и его власть будет ограничена. В этом отличие и в этом революционность предложения Лунина.

Лунин, выбирая способ осуществления целей тайного общества, исходил из условий, в которых оно находилось. В 1816 г. в Союзе спасения было всего около трех десятков человек, и рассчитывать на открытое выступление, тем более на восстание, не приходилось. Наличными силами можно было организовать нападение и убийство царя. К тому же примером из недавнего прошлого была ночь с 11 на 12 марта 1801 г., когда успешно осуществленный заговор ускорил замену одного монарха другим. Поэтому нет ничего удивительного в том, что план Лунина очень напоминал дворцовый переворот, который легко было подготовить и осуществить силами тайного общества, но цели этого переворота были совсем другие, они связывались с ограничением самодержавия.

По всей видимости, предлагая свой план, Лунин учитывал и следующее обстоятельство: после смерти Александра I ему наследует его брат Константин Павлович, и, вероятно, декабрист считал, что цесаревича легко можно будет заставить принять конституцию. Служа в Кавалергардском полку, шефом которого был Константин, Лунин мог узнать великого князя достаточно близко. Есть версия, что будущий революционер не побоялся принять вызов на дуэль, которую наследник российского престола предложил офицерам полка²⁴⁷.

²⁴⁵ Лушин М. С. Указ. соч. С. 119.

²⁴⁶ Сыроечковский Б. Е. Из истории движения декабристов. М., 1969. С. 167.

²⁴⁷ Окунь С. Б. Декабрист М. С. Лунин. С. 14–17.

Примечательно, что Лунин предлагал партии цареубийц надеть маски, т. е. он хотел остаться неузнанным сам, и чтобы никого из членов общества не узнали. По-видимому, он справедливо считал, что брат убитого царя не станет разговаривать с заговорщиками, тем более о введении конституционного строя.

Современные исследователи М. П. Одесский и Д. М. Фельдман отмечают: «Маски – деталь весьма важная. Не уголовной ответственности боялись заговорщики, а компрометации»²⁴⁸. Это заключение оспорил в своих работах В. С. Парсамов. Он считает, что «значение масок в данном случае не функциональное, а символическое. Вместе с кинжалом они образуют атрибуты трагедии. Вызываясь на цареубийство, Лунин мыслит себя героем великой трагедии, в которой ему предстоит сыграть роль тираноборца, а Александру I отводится роль тирана»²⁴⁹.

М. П. Одесский и Д. М. Фельдман никак не связывают план Лунина с тираноборчеством. Действительно, для тираноборческого акта в нем много несообразностей. Во-первых, он не соответствовал классическому ритуалу, по которому убийце следовало оставаться на месте и принять заслуженную кару. По плану Лунина, участники покушения должны были исчезнуть. Во-вторых, тираноборцу незачем скрывать свое лицо, ведь он освободитель отечества – герой. В-третьих, Александр I очень мало вязался с образом тирана. В-четвертых, место покушения – дорога – придавало цареубийству скорее характер разбойного нападения, чем тираноборческого акта. И последнее, Лунин прямо связывал свое предложение с задачами тайной организации, не предлагая немедленного действия, тираноборец же себе этого позволить не мог, так как откладывать убийство тирана означало усугублять страдания народа.

Но значило ли всё это, что Лунин не мыслил себя тираноборцем? Думается, что нет. По воспоминаниям Н. Н. Муравьева, воевавшего вместе с ним на полях Отечественной войны 1812 г., Лунин однажды прочел своему другу «заготовленное им к главнокомандующему письмо, в котором, изъявляя желание принести себя на жертву отечеству, просил, чтобы его послали парламентаром к Наполеону с тем, чтобы, подавая бумаги императору французов, всадить ему в бок кинжал. Он, – пишет мемуарист, – даже показал мне кривой кинжал, который у него на этот предмет хранился под изголовьем. Лунин точно бы сделал это, если б его послали, но, думаю, не из любви к отечеству, а с целью приобрести историческую известность»²⁵⁰.

Комментируя этот отрывок, М. П. Одесский и Д. М. Фельдман пишут: «Удар кинжалом, когда его наносит парламентар, – типичное вероломство. Но Муравьев отнюдь не осуждает боевого товарища. Наполеон – узурпатор, тиран, потому кинжал и самоотвержение Лунина уместны. Противореча одному кодексу – воинской чести, будущий декабрист действовал бы в полном согласии с другим, тираноборческим»²⁵¹.

Свидетельство Н. Н. Муравьева указывает именно на тираноборческий характер предполагаемого покушения. Во-первых, кинжал – обязательный атрибут тираноборца; во-вторых, налицо желание принести себя в жертву; в-третьих, именно любовь к отечеству и стремление войти в историю определяют помыслы монархомаха.

С. Б. Окунь утверждал: «Лунинский проект покушения на жизнь Александра по своим исходным моментам ничего не имел общего и с теми планами убийства Наполеона, которые вынашивались им же в начале войны 1812 года»²⁵². Мы полагаем, что между ними все-таки было много общего. Пестель в своем показании о плане покушения на Царскосельской дороге

²⁴⁸ Одесский М. П., Фельдман Д. М. Поэтика террора и новая административная ментальность: очерки истории формирования. М., 1997. С. 113.

²⁴⁹ Парсамов В. С. Декабристы и французский либерализм. С. 164; *Его же*. Семиотика террора (размышления над книгой М. П. Одесского и Д. М. Фельдмана «Поэтика террора». М., 1997) // Освободительное движение в России. Саратов, 2001. Вып. 19. С. 119.

²⁵⁰ Муравьев Н. Н. Записки // Русский архив. 1885. № 10. С. 227–228.

²⁵¹ Одесский М. П., Фельдман Д. М. Поэтика террора. С. 104.

²⁵² Окунь С. Б. Декабрист М. С. Лунин. С. 25–26.

ничего не говорит о кинжалах в руках партии цареубийц, но значит ли это, что их не было? Ему запомнилась другая деталь – маски на лицах. Видимо, наличие кинжала как естественного и неперменного атрибута покушения на царя-тирана его не удивило, а вот маски были необычны в данном случае, они действительно вносили некий театрализованный элемент в план Лунина. Возможно, именно поэтому его предложению и не придали тогда большого значения.

Известно, что Лунин искал способ прославиться: его проделки во время службы в гвардии, его бретёрство, намерение отправиться в Южную Америку в армию Симона Боливара, чтобы сражаться за независимость этого континента, или написать книгу о Лжедмитрии²⁵³ доказывают это. Участие в тайном обществе и вызов на цареубийство давали такую возможность²⁵⁴. Предлагая свои «решительные меры»²⁵⁵, Лунин, несомненно, видел себя тираноборцем, героем трагедии, местом действия которой, как указал В. С. Парсамов, «является авансцена Истории»²⁵⁶.

Но истребление тирана, по мнению Лунина, было мерой недостаточной. Он соотносил свои планы с целями тайного общества, и идея ограничения самодержавия не была ему чужда. Императора Александра I необходимо было убить не только потому, что он как царь-самодержец являлся потенциальным тираном²⁵⁷, – его смерть открывала путь к введению в России конституционного правления.

Планируя политическое действие, Лунин исходил из реальных возможностей тайного общества и соотносил их с теми задачами, которые им были поставлены. Для их решения подходила традиционная тактика заговора, которая не исключала использования тираноборческой модели для оправдания цареубийства.

Несмотря на то, что идея Лунина первоначально не нашла поддержки членов тайного общества, несомненно, она повлияла на некоторых из них, – и прежде всего на Пестеля.

Встреча в 1817 г. с П. А. Паленом, главой заговора против Павла I, убедила Пестеля в эффективности методов, которые предлагал Лунин²⁵⁸. М. П. Бестужев-Рюмин показывал на следствии: «Издавна Пестель был того мнения, что политический переворот в России должен... начаться заговором, приведенным в исполнение шайкой отважных людей...» (IV, 137). Сам Пестель признавался, что «ежели таковая партия была составлена из отважных людей вне [тайного] общества, то сие бы еще полезнее было, и точно разделял при этом действие революции на заговор и переворот или собственно революцию» (IV, 179–180).

Тактика, предлагаемая Пестелем, таким образом, усложнилась. Организовать заговор – убийство монарха необходимо. Это если и не принесет желаемых результатов, зато создаст ситуацию, удобную для захвата власти. Переворот, непосредственный захват власти, в данном случае был возможен или при наличии сильного и многочисленного тайного общества,

²⁵³ См.: Эйдельман Н. Я. Лунин. М., 1970.

²⁵⁴ См.: Лотман Ю. М. Беседы о русской культуре. (Быт и традиции русского дворянства XVIII – начала XIX века). СПб., 1994. С. 185–186, 338, 340.

²⁵⁵ Пушкин А. С. X глава «Евгения Онегина» // Пушкин А. С. Полн. собр. соч. Т. VI. С. 524.

²⁵⁶ Парсамов В. С. Декабристы и французский либерализм. С. 164.

²⁵⁷ Кроме того, хотя император Александр I и считался «хорошим царем», его правление было еще опаснее для принципов свободы, так как он собой воплощал идею благотворности самодержавия (Там же С. 164–165). В обществе было распространено его сравнение с римским императором Титом, прославившемся кротостью и справедливостью (Цявловский М. А. Статьи о Пушкине. М., 1962. С. 47–58). Как известно, Тита сменил Нерон, ставший олицетворением тирании. В этом смысле становится понятна стихотворная запись А. С. Пушкина к портрету А. А. Дельвига: «Се самый Дельвиг тот, что нам всегда твердил, // Что коль судьбой ему даны б Нерон и Тит, // То не в Нерона меч, но в Тита сей вонзил – // Нерон же без него правдиву смерть узрит»; ср. восклицание А. Ф. Бригена в письме А. И. Михайловскому-Данилевскому от 17 сентября 1816 г.: «О, как род человеческий подл. Эта мысль вызывает иногда у меня отвращение к занятию историей, когда за одним Титом видишь сто Неронов, повсюду торжествует порок, а добродетель поправа» (Бриген А. Ф. Письма. Исторические сочинения. Иркутск, 1986. С. 89).

²⁵⁸ См.: Лорер Н. И. Записки декабриста. С. 69; Эйдельман Н. Я. Из предыстории декабризма. С. 23–24.

имеющего своих представителей в государственных структурах, или при поддержке армии. С последним пунктом была связана идея «военной революции».

Эта идея была широко распространена среди членов тайного общества. Она возникла в 1820 г. под влиянием успеха европейских революций такого типа²⁵⁹. Однако, как заметил В. В. Пугачев, «военная революция неодинаково понималась разными декабристами». Например, М. Ф. Орлов мыслил ее как «генеральский переворот», произведенный популярным военачальником при поддержке тайного общества²⁶⁰. С. И. Муравьев-Апостол и М. П. Бестужев-Рюмин предполагали, что удастся «двинуться с одной значительной массой» войск, увлечь за собой всю армию, а затем, не встречая сопротивления, подойти к столице и продиктовать свою волю²⁶¹ (XI, 177). К. Ф. Рылеев, по свидетельству Д. И. Завалишина, считал, что переворот «должен быть сделан гражданским состоянием» (III, 371) при поддержке военных частей²⁶². Н. И. Тургенев мыслил «военную революцию» как восстание войска, руководимого тайным обществом. П. И. Пестель был убежден, что переворот надлежало начинать в Санкт-Петербурге убийством императора, заговором против правительства, опираясь на гвардию; армия выполняла вспомогательную роль (IV, 102–103).

Идея «военной революции», таким образом, потеснила концепцию заговора в тактических планах многих декабристов. Элемент заговора остался лишь в проектах П. И. Пестеля.

Н. И. Тургенев позднее в своей «оправдательной записке», рассуждая о связи революций в Испании и Италии с восстанием 1825 г. в Петербурге и во 2-й армии, писал: «Неудивительно, что эти события (европейские революции – Д. А.) нашли отклик в русской армии, не стоит удивляться и тому, что они встретили там известное сочувствие... сие сочувствие определенным образом изменило взгляды русских на революцию. Ранее в России известны были лишь дворцовые перевороты, теперь же русские, похоже, стали отдавать предпочтение переворотам, производимым средь бела дня»²⁶³.

Здесь Н. И. Тургенев доказывает, что только опыт европейских событий 1820-х гг. убедил декабристов воспользоваться тактикой испанских, итальянских, португальских и греческих революционеров. Их тактика противопоставлялась тактике русских заговорщиков XVIII в.

Но всё же нельзя отрицать факта влияния традиции дворцовых переворотов на восприятие декабристами идеи «военной революции», и не только в случае с П. И. Пестелем.

Так, Д. И. Завалишин в своих воспоминаниях писал, что декабристы, исследуя «происхождение разных правительств в России», видели «целый ряд революций, и притом при полном безучастии народа, и совершаемых большею частью военною силою, как было при воцарении на престол Екатерины I-ой, при свержении Бирона, регентши и Петра III. Все эти примеры показывали, что вся Россия повиновалась тому, что совершала военная сила в Петербурге, и признавала это законным – и потому несправедливо, во-первых, чтобы военные революции в Испании, Португалии и Италии определяли характер тех средств, которыми тайные общества

²⁵⁹ *Тарле Е. В.* Военная революция на Западе и декабристы // 100-летие восстания декабристов. Сборник статей и документов журнала «Каторга и ссылка». М., 1927. С. 113–124; *Минаева Н. В.* Отражение опыта европейских революций 20-х гг. XIX века в теории и практике декабристов // Ученые записки Московского педагогического института им. В. И. Ленина. М., 1967. Вып. 286. С. 45–65; *Орлик О. В.* Декабристы и европейское освободительное движение. М., 1975. С. 45–81.

²⁶⁰ *Пугачев В. В.* О специфике декабристской революционности (некоторые спорные вопросы) // Освободительное движение в России. Саратов, 1971. Вып. 1. С. 28.

²⁶¹ *Порох И. В.* Восстание Черниговского полка // Очерки из истории движения декабристов. Сб. статей. М., 1954. С. 132–133; *Его же.* О так называемом «кризисе Южного общества декабристов» // Ученые записки Саратовского государственного университета. Харьков, 1956. Т. 47. С. 114–128; *Эйдельман Н. Я.* Апостол Сергей. Повесть о Сергее Муравьеве-Апостоле. М., 1975. С. 145; *Киянская О. И.* Южный бунт. Восстание Черниговского пехотного полка (29 декабря 1825–3 января 1826). М., 1997. С. 26–30.

²⁶² *Лебедев Н. М.* «Отрасль» Рылеева в Северном обществе декабристов // Очерки из истории движения декабристов. С. 352–353.

²⁶³ *Тургенев Н. И.* Россия и русские. С. 127.

в России намерены были совершить переворот, – во-вторых, чтобы крайние средства были заимствованы из европейских революционных идей, а не из своей собственной истории»²⁶⁴.

В «военной революции» декабристов привлекала возможность проведения переворота без участия народных масс, что позволило бы избежать кровопролития. Это подтверждается словами М. П. Бестужева-Рюмина, который, говоря о революции в России, полагал, что «она не будет стоить ни одной капли крови, ибо произведется одною армиею, без участия народа...»²⁶⁵.

Но и в дворцовых революциях XVIII в. народ не участвовал, и не всегда они носили кровавый характер. А. Ф. Бриген отмечал, что свергнуть с трона Петра III «удалось без малейшего кровопролития, чем этот *coup d'état* и отличается от всех прочих, произведенных когда-либо во дворцах, теремах и на площадях...»²⁶⁶ Конечно, Бригену было известно, что на восьмой день после отречения император Петр III был задушен, но «кровь, – саркастически замечает он, – все-таки не была пролита!»²⁶⁷

Заговор, направленный на устранение первого лица в государстве, позволяет свести до минимума число жертв при захвате власти, что было очень важно для декабристов, стремившихся не допустить в России разгула убийств, как во времена Французской революции.

Накануне 14 декабря 1825 г. споры о форме переворота были очень актуальными, предлагались и рассматривались различные варианты. В общем, набор альтернатив был не так уж велик. Их можно выделить три: народное восстание, заговор или военная революция.

Под народным восстанием подразумевался переворот с опорой на городскую «чернь». А. И. Якубович предлагал «разбить кабаки, позволить солдатам и черни грабеж, потом вынести из какой-либо церкви хоругви и идти ко дворцу» (I, 188), а Г. С. Батеньков, по свидетельству С. П. Трубецкого, говорил тогда: «Надобно и в барабан приударить, потому что это сбереет народ»²⁶⁸ (I, 66). Но такой способ был очень опасен. В. И. Штейнгейль доказывал К. Ф. Рылеву, что «в России революция в республиканском духе еще невозможна; она повлекла бы за собою ужасы. В одной Москве из 250000 тогдашних жителей 90000 было крепостных людей, готовых взяться за ножи и пуститься на все неистовства». Поэтому он советовал «прибегнуть к революции дворцовой и провозгласить императрицею Елизавету»²⁶⁹, жену Александра I. Это свидетельство подтверждается показаниями П. Г. Каховского: «Предполагалось, – пишет он, – в первых днях по известии о кончине императора, если цесаревич откажется от престола, или если здесь успеют, то истребить царствующую фамилию в Москве в день коронации; сие тоже говорил Рылеев, а барон Штейнгейль сказал: “Лучше пред тем захватить их всех, у всенощной в церкви Спаса за Золотой решеткой”. Рылеев подхватил: “Славно! Опять народ закричит: «Любо! Любо!» В Петербурге все перевороты происходили тайно, ночью”» (I, 376).

Таким образом, незадолго до решающих событий декабристы рассматривали заговор как вполне действенный вариант захвата власти, но, как известно, ими была предпринята попытка совершить переворот силами гвардейских частей.

Неприятие бунта «черни» объяснялось декабристами нежеланием «употреблять низкие средства» (I, 270). Отрицание тактики заговора было обусловлено, собственно, тем же. Дворцовым переворотам, «совершенным во мраке», противопоставлялось открытое выступление тайного общества. М. С. Лунин писал: «Воцарение императора Николая, напротив, ознаменовалось событием, носящим характер публичного протеста против произвола»²⁷⁰. Это проти-

²⁶⁴ Завалишин Д. И. Указ. соч. С. 123.

²⁶⁵ См.: Горбачевский И. И. Записки. Письма. М., 1963. С. 23.

²⁶⁶ Бриген А. Ф. Происхождение Павла // Бриген А. Ф. Письма. Исторические сочинения. С. 449.

²⁶⁷ Там же.

²⁶⁸ Ср.: Рассказы о К. Ф. Рылееве рассыльного «Полярной звезды» // Писатели-декабристы в воспоминаниях современников. М., 1980. Т. II. С. 54.

²⁶⁹ Штейнгейль В. И. Сочинения и письма. Иркутск, 1985. Т. 1. С. 151.

²⁷⁰ Лунин М. С. Указ. соч. С. 137.

вопоставление было чисто внешним: осуществление заговора происходит тайно, действие же декабристов – явное. Н. И. Тургенев писал об этом: «Впервые в этой стране люди, задавшись целью насильственным путем изменить существующий строй, не напали под покровом ночи на государя, а открыто подняли знамя восстания. Очевидно, что в 1825 г. восставшие хотели отступить от старых русских традиций; сам факт восстания является тому доказательством: оно вспыхнуло среди бела дня...»²⁷¹

Противопоставляя русскую традицию дворцовых переворотов восстанию 14 декабря 1825 г., Н. И. Тургенев, М. С. Лунин, К. Ф. Рылеев осмысливают это противопоставление в бинарной оппозиции ночи и дня. То, что совершено ночью, скрытно – неприемлемо, а то, что сделано днем – благородно, возвышенно и более всего соответствует природе декабристского движения. Ночь – время заговорщиков прошлого столетия, революционеры новой эпохи действуют в светлое время суток. Этим подчеркивается их основное различие: темные, своекорыстные интересы первых и светлые мотивы вторых.

«Организаторы восстания, – писал Н. И. Тургенев, – конечно, знали, на что шли; потерпев неудачу, они могли упрекать в ней только себя и сами несли ответственность за свой замысел. Если бы человеческое правосудие покарало их на законном основании, никто не стал бы протестовать; быть может, сами жертвы, даже перед угрозой эшафота, не стали бы сожалеть, что предпочли восстание средствам борьбы, применявшимся ранее, хотя в прежние времена цареубийцы за свое преступление получали в награду и богатства, и почести»²⁷².

В этом отрывке явно прослеживается стремление Тургенева использовать тираноборческую модель для оправдания восстания декабристов. Восставшие у него – жертвы, которым предстоит взойти на эшафот и умереть за свое преступление. Судить их должны, опираясь на закон, который они нарушили, дабы «человеческое правосудие» восторжествовало. На этом основании заговорщикам XVIII в. было отказано в праве именоваться тираноборцами, так как они не понесли никакого наказания, а получили награды и почести. Отсюда и негативное отношение к дворцовому заговору, как факту русской истории, которому противостоит восстание 14 декабря 1825 г.

У В. И. Штейнгейля это выражено еще более отчетливо: «В окраины царствования Александра стали вечными терминами – ненаказанность допущенного гнусного цареубийства и беспощадная кара вынужденного, благородного восстания – явного и с полным самоотвержением»²⁷³.

Таким образом, противопоставление в сочинениях декабристов заговора тираноборческому акту, к которому приравнивалось и восстание декабристов, выразилось в следующем: 1) заговор совершается тайно, ночью, тогда как восстание и убийство тирана днем, явно; 2) заговорщики не несут наказания, тираноборец же обязательно должен погибнуть – он жертвует своей жизнью; 3) восставшие, как и тираноборец, стремятся установить закон, заговорщики же его нарушают; 4) цели и мотивы заговорщиков – своекорыстные, отвратительные; тираноборцев, наоборот, – благородные.

Итак, подводя итог, необходимо отметить: заговор как форма политической борьбы был приемлем и для декабристов. Практика дворцовых переворотов подсказывала наиболее эффективные способы захвата власти, не прибегая к помощи народа, что позволяло избежать большого кровопролития. Элемент заговора сохранялся и в теории «военной революции», как ее восприняли декабристы. Незаконность вступления на престол почти каждого монарха из династии Романовых, нелегитимность их власти служили оправданием для декабристов, стремящихся произвести государственный переворот. В то же время монархические цели заговор-

²⁷¹ Тургенев Н. И. Россия и русские. С. 110.

²⁷² Тургенев Н. И. Россия и русские. С. 110.

²⁷³ Штейнгейль В. И. Указ. соч. С. 159.

щиков XVIII столетия безоговорочно отрицались, им были противопоставлены конституционные идеи декабристского движения. Противопоставление производилось в форме антитезы: заговор – тираноборчество, и если заговорщикам прошлого было отказано в праве именоваться тираноборцами, то восстание декабристов приравнивалось к тираноборческому акту. Тираноборческая модель политического действия использовалась М. С. Луниным в его плане заговора (покушения на императора), но вместе с тем он определенно связывал свое намерение с целями и задачами тайного общества.

Декабризм и Речь Посполитая

М. М. Сафонов

Название этой статьи не может не вызвать удивления. Когда существовала Речь Посполитая, никакого декабризма еще не было. Когда же возник декабризм, Речи Посполитой уже не было. Но эти два предмета связаны между собой теснейшим образом. Многообразное влияние польской культуры на Россию проявилось, в частности, и в том, что Речь Посполитая самым фактом своего исторического существования явилась одним из тех факторов, которые породили декабризм. Как это ни покажется парадоксальным на первый взгляд, но декабризм возник прежде всего для того, чтобы не дать возможности только что созданному Королевству Польскому вновь стать Речью Посполитой.

Официальной датой образования первого декабристского общества – Союза спасения – считается 9 февраля 1816 г. Ее назвал один из основателей тайного общества С. П. Трубецкой на первом же допросе в Следственном комитете по делу декабристов²⁷⁴. Четверть века спустя он повторил ее в своих «Записках»²⁷⁵. Трубецкой был единственным человеком, который назвал месяц и число – точную дату, когда образовалось тайное общество. Поскольку все декабристские юбилеи отсчитывались от известных событий на Сенатской площади 14 декабря 1825 г., никто никогда не придавал точной дате образования Союза спасения серьезного значения. Хотя тот факт, что Трубецкой десять лет спустя мог назвать дату с точностью до дня, не может не привлечь к себе пристального внимания и требует объяснения. Очевидно, один из основателей декабристской конспирации запомнил точную дату потому, что в этот день произошло что-то очень важное. И оно было связано с образованием тайного общества. Как это ни покажется странным, но ни один ученый не задавался вопросом, что же такого произошло в этот день. Между тем, это «что-то» служит ключом для понимания того, что побудило офицеров гвардии, принадлежавших, что называется, к сливкам общества, создать тайное общество и назвать его Союзом спасения. Кого и от чего юные гвардейцы, прошедшие горнило наполеоновских войн, собирались спасти?

Оказывается, событие, послужившее толчком к образованию декабристской конспирации, имело непосредственное отношение к Царству Польскому. Точнее говоря, оно явилось важным моментом в истории сложных русско-польских отношений.

8 февраля 1816 г. Александр I подписал указ, который в Полном собрании законов обозначен так: «Об определении в Виленской губернии и в других губерниях исправников и заседателей земских судов по выбору дворянства»²⁷⁶. На первый взгляд, этот указ – одно из рутинных распоряжений правительства, ничего важного в себе не заключающих. Однако это далеко не так. Новый закон очень больно бил по интересам русского дворянства и мог быть воспринят чуть ли не как предательство национальных интересов России. В указе речь шла о русско-польских губерниях, присоединенных к России в результате разделов Польши. В 1802 г. там был установлен порядок, на основании которого на этих территориях со смешанным населением заседатели в земских судах и земские исправники должны были не выбираться дворянством этих губерний, как это предписывалось во всей империи «Учреждением об управлении губерний», а назначаться правительством. Понятно, что таковые назначения позволяли лучше отстаивать интересы российского населения. 8 февраля 1816 г. законодатель отменил этот порядок. Царь мотивировал это тем, что опыт показал: назначаемые правительством чиновники не

²⁷⁴ Восстание декабристов. Документы (далее: ВД). Т. I. М.; Л., 1925. С. 9.

²⁷⁵ Трубецкой С. П. Записки. Письма И. Н. Толстому. 1818–1823 гг. СПб., 2011. С. 52.

²⁷⁶ Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1-е. Т. XXXIII. СПб., 1830 (далее: ПСЗ, I). № 26 131.

знают местных особенностей и не могут успешно выполнять возложенные на них функции. На практике это означало, что суд и расправа в русско-польских губерниях передавалась в руки поляков. Численное превосходство польского дворянства на этих территориях гарантировало обеспечение, прежде всего, польских интересов.

Но могло ли это, пусть и значительное само по себе, событие повлечь образование декабристской конспирации? Чтобы ответить на этот вопрос необходимо рассмотреть этот указ через призму русско-польских отношений второго десятилетия XIX в.

Как известно, в противостоянии александровской России и наполеоновской Франции Польша являлась разменной картой, и вопрос о восстановлении польского государства делал ее картой козырной. После разгрома Наполеона по инициативе Александра I на Венском конгрессе из большей части Герцогства Варшавского, созданного французами, было образовано Королевство Польское, которое стало частью Российской империи и было накрепко связано с ней одной правящей династией. 21 апреля (3 мая) 1815 г. Россия подписала два трактата – один с Австрией²⁷⁷, другой с Пруссией²⁷⁸. Варшавское герцогство под именем Царства (Королевства) Польского навсегда объявлялось владением российского императора, принявшего титул царя (короля) польского, его наследников и преемников (*ses héritiers et successeurs*). 9 (21) мая 1815 г. манифест Александра I известил поляков о присоединении к России Герцогства Варшавского и создании Царства Польского²⁷⁹. 13 (25) мая об этом было объявлено полякам²⁸⁰. 28 мая (9 июня) 1815 г. был подписан заключительный генеральный акт Венского конгресса. 1-я статья акта буквально воспроизводила формулировки трактатов, заключенных Россией с Австрией и Пруссией относительно Царства Польского. В частности, здесь говорилось: “*Sa Majeste Imperiale se réserve de donner à cette Etat jouissant d’une administration distincte, l’extension intérieur qu’elle jugera convenable*”²⁸¹. В манифесте, объявившем российским подданным об акте Венского конгресса, это выражение было передано так: «Его императорское величество предполагает даровать по своему благоусмотрению внутреннее распространение сему государству, имеющему состоять под особым управлением»²⁸².

Выражение “*l’extension intérieur*”, то есть «внутреннее распространение», было неопределенно и двусмысленно. Можно было увидеть в нем расширение прав особого управления этой части России, то есть большей самостоятельности, или же обещание дальнейших территориальных приращений только что созданного государства. Но большинство современников увидели в этой фразе право императора и польского короля расширять территорию Королевства Польского за счет его собственных владений²⁸³.

Эта многообещающая фраза отражала стремление Александра I создать на западной границе России мощный форпост против западных государств. На это обстоятельство недвусмысленно указывал манифест 9 мая 1815 г., сообщивший россиянам о заключении договоров с Пруссией и Австрией о создании Польского царства. В манифесте объявлялось, что «сим ограждается пределов наших безопасность, возникает твердый оплот, наветы и вражеские искушения отражающий, возрождающий узы братства племен, взаимно между собой сопряженных единством происхождения»²⁸⁴. Да и сам Александр так объяснял это А. И. Михайловскому-Данилевскому: «Польское царство послужит нам авангардом во всех войнах, которые

²⁷⁷ Мартенс Ф. Ф. Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами. СПб., 1876. С. 319; ПСЗ, I, № 25824.

²⁷⁸ Мартенс Ф. Ф. Указ. соч. С. 336–337; ПСЗ, I, № 25827.

²⁷⁹ ПСЗ, I, № 25842.

²⁸⁰ Angeber. Le Congrès de Vienne et les traités 1815. T. III. Paris, 1864. P. 1224–1225.

²⁸¹ Мартенс Ф. Ф. Указ. соч. С. 237.

²⁸² ПСЗ, I, № 25863.

²⁸³ Польша и Россия в первой трети XIX века. Из истории автономного Королевства Польского. 1815–1830. М., 2010. С. 94.

²⁸⁴ ПСЗ, I, № 25 842.

мы можем иметь в Европе; сверх того, для нас есть еще та выгода, что давно присоединенные к России польские губернии, при могущей встретиться войне, не зашевелиятся, как то бывало прежде, и что опасности сей подвергнуты Пруссия, которая имеет Позень, и Австрия, у которой есть Галиция»²⁸⁵.

Но для того чтобы этот заслон стал эффективным, он должен был быть достаточно силен и жизнеспособен. Чтобы возрожденная Польша могла стать сильным государством, она должна была обладать достаточной для этого территорией, располагать значительными людскими ресурсами, иметь выход к морю и быть обеспеченной полезными ископаемыми. Поэтому Александр всерьез думал о воссоздании Речи Посполитой²⁸⁶. Это означало восстановление Великого княжества Литовского и возвращение Польше русско-польских губерний, отошедших в ходе разделов последней четверти XVIII в. Еще надо было склонить Австрию и Пруссию вернуть Польше отобранные у нее в ходе разделов территории. Но это грозило развалом Священного союза, которым царь весьма дорожил. Поэтому на первый план вставал вопрос о восстановлении Великого княжества Литовского и возвращении русско-польских губерний. Этого настоятельно требовала польская сторона. И царь не мог не реагировать на эти требования.

15 (27) ноября 1815 г. Александр I подписал написанную по-французски конституцию Царства Польского. В 1816 г. она была опубликована на французском языке и в польском переводе в Дневнике законов Царства Польского²⁸⁷. Российский самодержец Александр I стал конституционным польским королем.

Французская публикация конституции Царства Польского вызвала негодование у патриотично настроенных русских. «В последних пунктах этой конституции, – вспоминал И. Д. Якушкин, – было сказано, что никакая земля не могла быть отторгнута от Царства, но что по усмотрению и воле высшей власти могли быть присоединены к Польше земли, отторгнутые от России, из чего следовало заключить, что по воле императора часть России могла сделаться Польшей». В людях, готовых жертвовать собою для блага России, «все это посеяло ненависть к императору Александру»²⁸⁸. Однако ни в одном из пунктов конституционной хартии Польши об этом не упоминалось. Видимо, И. Д. Якушкин так растолковал генеральный акт Венского конгресса. Но едва ли следует сомневаться в том, что общее настроение вчерашних победителей Наполеона он передал верно.

По пути с Венского конгресса Александр I посетил Варшаву. Там был образован его новый двор как короля Польши, учрежден придворный штат, назначены его чины. Туда даже были доставлены придворные экипажи. После этого посещения они остались в Варшаве²⁸⁹. Это дало основание для подозрений, что император готовится к тому, чтобы перенести свою столицу в Варшаву. Любая похвала польским чиновникам, польскому дворянству, подчеркнутая любезность с польской знатью, особенно с дамской ее частью, что было продемонстрировано русским царем во время его визита в Варшаву во второй половине 1816 г., воспринимались в контексте дворянских опасений, окрашенных в патриотические тона.

В Петербурге и в Москве распространялись слухи о переносе столицы России в Варшаву. Впоследствии об этих нелепых слухах вспоминал И. Д. Якушкин. Они сводились к следующему: «Во-первых, что царь влюблен в Польшу, и это было всем известно; на Польшу, которой он только что дал конституцию и которую почитал несравненно образованнее России, он смотрел как на часть Европы: во-вторых, что он ненавидит Россию, и это было вероятно после

²⁸⁵ Шильдер Н. К. Император Александр Первый. Т. IV. СПб., 1898. С. 63–64.

²⁸⁶ Аскенази Ш. Царство Польское. 1815–1830. М., 1915. С. 25.

²⁸⁷ Конституционная хартия 1815 года и некоторые другие акты бывшего Царства Польского (1814–1881). СПб., 1907. С. 5, 64–108.

²⁸⁸ Якушкин И. Д. Записки, статьи, письма, документы. М., 1951. С. 16.

²⁸⁹ Шильдер Н. К. Император Александр Первый. Т. III. СПб., 1905. С. 176, 356.

всех его действий в России с 15-го года; в-третьих, что он намеревается отторгнуть некоторые земли от России и присоединить их к Польше, и это было вероятно; наконец, что он, ненавидя и презирая Россию, намерен перенести столицу свою в Варшаву. Это могло показаться невероятным, но после всего невероятного, совершаемого русским царем в России, можно было поверить и последнему известию, особенно при нашем в эту минуту раздраженном воображении»²⁹⁰.

1 (13) июля 1817 г. вышел указ о формировании отдельного корпуса литовских войск²⁹¹. Указом 14 октября 1817 г. был определен состав этого корпуса. Он должен был набираться из уроженцев Виленской, Гродненской, Минской, Волынской, Подольской губерний, а также Белостокского округа. Причем уроженцы этих губерний, служившие в составе русской гвардии, переводились в Литовский корпус. Корпус был обмундирован по польскому образцу. У него был особый герб – «литовские погоны», государственный герб Литвы на груди двуглавого российского орла, вместо святого Георгия. Литовский корпус представлял собой самостоятельную единицу, обособленную от русской армии. Очевидно, он предназначался к слиянию с войсками Царства Польского. Корпус насчитывал 40 тыс. человек. Присоединение его к польской армии, главнокомандующим которой являлся цесаревич Константин Павлович, увеличило бы численность вооруженных сил Царства Польского почти вдвое.

В российских верхах складывалось впечатление, что дело идет к восстановлению Великого княжества Литовского и соединении его с Царством Польским. Уезжая из Польши после открытия первого сейма 1818 г., Александр приказал сенатору Н. Н. Новосильцеву подготовить перевод с латинских актов 1423 и 1551 гг., соединивших в союз Речь Посполитую и Великое княжество Литовское²⁹². 20 декабря 1819 г. Н. Н. Новосильцев предоставил царю итоговую справку о соединении Литвы и Польши вместе с переводом указанных актов на русский язык²⁹³.

Замысел царя встретил резкое осуждение среди русской элиты. Прежде всего, он грозил серьезными материальными потерями русского дворянства, крупной земельной знати, обогатившейся в ходе разделов Польши. Но эта материальная подкладка сопротивления польской политике царя маскировалась расхожими утверждениями, что Александр «влюблен в Польшу», предпочитает поляков соотечественникам и презирает русских.

Восстановление Речи Посполитой означало, что и на территориях со смешанным населением также будет действовать конституционная хартия. Государственным языком станет польский, религия – католической, чиновники – поляки, вооруженные силы – также польские²⁹⁴. Более того, хартия не могла действовать на территориях, где существовало крепостное право, ибо последнее не позволяло реализовать провозглашенные в ней права: неприкосновенность личности, равенство всех сословий перед законом и т. д.²⁹⁵ Поэтому, прежде чем включить эти территории в Царство Польское, необходимо было освободить на них крестьян. Это делало проблему восстановления Речи Посполитой особо щекотливой для российских душевладельцев.

В 1817–1819 гг. Александр I начал постепенно отменять крепостное право по отдельным регионам страны. Начал он с прибалтийских губерний. Следующим этапом должны были стать Малороссийские губернии: Полтавская и Черниговская²⁹⁶. Летом 1816 г. по пути в Вар-

²⁹⁰ Якушкин И. Д. Указ. соч. С. 16.

²⁹¹ ПСЗ, I, № 26950.

²⁹² Польша и Россия в первой трети XIX века. С. 341.

²⁹³ Русская старина. 1882. Т. 35. С. 142–144.

²⁹⁴ См. статьи 11, 28, 29, 56 (Конституционная хартия 1815 года и некоторые другие акты бывшего Царства Польского. С. 42, 62)

²⁹⁵ См. статьи 16–23 (Там же. С. 42–43).

²⁹⁶ Мироненко С. В. Самодержавие и реформы. Политическая борьба в России в начале XIX в. М., 1989. С. 77–80.

шаву Александр посетил их²⁹⁷. При этом он обращал особое внимание на положение крестьян, организацию их труда, отношения с помещиками. Бывшему предводителю дворянства С. М. Кочубею, полтавскому помещику, было поручено подготовить проект освобождения малороссийских крестьян. Летом 1817 г. царь посетил белорусские губернии, в том числе Витебскую и Могилевскую. Снова он побывал и в Малороссии. «Кажется, что цель этой поездки, – вспоминал С. П. Трубецкой, – была приготовить мысли дворянства этих губерний к свободе крестьян. Первое начало положено уже было в Эстляндии, за которой должны были следовать Лифляндия и Курляндия. . . Малороссийскому дворянству государь сам лично в сказанной речи объявил о своем намерении, но в сердцах их не нашел созвучия; сопротивление ясно выразилось в ответной речи Черниговского губернского предводителя. Это, кажется, поколебало твердость государя, ибо в Москве он удержался от выражения своих чувств касательно этого предмета. Должно полагать, однако ж, что он искренне желал его исполнения. Но, между тем, от дворянства хотел только повиновения своей воле, а не содействия». Во время пребывания царя в Москве в дворянских гостиных «со страхом» обсуждали вопрос о свободе крестьян. Более того, «многие говорили, что если государь будет упорствовать в своем намерении дать свободу, то дворянам не останется ничего более делать, как уехать в чужие края»²⁹⁸.

В 1817–1819 гг. в прибалтийских губерниях была проведена отмена крепостного права. Согласно донесениям прусского посла Шепера, освобождение крестьян в Литовских губерниях считалось необходимой предпосылкой соединения «русско-польских губерний с королевством [Польским]»²⁹⁹. Прусский консул в Варшаве Шмидт 9 февраля 1819 г. донес в Берлин о намерении присоединить Литовские губернии к Польше как о деле решенном. Указом 9 августа 1823 г. Псковская губерния была присоединена к прибалтийскому наместничеству³⁰⁰.

Никто из биографов династии Романовых не обратил внимания на то важное обстоятельство, что особый Литовский корпус во главе с Константином Павловичем был создан в тот же день, когда состоялось бракосочетание его младшего брата Николая с прусской принцессой Шарлоттой³⁰¹. Летом 1819 г. Александр впервые сообщил Николаю о своем намерении передать ему российский престол³⁰². В мае 1820 г. Константин женился на польке. Его супруга не получила титула великой княгини и осталась католичкой³⁰³. Цесаревич вступил в морганатический брак, дети от которого теряли права на российский престол. В январе 1822 г. Константин в письме на имя Александра просил уволить его от прав на российский престол, а в феврале того же года получил согласие царя. Затем двумя указами 29 июня 1822 г. Константин, глава Литовского корпуса, был назначен главнокомандующим в губерниях Виленской, Гродненской, Минской, Волынской, Подольской и Белостокской области³⁰⁴. Ему были присвоены «все права, власть и преимущества», предоставленные главнокомандующим по Учреждению о действующей армии от января 1812 г.³⁰⁵ По сути дела, это означало, что всё верховное управление на этих территориях перешло в его руки. Чиновники этих областей носили мундиры польского образца с малиновым воротником³⁰⁶. Такое положение объявлялось «впредь до нашего указа», то есть временным.

²⁹⁷ Шильдер Н. К. Император Александр Первый. Т. IV. С. 47–48, 71–78.

²⁹⁸ Трубецкой С. П. Указ. соч. С. 54–55.

²⁹⁹ Вернадский Г. В. Государственная уставная грамота Российской империи 1820 г. Прага, 1925. С. 30.

³⁰⁰ Трубецкой С. П. Указ. соч. С. 100.

³⁰¹ ПСЗ, I, № 26 951.

³⁰² См.: 14 декабря 1825 года и его истолкователи. Герцен и Огарев против барона Корфа. М., 1994. С. 317.

³⁰³ Шильдер Н. К. Император Александр I. Т. IV. С. 176, 278–282.

³⁰⁴ ПСЗ, I, № 29087.

³⁰⁵ ПСЗ, I, № 29088.

³⁰⁶ Аскенази Ш. Царство Польское. 1815–1830. С. 109.

16 августа 1823 г. Александр подписал манифест о передаче после его смерти престола Николаю. Манифест был положен в Успенский собор и в высшие государственные учреждения, но остался неопубликованным. На конверте была сделана надпись о том, что он может быть возвращен назад по первому требованию царя³⁰⁷. То есть допускалась возможность изменения в будущем устанавливаемого порядка. Складывалось впечатление, что Россия и Польша, объединенные одним престолом, будут управляться разными лицами, при этом Царство Польское окажется в руках цесаревича Константина. Но – неизвестно с каким титулом. Манифест 16 августа упоминал о Николае как назначенном наследнике «единого неразделенного престола Всероссийской империи, Царства Польского и Княжества Финляндского»³⁰⁸. Но поскольку генеральный акт Венского конгресса упоминал о Царстве Польском как вечном владении все-российского императора, его «наследников и преемников», то не исключали, что преемником Александра в Польше станет Константин. Возможно, он получил бы должность наместника, определить которую особым указом предписывала конституционная хартия Польши³⁰⁹.

В этой связи характерна реакция одного из видных деятелей тайных обществ М. Ф. Орлова на события междуцарствия. В записке, поданной Николаю I 29 декабря 1825 г., он писал, что после смерти Александра I «по Москве пошел зловещий слух о разделе. Говорили, будто царское завещание устанавливало полное отделение Польши и русско-польских провинций, а также Курляндии, и что Священный союз гарантирует это отделение... Некоторые же истинно русские люди, и я в том числе... сокрушались по поводу отделения Польши...»³¹⁰ Примерно то же самое 27 декабря 1825 г. показал на следствии и А. А. Бестужев: «Стали носиться слухи, что он <Константин. – М. С.> отказывается; Польша с Литвой и Подолией отойдет от России, чтобы не обделить экс-императора... тогда, признаюсь, закипела во мне кровь, неуместный патриотизм возмутил рассудок»³¹¹.

Восстановление Речи Посполитой в ее исторических границах, существовавших задолго до разделов XVIII в., вызывало страх у русских землевладельцев еще и потому, что оставалось неясным, как далеко эти границы будут распространены. Н. М. Карамзин в сентябре 1819 г. в записке, адресованной императору, писал о том, что восстановление «древнего Королевства Польского» чревато не только потерей губерний, приобретенных Россией в ходе разделов, но гораздо большими территориальными потерями. Н. М. Карамзин пугал царя тем, что если он отдаст Белоруссию, Волынь, Подолию вместе с Галицией, то от него потребуют «и Киева, и Чернигова, и Смоленска», ибо они также принадлежали «враждебной Литве»³¹².

Ум военного человека не мог понять, как можно отдавать свою территорию с населением 12 млн человек поверженному противнику. Никакие дипломатические соображения не могли заставить вчерашних победителей Наполеона смириться с этим. Так же думали и высшие гражданские лица. Они утверждали, что, помимо соображений целесообразности, существуют еще и юридические основания, не позволяющие самодержавному монарху добровольно передавать часть территории своей страны с проживающим на ней населением кому бы то ни было: ведь при обряде коронации самодержец присягал в том числе неделимости Российской империи. Эту аргументацию подробно развил председатель департамента законов Государственного совета Н. С. Мордвинов³¹³. Сильнейшее сопротивление польская политика Александра встретила среди генералитета. Одну из первых скрипок здесь играл М. Ф. Орлов³¹⁴.

³⁰⁷ Сафонов М. М. Междуцарствие // Дом Романовых в истории России. СПб., 1995. С. 166.

³⁰⁸ 14 декабря 1825 года и его истолкователи. С. 223.

³⁰⁹ Конституционная хартия 1815 года и некоторые другие акты бывшего Царства Польского. С. 41.

³¹⁰ ВД. Т. XX. М., 2001. С. 164.

³¹¹ ВД. Т. I. С. 436.

³¹² Цит. по: Чернов К. С. Забытая конституция: Государственная Уставная грамота Российской империи. М., 2007. С. 55.

³¹³ Архив графов Мордвиновых. Т. IV. СПб, 1902. С. XX–XXXIII.

³¹⁴ Якушкин И. Д. Указ. соч. С. 38.

С учетом всего сказанного становится понятным, что указ 8 февраля 1816 г. был только первой тревожной ласточкой. Но он не мог не восприниматься как предательство русских интересов, как подготовительный шаг к отделению от России ее «исконных территорий». Отторжение российских земель воспринималось дворянством как национальная измена и поднимало вопрос о том, входит ли в компетенцию верховной власти право уменьшать территорию своего государства, а это уже вело к постановке более общего вопроса о пределах власти самодержца.

В такой ситуации возникновение Союза спасения было почти неизбежным. Он был призван спасти Россию от врага Отечества – царя, готового принести в жертву национальные интересы страны в угоду своим личным предубеждениям. В таком случае он сам должен был стать жертвой.

Едва ли случайно, что Союз спасения был создан капитанам Генерального гвардейского штаба А. Н. Муравьевым. А. Н. Муравьев был двоюродным племянником Н. С. Мордвинова и часто посещал дом этого государственного деятеля вместе с братьями и другими первыми членами созданного им тайного общества³¹⁵.

Но самое, пожалуй, интересное заключается в том, что Союз спасения, образованный на следующий день после указа 8 февраля 1816 г., не был первой конспирацией, выросшей на почве противостояния польской политике Александра I. Союзу спасения предшествовал Орден русских рыцарей, созданный М. Ф. Орловым и М. А. Дмитриевым-Мамоновым. Отметим, что оба основателя ордена – представители крупной землевладельческой знати, обогатившейся во время царствования Екатерины II. Первый – племянник одного из фаворитов императрицы, участника первого раздела Польши, второй – родной сын другого фаворита. (Небезынтересно отметить, что в последний год существования декабристской конспирации ее участником стал и внук Екатерины В. А. Бобринский³¹⁶.)

Традиционно декабристоведы стараются развести эти две организации как можно дальше. Причин этому несколько. В марксистском декабристоведении не должно было быть никаких рыцарских орденов. К тому же ярко выраженная антипольская направленность Ордена русских рыцарей, носившего национальную окраску с признаками ксенофобии, не позволяла объявить его первой декабристской организацией. Поэтому предпочитали признать орден «мнимой» организацией, то есть не существующей. А между тем она не только существовала, но генетически была связана с Союзом спасения.

26 декабря 1825 г. А. А. Бестужев показал в Следственном комитете, что тайное общество, в котором он находился, «есть остаток какого-то общества еще с 1815 года». В нем «якобы участвовали генералы Михаил Орлов, Лопухин и фон Визин»³¹⁷. П. Г. Каховский 18 декабря утверждал, что «Общество наше началось с 1815 года»³¹⁸.

В записке на имя царя от 29 декабря 1825 г. М. Ф. Орлов писал, что именно он, «кажется, первым задумал создать в России тайное общество» еще в 1814 г. – и вместе с М. А. Дмитриевым-Мамоновым собирался бороться с внутренними врагами, с «наполеонами в администрации», «которые творят внутренний разбой». Но наступили события 1815 г.: «Создание Польского царства, тщетность моих возражений против этого плана, высказанных царствующему тогда государю, убеждение, что в Польше существовало... тайное общество, подготавливающее ее воссоединение, место, которое польский вопрос все больше приобретал, или, по крайней мере, казалось, что приобретал в планах государя, ибо как раз в это момент был создан Литовский корпус, – все это, вместе взятое, внушило мне мысль включить противодействие польской системе в мои первоначальные планы. В связи с этим в... 1816 и частично в 1817 г.

³¹⁵ Муравьев А. Н. Сочинения и письма. Иркутск, 1986. С. 81.

³¹⁶ Декабристы: Биографический справочник. М., 1988. С. 24.

³¹⁷ ВД. Т. I. С. 431.

³¹⁸ ВД. Т. I. С. 340.

я был занят вместе с Мамоновым этим делом, но оно не было завершено, а вскоре было совершенно оставлено нами». Однако Орлов узнал, что независимо от его усилий уже «образовалось общество молодых людей, большей частью гвардейских офицеров, которые тоже... работали в том же направлении»³¹⁹ – то есть противодействовали польской политике Александра.

М. Ф. Орлов имел в виду общество, созданное А. Н. Муравьевым. Орлов пытался убедить царя в том, что, несмотря на свои планы и намерения, никакого тайного общества он не создал, а в общество Муравьева вступать не стал. Объяснения Орлова были сочтены неудовлетворительными. 4 января 1826 г. в развернутом виде Орлов повторил то, что ранее уже сообщил. Он подчеркнул только то, что план общества по борьбе с лихоимством хотел представить на утверждение Александру, но польские замыслы царя заставили отказаться его от этой мысли. «Государь изволил отправиться в Вену, и вскоре разнеслись слухи о восстановлении Польши. Сия весть горестно меня поразила, ибо я всегда почитал, что сие восстановление будет истинным несчастьем для России. Я тогда же написал почтительное, но, по моему мнению, довольно сильное письмо к Его императорскому величеству. Но сие письмо, известное генерал-адъютанту Васильчикову, у меня пропало еще не совсем dokonченным, и сведение об оном, дошедши до государя, он долго изволил не меня гневаться» <так в подлиннике. – М. С.>³²⁰.

Большую часть 1816 г. Орлов отсутствовал, находясь в Париже. «Тогда, предубежденным будучи, что восстановление Польши не могло столь сильно быть поддерживаемо русским правлением без влияния польского тайного общества над намерением и волею государя, я вознамерился к первому моему предмету присоединить и другой, то есть противопоставить польскому русское тайное общество». Но это сделало невозможным представить план общества на утверждение Александра. Орлов занимался этим делом в конце 1816 г. и начале 1817 г., но не довел его до конца. Узнав от М. Н. Новикова или А. Н. Муравьева, что такое общество уже существует, он бросил все прежние свои сочинения. На предложение войти в их общество Орлов ответил отказом, но «был внесен в табель другой». «Друзьями» члены общества Муравьева называли тех, кто имел «свободный образ мысли»³²¹.

В дополнении к первому допросу 4 января 1826 г. П. И. Пестель стремился убедить царя в том, что в России существует много тайных обществ. Среди них он назвал Орден русских рыцарей, о котором он слышал от М. Ф. Орлова. Но П. И. Пестель не знал ни о его составе, ни об организации³²². 8 января Н. М. Муравьев показал, что в феврале 1817 г. общество А. Н. Муравьева (Союз спасения) приняло написанный Пестелем устав. Его организаторами стали Пестель, Трубецкой и Александр Муравьев. Пестель уехал затем в Митаву, а Александр Муравьев стал руководить обществом. В это время в Петербурге находился и Орлов. «Они открылись друг другу потому, что каждый из них стал уговаривать другого вступить в свое общество. Переговоры сии кончились тем, что они обещались не препятствовать один другому, идя к одной цели оказывать взаимные пособия. Нашему обществу стал известен один г. Орлов – его обществу один Александр Муравьев»³²³. Орлову же общество создать не удалось. Его представитель в Петербурге Н. И. Тургенев вступил в Союз благоденствия, преобразованный из Союза спасения. Тогда его примеру последовал и Орлов. Он был принят в Москве Александром Муравьевым³²⁴.

³¹⁹ ВД. Т. XX. С. 161.

³²⁰ ВД. Т. XX. С. 167.

³²¹ ВД. Т. XX. С. 165, 167–168.

³²² ВД. Т. IV. М.; Л., 1927. С. 83.

³²³ ВД. Т. I. С. 305–306.

³²⁴ Там же. С. 307.

9 января в комитете заслушали показание Орлова³²⁵. А три дня спустя он представил дополнительное показание об Ордене русских рыцарей. Орлов по-прежнему утверждал, что такого общества не существует. Он хотел его составить с целью противодействия польской политике императора, но оно так и не было составлено. Хотя был написан его устав, но в 1818 г. его сожгли. Предание о нем возникло вследствие того, что, когда Орлова приглашали в Союз благоденствия, он отговаривался тем, что принадлежит к другому обществу – «русских рыцарей»³²⁶.

29 января Матвей Муравьев-Апостол показал в Следственном комитете, что основателями тайного общества были Орлов, Пестель, Александр Муравьев. В 1817 г. он слышал, что Орлов начальствовал над тайным обществом, но члены, его составлявшие, Матвею не были известны. Общество, к которому Матвей принадлежал, было основано в Петербурге в 1817 г. и не имело никаких сношений с Орловым³²⁷.

6 февраля Сергей Муравьев-Апостол дал показания в комитете об образовании тайного общества, подчеркнув, что сведения могут быть и неверными, потому что сам он не был тогда деятельным членом. Основателями того общества, в которое он был принят, являлись Пестель, Н. М. Муравьев, А. Н. Муравьев, М. И. Муравьев-Апостол, Якушкин, Трубецкой. Тогда же или еще раньше возникло другое общество, основателем которого был Орлов. Общество, в которое был принят Сергей, основано в Петербурге в 1816 г. Оно не имело никакого наименования и цели. Сергей не знал никаких других обществ, кроме общества Орлова, «называющегося, если не ошибаюсь, Рыцарями правды, и *слившиегося впоследствии с нашим*» <курсив мой. – М. С.>³²⁸.

Итак, один из братьев, Матвей Муравьев-Апостол, утверждал, что основанное Александром Муравьевым общество не имело никаких сношений с антипольским обществом М. Ф. Орлова, а другой брат, Сергей, заявлял, что оба общества впоследствии соединились.

Спрошенный об этом Александр Муравьев пытался отрицать, что он был единственным основателем тайного общества в России. При этом он подчеркнул, что общество Орлова составилось «независимо от нашего». Хотя руководители каждого из обществ открылись друг другу и обязались оказывать взаимные пособия, Муравьев был известен только самому Орлову, а не его обществу, и никогда не знал, кто были его члены. Не знал он и о целях общества Орлова³²⁹. Странное заявление. Как можно взять обязательство помогать обществу, цель которого тебе неизвестна?

Все эти показания свидетельствуют о том, что Орден русских рыцарей, созданный для противодействия польской политике Александра I, в действительности существовал. Это находит подтверждение и в «Записках» С. П. Трубецкого, который называет среди его членов ведущих деятелей декабристского движения: М. Ф. Орлова, М. А. Фонвизина, Н. И. Тургенева³³⁰.

15 декабря 1825 г. в 4 часа утра в столе С. П. Трубецкого была обнаружена написанная его рукой рукопись так называемого Манифеста русскому народу. Конспект был написан на листе, вырванном из тетради, содержащей раннюю редакцию проекта конституции Н. М. Муравьева. По-видимому, оба документа сохранились совершенно случайно. Во всяком случае, никаких других бумаг, относящихся к деятельности тайного общества, кроме этих двух, при обыске найдено не было. Очевидно, их все успели уничтожить, а об этих старых бумагах забыли. Конспект вместе с проектом конституции был вложен в обложку, на втором листе

³²⁵ ВД. Т. XVI. М., 1986. С. 53.

³²⁶ ВД. Т. XX. С. 181–182.

³²⁷ ВД. Т. IX. М., 1950. С. 217–224.

³²⁸ ВД. Т. IV. С. 273–274.

³²⁹ ВД. Т. III. М.; Л., 1926. С. 16, 18.

³³⁰ Трубецкой С. П. Указ. соч. С. 60.

которой имелась надпись: «Спаси, господи, люди твоя и благослови достояние твое!» Фраза эта заимствована из «Тропаря Кресту и молитвы за Отечество». В тропаре эта молитва звучит так: «Спаси, господи, люди твоя и благослови достояние твое, победы православным христианам на сопротивные даруя, и твое сохраняя крестом твоим жительство». Если прочитать ее в контексте российско-польских отношений того времени, становится очевидным: эта формула словно изобретена, чтобы быть противопоставленной польским планам Александра I.

Надпись эта не вызвала интереса у следователей. Не привлекла она и внимание ученых. А между тем она давала некоторые основания поставить вопрос о причастности документов, найденных у Трубецкого, к идеологии Ордена русских рыцарей³³¹.

Впрочем, только 18 января 1826 г.³³² в руках следствия оказались документы, из которых явствовало, что члены ордена должны были носить кресты, на внутренней стороне которых находилась та же надпись: «Спаси, господи, люди твоя»³³³. Впрочем, и содержание конституционного проекта Н. М. Муравьева, который следователи также анализировать не стали, перекликалось с идеологией ордена, призванного сплотить оппозиционно настроенных представителей высшей аристократии, выступавшей противником польской политики Александра. Но вопрос об ордене, едва возникнув, сразу же был закрыт следователями.

Как уже отмечалось, историки-декабристоведы всегда стремились развести как можно дальше ранние организации декабристов и Орден русских рыцарей и выносили его за скобки декабристского движения. Некоторые ученые даже считают его несуществующей, мнимой организацией³³⁴. Чтобы у исследователей 14 декабря не могло возникнуть никаких ассоциаций с деятельностью Ордена русских рыцарей, М. В. Нечкина ту же самую фразу – «Спаси, господи, люди твоя», – когда речь шла о рукописи конспекта Трубецкого, назвала «молитвой за Отечество», однако в разделе, посвященном документам ордена, охарактеризовала ее как «молитву за царя». Но в обоих случаях упоминание о «тропаре», то есть хвале, «кресту» патриарх советского декабристоведа опустил. Декабристоведы в этом вопросе шли за «Донесением Следственной комиссии», объявившим, что Орден русских рыцарей не существовал.

Не получил адекватной оценки и тот факт, что накануне 14 декабря Трубецкой срочно вызвал Орлова в Петербург. Стоило бы только произвести сопоставление бумаг М. А. Дмитриева-Мамонова³³⁵ с показаниями, имевшимися в отношении П. И. Пестеля, и допросами самого П. И. Пестеля, как сразу же обнаруживалась генетическая связь и тактических приемов, и программных установок лидера южан с тем, что первоначально разрабатывалось в окружении опального генерал-майора, задумавшего создать Орден русских рыцарей. Если бы следствие всерьез занялось «Русской Правдой» Пестеля, то без труда установило бы, что она является не чем иным, как развитием проектов³³⁶, обсуждавшихся в окружении сына екатерининского фаворита, объявленного душевнобольным³³⁷. От следователей не укрылось бы, что и название общества, считавшегося первым декабристским тайным союзом, ведет свое происхождение от замыслов, возникших в той же среде.

Тайное общество, созданное А. Н. Муравьевым как раз в то время, когда Орлов создавал свое, носит в себе черты сходства с Орденом русских рыцарей. При этом надо иметь в виду, что и подследственные, и сами следователи всегда избегали употреблять термин «орден», заменяя его более нейтральным – «общество». Следует особо подчеркнуть, что следствие так и не уста-

³³¹ *Семевский В. И.* Политические и общественные идеи декабристов. СПб., 1909. С. 385–415; *Лотман Ю. М.* М. А. Дмитриев-Мамонов – поэт, публицист и общественный деятель // *Лотман Ю. М. Избранные труды.* Т. II. Таллинн, 1992. С. 285–290.

³³² ВД. Т. XVI. С. 64.

³³³ *Нечкина М. В.* Движение декабристов. Т. I. М., 1955. С. 136.

³³⁴ *Бокова В. М.* Эпоха тайных обществ. М., 2003. С. 254–270.

³³⁵ *Семевский В. И.* Указ. соч. С. 404.

³³⁶ *Бокова В. М.* Указ. соч. С. 257–259.

³³⁷ *Лотман Ю. М.* Указ. соч. С. 282–349.

новило точное название того тайного общества, деятельность которого оно расследовало. Следователи установили, что тайное общество, созданное в феврале 1817 г., носило название Союз спасения. Эти данные извлекли из так называемого «Исторического обозрения хода Общества» Н. М. Муравьева, прочитанного 8 января 1826 г. в комитете³³⁸. Но П. И. Пестель в ответах на вопросные пункты, направленные ему после допроса 12 января, назвал это общество, устав которого вышел из-под его пера, по-другому: Общество *истинных и верных сынов Отечества*³³⁹. 1 апреля ему указали на это несоответствие и потребовали внести ясность. Пестель ответил: «Устав общества, образованного в 1816 г., принятый в начале 1817 г., имел заглавие “Общество истинных и верных сынов отечества”. О наименовании же общества “Союзом спасения” никогда я не слыхал»³⁴⁰. Следствие соединило эти два названия – «Союз спасения, или истинных и верных сынов Отечества»³⁴¹, так оно было названо в «Донесении Следственной комиссии» и из него переключалось в научную литературу. Никто из ученых не обратил внимания на одно существенное обстоятельство: и то, и другое наименование восходят к Ордену русских рыцарей, апеллируют к тени К. Минина и Д. Пожарского. М. А Дмитриев-Мамонов, обсуждавший в переписке с М. Ф. Орловым вопрос о создании этого тайного общества, писал о необходимости того, чтобы «рыцари» «гремели» об установлении закона «спасения нации». Он считал необходимым поставить его под охрану всех храбрых людей России, «*всех истинных сынов Отечества*» <курсив мой. – М.С.>³⁴².

Примечательно употребление глагола «гремять». Ни один исследователь не обратил внимания на то, что оно встречается не раз в более поздних декабристских документах. Так, И. Д. Якушкин в «Записках» писал о том, что члены тайного общества «гремели против диких учреждений»³⁴³. Использование именно этого термина отнюдь не случайно. М. Ф. Орлов в записке к Николаю I 29 декабря 1825 г. утверждал, что члены Союза благоденствия, не имея связи между собой и без определенной цели, «шумели по поводу и без повода»³⁴⁴. Орлов написал свою записку по-французски. Он употребил глагол *vociferer*³⁴⁵, что означает «вопить, орать, реветь, выкрикивать». Терминологическое сходство и генетическая зависимость налицо.

Как на практике декабристы реализовывали призыв *vociferer*, хорошо видно из истории так называемого Московского заговора 1817 г., выдвинувшего проект убийства царя за то, что он хотел передать Польше русско-польские губернии и освободить крестьян³⁴⁶.

Итак, 1815–1825 гг. можно считать временем, когда польская политика Александра I стала средоточием разногласий между властью и обществом. Именно в ней, как в фокусе, отразилось «расхождение официального курса с оппозиционными настроениями, захватившими различные круги»³⁴⁷. Но в историографии никогда не предпринимались попытки рассмотреть феномен тайного общества в России через призму этого расхождения, в основе которого лежало отсутствие выработанного механизма разрешения противоречий между интересами дворянского сословия и верховной власти.

³³⁸ ВД. Т. I. С. 305.

³³⁹ ВД. Т. IV. С. 100.

³⁴⁰ Там же. С. 154.

³⁴¹ 14 декабря 1825 года и его истолкователи. С. 74.

³⁴² *Семевский В. И.* Указ. соч. С. 405.

³⁴³ *Якушкин И. Д.* Записки, статьи, письма, документы. С. 19.

³⁴⁴ ВД. Т. XX. С. 161.

³⁴⁵ Там же. С. 155.

³⁴⁶ См. об этом подробно нашу работу: *Сафонов М. М.* Речь Посполитая и «Московский заговор» 1817 года // Россия – Польша. Два аспекта европейской культуры. Сборник научных статей XVIII Царскосельской конференции. СПб., 2012. С. 491–503.

³⁴⁷ Польша и Россия в первой трети XIX века. Из истории автономного Королевства Польского. 1815–1830. М., 2010. С. 469–470.

Для работ, посвященных движению декабристов, характерна абсолютизация протеста против деспотической сути самодержавия. Конкретные же причины, заставившие дворян вступить на путь конспирации, оставались в тени. Между тем среди этих причин важнейшую роль играло стремление царя восстановить Речь Посполитую как самостоятельное государство. Декабристская конспирация традиционно трактуется как организация, ставившая целью отмену крепостного права и ликвидацию самодержавия. Это верно лишь отчасти.

Отсутствие легального инструмента противодействия политике самодержавия, которая шла вразрез с интересами дворянства, не могло не привести к образованию политической конспирации. При этом прослеживается четкая схема: вначале противодействие намерениям царя присоединить к Польше российско-польские губернии, потом попытки противостоять освобождению крестьян именно на этих территориях как первому шагу к воссоединению с Королевством Польским, где освобождение крестьян уже было произведено при Наполеоне, затем только создание собственных проектов решения крестьянского вопроса по собственному сценарию, максимально обеспечивающему интересы дворянства. И, наконец, разработка идеи представительного правления, при котором ни отторжение территории с 12-миллионным населением, ни освобождение крестьян по сценарию монарха становятся невозможными без согласия народных представителей.

При этом инициатором перемен, мотором преобразований выступала самодержавная власть, персонифицировавшаяся в Александре I, а всё, что делала декабристская конспирация, являлось лишь реакцией на предпринятые монархом шаги.

Декабристская конспирация никогда не рассматривалась как орган, являвшийся в руках дворянства орудием воздействия на внешнюю и внутреннюю политику не столько даже самого правительства, сколько конкретного монарха. Московский заговор был первым в длинной череде планов царевубийств, проекты которых тайное общество на протяжении своего десятилетнего существования выдвигало один за другим. Но ни одно не было совершено. Следственный комитет, тщательно искавший прежде всего царевубийц, так и не смог обнаружить каких-либо следов практической подготовки убийства царя.

Между тем потенциальная угроза даже в большей степени личной расправы над царем и его семьей, нежели социального переворота в целом, являлась сильнодействующим средством, удерживающим монарха от шагов, которые он сам считал в принципе целесообразными. При этом просматривается некая синхронная связь между попытками Александра I восстановить Речь Посполитую и появлением проектов царевубийства, от совершения которого в действительности удерживали руководители конспирации. Эта схема прослеживается на протяжении всего существования декабристской конспирации. Причем эти весьма эмоциональные замыслы и проекты возникали с удивительной регулярностью накануне поездок царя на сеймы Царства Польского или европейские конгрессы Священного союза.

В XVIII столетии конфликт между интересами всего дворянства и личными взглядами царя разрешался дворянской расправой над «помазанником». Но более просвещенный XIX в. породил и более гуманную форму решения этого вопроса: муссирование в определенных дворянских кругах слухов о царевубийственных планах, которые рано или поздно по не совсем понятным нам сейчас каналам становились известными царю и удерживали его у роковой черты.

Бывшие члены декабристских обществ и дело петрашевцев

В. А. Шкерин

Отношения декабристов с петрашевцами в советской историографии рассматривались исключительно в русле ленинской теории трех этапов освободительного движения. Картина меняется, если отказаться от знака безусловного равенства между понятиями «декабристы» и «первые русские революционеры». Еще в начале XX в. Г. В. Вернадский писал о «хаосе общественного брожения», из которого «после 14 декабря 1825 года осталось в исторической памяти очень немного, и то в сильно искаженном виде»³⁴⁸. Современные историки отмечают идеологическое многоголосие декабристов, наличие в движении различных тенденций, доктрин и сценариев³⁴⁹. Критериями причисления того или иного лица к декабристам выступают не политические взгляды, а членство в тайных обществах и/или участие в заговоре и военных выступлениях рубежа 1825–1826 гг.³⁵⁰ С полемической остротой такой подход сформулирован В. М. Боковой: «“Декабрист” – это всего лишь факт биографии. Все существующие проблемы порождены именно стремлением придать этому понятию идеологический смысл. <...> Принадлежность к числу “декабристов” вовсе не давала патента на либерализм, а тем более – на революционность»³⁵¹.

С этих позиций рассмотрим вопрос о причастности бывших членов декабристских обществ к следственному и судебному процессам по делу петрашевцев, а также об их отношении к уже осужденным петрашевцам. Для начала же совершим краткий экскурс в историю политической полиции России первой половины XIX в.

В период правления Александра I функции таковой выполняла Особенная канцелярия по секретной части при министре внутренних дел. Службами политического контроля располагали и некоторые иные госструктуры, взаимоотношения которых были скорее конкурентными, чем партнерскими. Агентурная работа велась из рук вон плохо. «Благородные чувства императора Александра не терпели этого средства... в его время секретный надзор внутри страны был почти неизвестен», – утверждал Н. И. Тургенев³⁵². Николай I, встревоженный выступлением декабристов и масштабами раскрывшегося заговора, первые же шаги своего царствования направил на укрепление режима личной власти. Указом от 20 декабря 1825 г. Собственная его императорского величества канцелярия была передана в «непосредственное заведование» монарха. Указом от 3 июля 1826 г. в ее составе было образовано знаменитое III отделение. Главноуправляющим последнего стал генерал-адъютант А. Х. Бенкендорф, ратовавший за создание высшей политической полиции в России со времени завершения наполеоновских войн.

С. Г. Волконский вспоминал: «Бенкендорф тогда возвратился из Парижа при посольстве и, как человек мыслящий и впечатлительный, увидел, какие [услуги] оказывает жандармерия во Франции. Он полагал, что на честных началах, при избрании лиц честных, смысленных,

³⁴⁸ Вернадский Г. Два лика декабристов // Свободная мысль. 1993. № 15. С. 83.

³⁴⁹ Шмидт С. О. Декабристы в представлениях людей рубежа XX и XXI столетий // Археографический ежегодник за 2000 год. М., 2001. С. 17; Гросул В. Я. Русское общество XVIII–XIX веков: Традиции и новации. М., 2003. С. 125; Гордин Я. А. Мятёж реформаторов. Кн. 1. СПб., 2006. С. 163; и др.

³⁵⁰ Пушкина В. А., Ильин П. В. Персональный состав декабристских тайных обществ: Справочный указатель // 14 декабря 1825 года: Источники, исследования, историография, библиография. Вып. 2. СПб.; Кишинев, 2000. С. 14; Ильин П. В. К вопросу о содержании термина «декабристы» // Отечественная история. 2002. № 6. С. 202.

³⁵¹ Бокова В. М. «Больной скорее жив, чем мертв» (Заметки об отечественном декабристоведении 1990-х годов) // 14 декабря 1825 года. Источники, исследования, историография, библиография. Вып. 4. СПб.; Кишинев, 2001. С. 526.

³⁵² Тургенев Н. И. Россия и русские. М., 2001. С. 558.

введение этой отрасли соглядатайства может быть полезно и царю, и отечеству, приготовил проект о составлении этого управления, пригласил нас, многих его товарищей, вступить в эту когорту, как он называл добромыслящих, и меня в их числе. Проект был представлен, но не утвержден. Эту мысль Ал [ександр] Хр [истофорович] осуществил при восшествии на престол Николая, в полном убеждении, что действия оной <высшей политической полиции. – В.Ш.> будут для охранения от притеснений, для охранения вовремя от заблуждений»³⁵³.

Столь лестный отзыв активного участника Южного общества о шефе жандармов, вероятно, объясняется не только былым боевым товариществом и возникшими со временем родственными узами³⁵⁴. Будучи государственниками, декабристы не высказывали принципиальных возражений против существования такого института, как политическая полиция. В литературе последнего времени стало почти общим местом утверждение, что лидер «южан» П. И. Пестель заговорил о должной организации «вышнего благочиния» раньше правительства, тем самым предвосхитив учреждение III отделения³⁵⁵. Суть дела Пестель и Бенкендорф понимали во многом схоже, при этом последний имел возможность познакомиться с идеями первого в период следствия по делу декабристов³⁵⁶. Что же касается именно С. Г. Волконского, то он, по замечанию О. И. Киянской, «был при Пестеле чем-то вроде начальника тайной полиции, обеспечивавшим, прежде всего, внутреннюю безопасность заговора»³⁵⁷.

Круг вопросов, отнесенный июльским указом 1826 г. к компетенции III отделения, фактически не имел границ: в него были включены и предметы, «по всем вообще случаям высшей полиции», и сведения обо «всех без исключения происшествиях»³⁵⁸. Политическими вопросами этот круг нимало не ограничивался. Такая «всепричастность» встревожила руководство иных государственных ведомств, и более прочих – министерства внутренних дел, лишенного Особенной канцелярии. Уже 5 июля Совет министров собрался на специальное заседание, дабы разграничить полномочия III отделения и МВД. Повторив за монаршим указом, что политические вопросы «отныне подлежат ведению Третьего отделения», министры пытались ограничить это «ведение» наблюдательными функциями. Полиция исполнительная осталась в составе МВД. Но Николай I смотрел на вопрос иначе. В апреле 1827 г. он учредил корпус жандармов с правами армии, назначив Бенкендорфа его командиром, с сохранением за ним должности главноуправляющего III отделением. Высшая политическая полиция обрела вооруженную силу. Четкого же разграничения «предметов занятий» III отделения и МВД так и не последовало. Тем самым была заложена основа для конкуренции двух полицейских ведомств.

«Бенкендорф некоторым образом поставлен был надсмотрщиком над другими министрами», – констатировал Ф. Ф. Вигель³⁵⁹. Не без участия шефа жандармов в 1838 г. потерял пост министра внутренних дел Д. Н. Блудов³⁶⁰. Понятно, что и Лев Алексеевич Перовский, возглавивший МВД в 1841 г., предпочел бы иметь политическую полицию в своем подчинении, чем состоять в числе ее «поднадзорных». Тем паче что в биографии нового министра имелся факт членства в декабристских организациях – в Военном обществе и Союзе благоденствия.

³⁵³ Волконский С. Г. Записки. Иркутск, 1991. С. 179.

³⁵⁴ В 1859 г. сын князя С. Г. Волконского женился на внучке графа А. Х. Бенкендорфа (Волконский С. М. Воспоминания: О декабристах. Разговоры. М., 1994. С. 114).

³⁵⁵ Кошель П. А. История российского сыска. М., 2005. С. 62–63; Симбирцев И. Третье отделение. М., 2006. С. 65–68.

³⁵⁶ Восстание декабристов, Т. VII. М., 1958. С. 228–230; Киянская О. И. Пестель. М., 2005. С. 106, 144–145; Чукарев А. Г. Тайная полиция России: 1825–1855 гг. М., 2005. С. 122–123, 138.

³⁵⁷ Киянская О. И. Южное общество декабристов. Люди и события: Очерки по истории тайных обществ 1820-х годов. М., 2005. С. 191.

³⁵⁸ Лурье Ф. М. Полицейские и провокаторы. СПб., 1992. С. 56–57; Корнилов А. А. Курс истории России XIX века. М., 2004. С. 300; Линдер И. Б., Чуркин С. А. Спецслужбы России за 1000 лет. М., 2006. С. 200–201.

³⁵⁹ Вигель Ф. Ф. Записки: В 2-х кн. М., 2003. Кн. 2. С. 1210.

³⁶⁰ Сидорова М., Щербакова Е. Поднадзорные министры // Родина. 2003. № 9. С. 28–30.

Экспрессивный товарищ Л. А. Перовского, петербургский генерал-губернатор А. А. Кавелин (также бывший член Союза благоденствия), в частном разговоре высказывался в пользу того, чтобы ликвидировать «всю жандармскую часть как мать одних вздорных камерпажей и новую лишь, совсем напрасную отрасль взяточничества». Его собеседник М. А. Корф едко отвечал: «Да, это пребогатые мысли, и жаль, что их нельзя ни провести, ни даже предложить»³⁶¹. Понимал это и Перовский, замыслив создать эффективную сыскную полицию, успехи которой дискредитировали бы III отделение в глазах монарха. В этом случае появлялась надежда вернуть политические расследования в компетенцию МВД.

Образец сыскной полиции Л. А. Перовский нашел всё там же: французская Сюрте оставалась вне конкуренции. В 1846 г. Ф. В. Булгарин писал в III отделение: «У нас нет бесподобного французского заведения *Police de surete*³⁶², или, как было в старину в России, Сыскного приказа, а это первая потребность в благоустроенном государстве! Сыскной приказ должен заниматься одним только отыскиванием воров, разбойников, бродяг, беглецов, мошенников всякого рода; должен быть в вечной войне с ними, наблюдать за каждым подозрительным человеком, знать, чем он живет и где проживает. Для этого надобны люди и деньги! Министр Перовский чувствовал потребность *Police de surete*, по несчастью попал на мошенника Синицына – плута в роде Ваньки Каина, который был бы отличный сыщик под начальством порядочного человека, но сам он не мог быть начальником и уронил дело в глазах правительства»³⁶³.

Председатель Петербургской губернской уголовной палаты Н. А. Синицын, вероятно, был более на виду, но едва ли заслуга переноса *Police de surete* на российскую почву принадлежала ему. «Беда, что ты Видок Фиглярин», – восклицал А. С. Пушкин, намекая на агентурную деятельность самого Ф. В. Булгарина. Эжен Франсуа Видок, чья авантюрная биография отразилась в произведениях Бальзака, Гюго, Эдгара По, Диккенса, Дюма и Эжена Сю, в первой половине своей жизни был вором, убийцей и каторжником, а во второй основал и возглавил французскую уголовную полицию – Сюрте³⁶⁴. Со своей «бригадой безопасности», набранной из уголовников (многие из которых продолжали числиться в розыске), он поступил на службу правительству в 1812 г. После оккупации Франции союзными войсками парижский префект обратился к русскому командованию за помощью в борьбе с якобинскими и бонапартистскими заговорщиками. Так рядом с Видоком оказался подполковник Липранди³⁶⁵.

Иван Петрович Липранди сочетал славу храбреца и бретера с репутацией интеллектуала. Навестивший его в Париже Ф. Ф. Вигель вспоминал: «Вечно бы ему пировать! <...> И кого угощал он? Людей с такими подозрительными рожами, что совестно и страшно было вступать в разговоры. Раз один из них мне понравился: у него было очень умное лицо, на котором было заметно, что сильные страсти не потухли в нем, а утихли. Он был очень вежлив, сказал, что обожает русских, и в особенности мне желал бы на что-нибудь пригодиться; тотчас после того объяснил, какого рода услуги может он оказать мне. Как султан, властвовал он над всеми красавицами, которые продали и погубили свою честь. Видя, что я с улыбкою слушаю его, сказал он: “Я не скрою от вас моего имени; вас, по крайней мере, не должно оно пугать: я Видок”. И действительно, оно не испугало меня, потому что я слышал его в первый раз. Вскоре растолковали мне, что я знаком с главою парижских шпионов, мушаров, как их называли; что этот человек за великие преступления был осужден, несколько лет был гребцом на галерах и носит клеймо на спине»³⁶⁶.

³⁶¹ Корф М. А. Записки. М., 2003. С. 517.

³⁶² *Police de surete* (франц.) – сыскная полиция.

³⁶³ Видок Фиглярин: Письма и агентурные записки Ф. В. Булгарина в III отделение. М., 1998. С. 511.

³⁶⁴ Файкс Г. Большое ухо Парижа. М., 1981. С. 62–76.

³⁶⁵ Курочкин Ю. Уральские находки. Свердловск, 1982. С. 107; Эйдельман Н. Я. Обреченный отряд. М., 1987. С. 367; *Его же*. Из потаенной истории России XVIII–XIX веков. М., 1993. С. 435–436.

³⁶⁶ Вигель Ф. Ф. Указ. соч. С. 889–890.

В послевоенный период И. П. Липранди за очередную дуэль был переведен из Генерального штаба в армию. В 1822 г. он вышел в отставку, а в начале следующего года А. С. Пушкин рекомендовал его князю П. А. Вяземскому: «Он мне добрый приятель, и (верная порука за честь и ум) не любим нашим правительством, и, в свою очередь, не любит его»³⁶⁷. Липранди собирался тогда ехать в Грецию – воевать против турок, или в Южную Америку, чтобы вступить в армию Боливару. Не получив заграничного паспорта, он вернулся в армию в октябре 1825 г. Возможно, этот шаг был как-то связан с планами декабристов. В начале 1820-х гг. братья Иван и Павел Липранди фактически состояли членами декабристского союза³⁶⁸. С. Г. Волконский вспоминал, что И. П. Липранди был принят в тайное общество «в уважение его передовых мыслей, убеждений»³⁶⁹. В начале 1826 г. Липранди арестовали в Кишиневе и доставили в Петербург, где он содержался на главной гауптвахте (некоторое время вместе с А. С. Грибоедовым³⁷⁰). Выйдя на свободу с оправдательным аттестатом, вернулся для продолжения службы на юг. Во время русско-турецкой войны 1828–1829 гг. пригодился как военный разведчик и партизан. После войны надобность в его талантах вновь отпала. В 1832 г. генерал-майор Липранди вторично вышел в отставку, а в начале 1840-х гг. был причислен к МВД³⁷¹.

В министерстве И. П. Липранди стал фактическим руководителем структуры, которую барон М. А. Корф величал «контрполицией»: «Перовский действовал... не через обыкновенную городскую полицию, которую он терпеть не мог и всячески преследовал, а через свою контрполицию, составленную им, неофициально и негласно, из разных чиновников особых поручений и мелких послужников, между которыми он успел... найти много людей честных и дельных»³⁷². В числе «честных и дельных» был, например, будущий составитель «Толкового словаря живого великорусского языка» В. И. Даль. Его сослуживец, сын известного мореплавателя и будущий министр народного просвещения А. В. Головнин вспоминал: «Даль составлял в то время небольшой словарь особого условного языка... мошенников, которых народ называл вообще “мазуриками”»³⁷³.

Первые дела, расследованные «русской Сюртэ», носили сугубо уголовный характер. «Перовскому удалось открыть, посредством тайных его агентов, целые шайки мошенников, давно уже промышлявшие своим делом, если не прямо под покровом, то, по крайней мере, при терпимости полиции, – продолжал повествование Корф. – По распоряжению и докладу его схвачено и заключено было в крепость, впредь до следствия и суда, около ста человек подозрительных...»³⁷⁴.

В 1855 г. генерал-адъютант Ф. В. Ридигер, вспоминая в конфиденциальной записке о заслугах Л. А. Перовского, подчеркивал, что «особенное внимание было употреблено на образование тюремной тайной полиции» и «точно то же насчет женщин свободной жизни: многие из них в разных случаях были употребляемы с неизменною пользою»³⁷⁵. Упоминание об агентах из числа «женщин свободной жизни» побуждает вспомнить о «красавицах» Видока. Возможно, не случайно в мае 1843 г. проституция в России впервые попала под государственный

³⁶⁷ Эйдельман Н. Я. Первый декабрист. М., 2005. С. 133.

³⁶⁸ Эйдельман Н. Я. Пушкин и декабристы. М., 1979. С. 21–26; *Его же*. Обреченный отряд. С. 372; *Его же*. Из потаенной истории... С. 441. Ср.: Садилов П. А. И. П. Липранди в Бессарабии 1820-х годов (по новым материалам) // Временник Пушкинской комиссии. Т. 6. М.; Л., 1941. С. 266–295.

³⁶⁹ Волконский С. Г. Указ. соч. С. 299.

³⁷⁰ Нечкина М. В. Грибоедов и декабристы. М., 1977. С. 573–574; Эйдельман Н. Я. «Быть может, за хребтом Кавказа...» М., 2006. С. 69.

³⁷¹ Декабристы: Биографический справочник. М., 1988. С. 102; Эйдельман Н. Я. Обреченный отряд. С. 377–380; *Его же*. Из потаенной истории... С. 446–450.

³⁷² Корф М. А. Указ. соч. С. 215.

³⁷³ Головнин А. В. Записки для немногих // Вопросы истории. 1996. № 2. С. 120.

³⁷⁴ Корф М. А. Указ. соч. С. 216.

³⁷⁵ Волгин И. Л. Пропавший заговор. М., 2000. С. 121–122.

контроль: по инициативе Л. А. Перовского появилось учреждение для надзора за публичными женщинами – Врачебно-полицейский комитет³⁷⁶. Когда в 1846 г. встал вопрос о том, почему проститутки, работавшие в домах терпимости, не преследуются наравне с уличными коллегами, одним из аргументов, убедивших царя в разумности такого положения, выступила агентурная работа в борделях³⁷⁷.

Агентурная же работа III отделения, по мнению современного историка А. Г. Чукарева, «в этот период не выходила из дилетантского состояния и не могла занимать в деятельности жандармских офицеров надлежащего места»³⁷⁸. К тому же борьба «контрполиции» с уголовниками заслужила «благодарность публики», а жандармский политический сыск ту же «публику» пугал, поскольку мог коснуться каждого.

С другой стороны, Л. А. Перовский понимал, что путь к возвышению его министерства лежит через успех именно политического сыска. Отсутствие четкого разделения полномочий, до тех пор игравшее на руку III отделению, должно было обратиться против него.

В 1847 г. «контрполиция» сообща с III отделением выследила и арестовала прибывшего из Австрии старообрядческого эмиссара³⁷⁹. Образованные слои российского общества этого просто не заметили. Всё изменил следующий – 1848-й – год. Европу захлестнула волна революций. Непокойно стало и на западных рубежах Российской империи. Бывший член Петербургского филиала Южного общества, прибалтийский генерал-губернатор А. А. Суворов докладывал: «Крестьяне Виленской губернии закупили в пограничных прусских местах множество оружия, пороху, свинцу, причем многократно говорили, что при обнаружении волнений в Литве тамошние помещики очень потерпят...»³⁸⁰

Николай I почувствовал, что пробил час его великой миссии: не пустить революционную смуту в Россию. «В феврале 1848 года произошла революция во Франции, которая отозвалась у нас самым тяжким образом: всякие предполагавшиеся преобразования были отложены, и всякие стеснения мысли, слова и дела были умножены и усилены», – вспоминал славянофил А. И. Кошелев³⁸¹. Ему вторил «умеренный прогрессист» (по собственному определению) А. В. Никитенко: «Ужас овладел всеми мыслящими и пишущими. Тайные доносы и шпионство еще более усложняли дело. Стали опасаться за каждый день свой, думая, что он может оказаться последним в кругу родных и друзей. <...> Западные происшествия, западные идеи о лучшем порядке вещей признаются за повод не думать ни о каком улучшении»³⁸².

Акцентируем внимание на еще одном замечании из дневниковых записей А. В. Никитенко за 1848 г. Как бывший крепостной, он отмечал проблему, ему особенно близкую: «Возник было вопрос об освобождении крестьян. Господа испугались и воспользовались теперь случаем, чтобы объявить всякое движение в этом направлении пагубным для государства»³⁸³.

Между тем Л. А. Перовский, подавший на высочайшее имя в 1844–1847 гг. ряд записок по крестьянскому вопросу, в том числе и «Об уничтожении крепостного состояния в России»,

³⁷⁶ Лебина Н., Шкаровский М. Деталь ночного пейзажа // Родина. 1994. № 1. С. 61; Князькин И. В. Всемирная история проституции. М.: СПб., 2006. С. 432–434.

³⁷⁷ Кузьмин К. В., Сутырин Б. А. История социальной работы за рубежом и в России (с древности до начала XX века). М.; Екатеринбург, 2003. С. 432.

³⁷⁸ Чукарев А. Г. Указ. соч. С. 138.

³⁷⁹ Зеньковский С. Русское старообрядчество в XVII–XIX вв. // Transactions of the Association of Russian-American Scholars in the U. S. A. Vol. XXX. N. Y., 2000. P. 302–306.

³⁸⁰ Прокофьев В. А. Петрашевский. М., 1962. С. 104.

³⁸¹ Кошелев А. И. Записки. М., 2002. С. 48.

³⁸² Никитенко А. В. Дневник. М., 2005. Т. 1. С. 508, 512.

³⁸³ Там же. С. 512.

пользовался в тот период заслуженной репутацией лидера либеральной бюрократии, олицетворял «движение в этом направлении» и первым попал под подозрение³⁸⁴.

Косвенно об этом свидетельствовали и сами петрашевцы, имевшие все основания не любить Л. А. Перовского. «Вспыхивает февральская революция, – вспоминал В. А. Энгельсон, имея в виду события во Франции 1848 г. – Известие об этом произвело в Петербурге потрясающее впечатление. Прекратились сейчас же все слухи, которые особенно сильно распространялись с ноября 1847 г., о намерении царя провозгласить освобождение крестьян»³⁸⁵. 8 ноября 1847 г., в ответ на одну из записок Перовского, был издан царский указ о праве крепостных при продаже имения выкупаться на волю без согласия помещиков. На этот же документ ссылался П. А. Кузмин, доказывая Следственной комиссии, что на встречах петрашевцев не обсуждались крамольные темы: «Уничтожение крепостного права. Само правительство вело к тому: а) учреждение обязанных крестьян; б) право, данное крестьянам выкупаться на волю в имениях, продаваемых с публичного торга, ежели крестьяне внесут в месячный срок ту сумму, на которой состоялся аукцион; в) право, данное крестьянам, приобретать недвижимую собственность. <...> Кто будет восставать против благодетельности этих мер, ведущих к цели высокой, путем последовательным?.. Разве было говорено вопреки этих мер?»³⁸⁶

Не составляло тайны и бывшее теперь весьма некстати декабристское прошлое министра. Высокий пост от опалы не гарантировал: на памяти был пример молниеносного низвержения либерального реформатора М. М. Сперанского в 1812 г. Для Л. А. Перовского настала пора позаботиться о прочности своих позиций и даже о собственной безопасности.

Николай I был склонен подозревать наличие революционного подполья в России. При известной же лени шефа жандармов графа А. Ф. Орлова (занявшего этот пост после кончины А. Х. Бенкендорфа в 1844 г.) и нежелании начальника штаба корпуса жандармов Л. В. Дубельта разоблачать мифические заговоры, у Л. А. Перовского появился шанс уронить III отделение в монаршем мнении. Всё сходилось на необходимости самому открыть тайное общество или, за неимением такового, сфабриковать соответствующее дело. Структура, пригодная для выполнения столь деликатной миссии, в распоряжении Перовского имелась – «контрполиция». Был и человек, идеально подходивший для этой операции, которого даже не симпатизировавшие ему современники считали «гениальным сыщиком»³⁸⁷, – И. П. Липранди. Помимо школы Видока, опыта, познаний и острого ума, у него, как и у его начальника, имелась потребность отмежеваться от декабристского прошлого.

Соперничество двух полицейских ведомств послужило питательной средой, в которой дело петрашевцев разбухло до несвойственных ему размеров.

В статье В. А. Энгельсона, написанной в эмиграции по просьбе А. И. Герцена, события поданы следующим образом: «...в августе 1848 г. министр внутренних дел получил уведомление о поведении Петрашевского. Он поселил одного шпиона в качестве торговца табаком в доме Петрашевского, чтобы войти в доверие его прислуги, а другого, по фамилии Антонелли... обязали сообщать министерству о заседаниях общества. Счастливый своим открытием, Перовский докладывает о нем государю, но, может быть, вы думаете, что он шепнул об этом и своему коллеге по тайной полиции, графу Орлову? Боже сохрани! Он потерял бы тогда отличный случай доказать царю, что тайная полиция состоит из ничтожеств. Перовский хочет оставить себе одному честь спасения отечества. Поэтому гр[аф] Орлов в течение шести месяцев не знает об этом большом деле; Перовский потирает себе руки и ухмыляется. К сожалению, он не может

³⁸⁴ Оксман Ю. Г. И. С. Тургенев на службе в министерстве внутренних дел // Ученые записки Саратовского университета. Вып. филологический. Т. 56. 1957. С. 175–176.

³⁸⁵ Энгельсон В. Статьи, прокламации, письма. М., 1934. С. 35; *Его же*. Петрашевский // Первые русские социалисты: Воспоминания участников кружков петрашевцев в Петербурге. Л., 1984. С. 68.

³⁸⁶ Кузмин П. А. Из записок // Первые русские социалисты. С. 289–290.

³⁸⁷ Анненков П. В. Литературные воспоминания. М., 1989. С. 510.

велеть государю хранить тайну: в минуту гнева государь, прежде чем его птицелов успел протянуть все силки, сказал графу Орлову, что у его ищеек нет нюха, что это – сопливые собаки. Оскорбленный в своем самолюбии, граф Орлов собирает сведения и докладывает царю, что министр внутренних дел, чтобы возвысить себя, наговорил Его величеству всякого вздора, что дело это совсем не так значительно, как его описывают, что не надо разукрашивать его, особенно в глазах иностранцев, и, приняв некоторые патриархальные меры против главных вождей, можно прекратить дело без шума и скандала»³⁸⁸.

Пользовавшийся информацией от своих родственников в высших бюрократических кругах, П. М. Ковалевский утверждал, что А. Ф. Орлов даже «пообещал согнуть в бараний рог всякого, кто посмеет раздуть дело, открытое министерством внутренних дел»³⁸⁹. Не могло не ударить по репутации жандармского ведомства и то обстоятельство, что по делу петрашевцев проходили сыновья бывшего управляющего III отделением генерала А. Н. Мордвинова³⁹⁰.

Инициаторами возбуждения своего дела петрашевцы считали Л. А. Перовского и И. П. Липранди. Последний якобы оказался на грани разоблачения в вымогательстве взяток от раскольников (скопцов) и поэтому затеял политическую провокацию. Ссылный Ф. Н. Львов сообщал в рукописи, отредактированной самим М. В. Петрашевским: «Зная честолюбие Перовского, он внушал ему, что вся полиция, как тайная, так и явная, должна быть сосредоточена у него в руках, что III отделение ничего не делает, что оно даже не следит за революционными собраниями, известными всему Петербургу, что он берется устроить все дело таким образом, что государь увидит ревность министра внутренних дел к охранению государства от внутренних и опасных врагов и недейтельность жандармов. Конечно, Перовский согласился»³⁹¹.

О том же писал и П. А. Кузмин, настаивавший, что «Иван Петрович Липранди – главный автор всей истории»: «Диверсия эта удалась как нельзя лучше, и министерство внутренних дел полагало, что оно делает двойной выигрыш: 1) Когда поднят вопрос о заговоре, то можно ли обращать хоть какое-либо внимание на то, что открыватели этого заговора притесняли каких-нибудь скопцов. 2) В течение нескольких лет шла борьба Перовского против Орлова, яко шефа жандармов, и в этой борьбе Перовский доказывал, что вся полиция должна сосредоточиться в министерстве внутренних дел, которое одно обязано охранять внутреннее спокойствие и предупреждать всякий беспорядок и следить за настроением общества чрез своих агентов, которые могут удобнее проникать в каждый общественный кружок, и что жандармское ведомство ничего не делает, чему может служить лучшим доказательством то, что обширное “общество Петрашевского”, давно существующее и пустившее свои корни по всей России, во все общественные слои, с целью ниспровергнуть благие учреждения самодержавия и самую православную церковь, остается неведомым для III отделения; и только усердию и верноподданнической преданности чинов министерства внутренних дел, с Перовским во главе и с подручным в лице Липранди, отечество обязано открытием этого заговора, и представляется возможность предотвратить опасность, грозившую государству, августейшему дому и православной церкви»³⁹².

³⁸⁸ Энгельсон В. Статьи... С. 36; *Его же*. Петрашевский. С. 69–70.

³⁸⁹ Бельчиков Н. Ф. Достоевский в процессе петрашевцев. М., 1971. С. 220–221.

³⁹⁰ Известный географ П. П. Семенов-Тянь-Шанский, также посещавший «пятницы» Петрашевского, вспоминал о «двух Мордвиновых» в числе кружковцев, «избегших» наказания (*Семенов-Тянь-Шанский П. П.* Мемуары // Первые русские социалисты. С. 78). Один из братьев в дальнейшем стал активным участником кружков 1860-х гг. и сотрудником А. И. Герцена (*Порох И. В.* История в человеке: Н. А. Мордвинов – деятель общественного движения в России 40–80-х годов XIX века. Саратов, 1971).

³⁹¹ Львов Ф. Н., *Буташевич-Петрашевский М. В.* Записка о деле петрашевцев // Первые русские социалисты. С. 49.

³⁹² Кузмин П. А. Указ. соч. С. 296, 317.

До создания тайного общества, если понимать под этим термином устойчивое общественное объединение с уставным документом, относительным единством взглядов, общими собраниями и иными совместными действиями³⁹³, дело у М. В. Петрашевского с товарищами так и не дошло. Вопрос о необходимости такого шага обсуждался, но положительно решен не был. В мемуарах петрашевцы едины во мнении, что их кружки не переросли в общество, поскольку не имели ни сформулированной цели, ни программы, а их посетители не были связаны какими-либо обязательствами³⁹⁴.

Пожалуй, самый известный мемуарист из числа петрашевцев, Д. Д. Ахшарумов, вспоминал: «То, что в 49-м году вменялось нам в вину, и за что после восьмимесячного одиночного заключения полевым уголовным судом мы были приговорены к смертной казни расстрелянием, в настоящее время показалось бы маловажным и не заслуживающим никакого преследования: у нас не было никакого организованного общества, никаких общих планов действия, но раз в неделю у Петрашевского были собрания, на которых вовсе не бывали постоянно все одни и те же люди; иные бывали часто на этих вечерах, другие приходили редко, и всегда можно было видеть новых людей. Это был интересный kaleidoscope разнообразнейших мнений о современных событиях, распоряжениях правительства, о произведениях новейшей литературы по различным отраслям знания; приносились городские новости, говорилось громко обо всем, без всякого стеснения. <...> Все мы вообще были то, что теперь называют либералами, но общественного союза в каком-либо определенном направлении между нами не было, и мысли наши, хотя выражались словами в разговорах, и ими иногда пачкались, наедине, клочки бумаги, но в действие они никогда не приходили»³⁹⁵.

Барон М. А. Корф, занимавший высокие посты в николаевской администрации и отнюдь не сочувствовавший петрашевцам, также отмечал в своих «Записках»: «Покушений или приготовления к бунту в настоящем с достоверностью открыто не было, и все представляло более вид безумия, нежели преступления. <...> Члены <Следственной комиссии. – В.Ш. > называли это дело – заговором идей, чем и объясняли трудность дальнейших раскрытий: ибо если можно обнаружить факты, то как же уличить в мыслях, когда они не осуществились еще никаким проявлением, никаким переходом в действие?»³⁹⁶

Подобное же представление о «заговоре петрашевцев» было присуще многим российским и зарубежным авторам. В рассказе «Разжалованный», созданном Л. Н. Толстым под впечатлением от кавказского знакомства с петрашевцами А. И. Европеусом и Н. С. Кашкиным, вся эта история характеризуется как «несчастливая», «глупая и ужасная». Стефан Цвейг в эссе «Достоевский» недоумевал: «...горячие споры в обществе нескольких друзей, названные громким именем “заговора Петрашевского” – и все... преступление...» «Идеи были самые радикальные в смысле переустройства человечества, но характер бесед самый мирный и безобидный, – настаивал Н. А. Бердяев. – Никакой революционной деятельностью петрашевцы не занимались, – в те времена революционной деятельности в России не было и не могло быть, – все происходило в сфере мысли»³⁹⁷. Американский историк Дж. Эванс в монографии «Кружок Петрашевского» также объяснял возникновение дела не революционностью кружковцев, а противоборством Л. А. Перовского с А. Ф. Орловым. Опасность выявленной крамолы для николаевского режима оценивалась им как весьма сомнительная. Сам Петрашевский, по мнению Эванса, «не был революционером»³⁹⁸.

³⁹³ Бокова В. М. Эпоха тайных обществ. М., 2003. С. 42.

³⁹⁴ Львов Ф. Н., Буташевич-Петрашевский М. В. Указ. соч. С. 46–48; Семенов-Тянь-Шанский П. П. Указ. соч. С. 88, 94–96; Энгельсон В. А. Петрашевский. С. 64–65.

³⁹⁵ Ахшарумов Д. Д. Из моих воспоминаний // Первые русские социалисты. С. 179, 182.

³⁹⁶ Корф М. А. Указ. соч. С. 498.

³⁹⁷ Бердяев Н. А. Истоки и смысл русского коммунизма. М., 1990. С. 27.

³⁹⁸ Evans J. L. The Petrasevskij circle. 1845–1849. Mouton, 1974. P. 79, 94–95, 101; Шевырин В. М. [Рецензия] // Вопросы

Автором диаметрально противоположной трактовки дела петрашевцев выступил И. П. Липранди. Обеспокоенный тем, что Следственная комиссия не придавала, как ему казалось, должного значения открытому заговору, он подал 17 августа 1849 г. на имя ее председателя генерал-адъютанта И. А. Набокова собственное «Мнение». Липранди настойчиво и последовательно представлял паутину тайного общества, опутавшего всю страну: «Я никак не мог остаться при мысли, чтобы умышленное общество даже и здесь состояло из тех только людей, которых агент мой видел и слушал в собраниях Петрашевского в последние шесть пятниц»; «...таковые собрания были у Пальма, Дурова и Щелкова (живших вместе) и у Монбеле» <Н. А. Момбелли. – *В.Ш.*>; «...люди, принадлежавшие к наблюдаемому обществу, находились вне столицы, в разных провинциях, и об них здешние сочлены ясно говорили, что им поручено везде стараться сеять идеи, составляющие основу их учения, приобретать обществу соумышленников и сотрудников и таким образом готовить повсюду умы к общему восстанию»³⁹⁹.

Сравнивая петрашевцев с декабристами, Липранди находил, что новые заговорщики опаснее прежних: «Обыкновенные заговоры бывают большею частию из людей однородных, более или менее близких между собою по общественному положению. Например, в заговоре 1825 года участвовали исключительно дворяне и притом преимущественно военные. Тут же, напротив, с гвардейскими офицерами и с чиновниками министерства иностранных дел рядом находятся не кончившие курс студенты, мелкие художники, купцы, мещане, даже лавочники, торгующие табаком. Очевидно казалось мне, что сеть была заткана такая, которая должна была захватить все народонаселение, и, следовательно, чтоб действовать не на одном месте, а повсюду»⁴⁰⁰.

Стремление доказать революционность петрашевцев вынуждало советских историков более доверять Л. А. Перовскому, И. П. Липранди и их агенту П. Д. Антонелли, чем М. В. Петрашевскому с его кружковцами. Даже признавая отсутствие тайного общества, они продолжали настаивать на том, что «дальнейшая деятельность кружков петрашевцев привела бы к созданию тайного революционного общества революционно-демократического типа»⁴⁰¹. Правда, без указания на сопротивление полицейских ведомств не обошлась ни одна отечественная работа, посвященная петрашевцам или хотя бы обстоятельно о них упоминавшая⁴⁰². Но общая оценка событий начала меняться только в постсоветские 1990-е гг.

Современные исследователи приходят к выводам, близким логике петрашевцев или Дж. Эванса. Так, Ф. М. Лурье пишет: «Именно в результате соперничества между III отделением и полицией родилось самое серьезное после восстания декабристов политическое дело николаевского царствования – дело петрашевцев. Оно являет собой классический пример запланированной политической провокации, впервые примененной при производстве политического сыска в России»⁴⁰³. «О желательности тайного общества велись разговоры, но они кончились ничем, – отмечает И. Л. Волгин. – Поэтому для того, чтобы предать петрашевцев суду, необходимо было раздуть дело. <...> Судьба отдельных людей оказалась в прямой зависимости от взаимоотношений отдельных частей государственного механизма»⁴⁰⁴.

истории. 1975. С. 190; *Возный А. Ф.* Петрашевский и царская тайная полиция. Киев, 1985. С. 48–49.

³⁹⁹ *Липранди И. П.* Отрывок из мнения действительного статского советника Липранди // Полярная звезда. М., 1968. Кн. 7. Вып. 1. С. 26–27, 28.

⁴⁰⁰ *Липранди И. П.* Указ. соч. С. 30.

⁴⁰¹ *Федосов И. А.* Революционное движение в России во второй четверти XIX в. М., 1958. С. 329.

⁴⁰² *Бельчиков Н. Ф.* Указ. соч. С. 220; *Ерошкин Н. П.* Крепостническое самодержавие и его политические институты: (Первая половина XIX века). М., 1981. С. 121; *Оржиховский И. В.* Самодержавие против революционной России (1826–1880 гг.). М., 1982. С. 220; *Егоров Б. Ф.* Возникновение социалистической мысли в России // Первые русские социалисты. С. 27; *Его же.* Петрашевцы. Л., 1988. С. 107–108, 110; *Возный А. Ф.* Указ. соч. С. 48–50 и др.

⁴⁰³ *Лурье Ф. М.* Полицейские и провокаторы. С. 65; *Его же.* Политический сыск в России: 1649–1917 гг. М., 2006. С. 64.

⁴⁰⁴ *Волгин И. Л.* Колебясь над бездной: Достоевский и русский императорский дом. М., 1998. С. 143; *Его же.* Пропавший заговор. С. 334.

Как «наиболее известная провокация, проведенная Третьим отделением» представлено дело петрашевцев в одной из монографий Е. В. Анисимова⁴⁰⁵. Впрочем, в последнем случае маститый историк не избежал ловушки, расставленной хитроумным И. П. Липранди. Понимая, что сведения о конкуренции в полицейской среде весомости его версии не прибавят, Липранди уверял, что предмет расследования был указан ему 10 марта 1848 г. совместно Л. А. Перовским и А. Ф. Орловым. Сцену получения задания он детально описал в 1857 г. в письме А. И. Герцену. «Мы решили возложить собрание этих сведений на вас», – якобы сказал Орлов при молчании Перовского. «Мысль о том, что дело Петрашевского выкопано и развито в пику графу (теперь князю) Орлову с целью показать ничтожность тайной полиции, есть совершенно несправедливая и ни на чем не основанная. <...> Наблюдение, а потом расследование означенного дела происходило с начала до конца по взаимному совещанию графа Орлова и бывшего министра внутренних дел Перовского, как лиц, стоявших по званиям своим на страже спокойствия государства, из коих один как шеф корпуса жандармов, а другой как генерал-полицимейстер государства. <...> И им обоим я предоставлял свои донесения...»⁴⁰⁶ По словам Липранди, требование графа Орлова, «чтобы мои не знали во избежание столкновения», ставило его «в крайне неловкое положение в отношении к Л. В. Дубельту», с которым они «были с 1812 г. соштабниками 6-го корпуса Дохтурова» и сохранили с тех пор «взаимное дружеское расположение»⁴⁰⁷.

Версия о мирном сотрудничестве двух ведомств попала в доклад генерал-аудиториата на высочайшее имя, при этом пальма первенства даже отошла III отделению: «В марте месяце 1848 года дошло до сведения шефа жандармов, что титулярный советник Буташевич-Петрашевский... обнаруживает большую склонность к коммунизму и с дерзостью провозглашает свои правила. Поэтому шеф жандармов приказал учредить за Петрашевским надзор. В то же самое время министр внутренних дел по дошедшим до него сведениям о преступных наклонностях Петрашевского в политическом отношении и о связях его со многими лицами, слившимися как бы в одно общество для определенной цели, учредил со своей стороны наблюдение за Петрашевским. Но как столкновение агентов двух ведомств могло иметь вредное последствие – открыть Петрашевскому тайну надзора и отнять у правительства возможность обнаружить его преступные замыслы, то шеф жандармов по соглашению с графом Перовским предоставил ему весь ход этого дела, а граф Перовский возложил это на действительного статского советника Липранди»⁴⁰⁸.

Затем эта версия перекочевала на страницы мемуаров⁴⁰⁹ и, наконец, утвердилась в позднейшей литературе. Французский писатель Анри Труайя (Лев Тарасов) утверждал, например, что «граф Орлов, генерал, шеф жандармов, поручил чиновнику Министерства внутренних дел Липранди расследовать это дело»⁴¹⁰. Факт распоряжения чужим чиновником оставлен без объяснений⁴¹¹. Автор книги о III отделении И. Симбирцев и вовсе называет Липранди «одним из наиболее профессиональных информаторов Третьего отделения с первых дней его существования», который «после своей работы в организации Петрашевского... стал кадровым чиновником Третьего отделения и получил чин полковника, совершив редкий прыжок из тайных осведомителей в ранг оперативника спецслужбы»⁴¹². «Прыжок» действительно редкий, учиты-

⁴⁰⁵ Анисимов Е. В. Императорская Россия. СПб., 2008. С. 486.

⁴⁰⁶ Волгин И. Л. Пропавший заговор. С. 34.

⁴⁰⁷ Бельчиков Н. Ф. Указ. соч. С. 218.

⁴⁰⁸ Лурье Ф. М. Полицейские и провокаторы. С. 66.

⁴⁰⁹ Корф М. А. Указ. соч. С. 464.

⁴¹⁰ Труайя А. Федор Достоевский. М., 2004. С. 122.

⁴¹¹ Еще более необъяснимым образом в одной из монографий приказ И. П. Липранди о слежке за петрашевцами дал «военный министр» (Пустильник Л. С. Жизнь и творчество А. Н. Плещеева. М., 1988. С. 58).

⁴¹² Симбирцев И. Указ. соч. С. 167. Далее фантазия автора еще более разыгрывается, благодаря чему можно узнать,

вая, что Липранди уже являлся генерал-майором в отставке с 1832 г. и имел чин действительного статского советника с 1843 г.

Другие авторы предпочитают следовать версии Ф. Н. Львова и П. А. Кузмина о И. П. Липранди как главном инициаторе дела петрашевцев, часто принимая без доказательств версию о скопческих взятках⁴¹³.

Любопытную версию выдвинул И. Л. Волгин, отметив, что, согласно источникам, Николай I впервые узнал о подозрительном поведении Петрашевского не от чиновников полицейских ведомств, а «через баб», т. е., вероятно, от придворных дам. Соответственно, и первый импульс шел от императора к полиции, а не наоборот⁴¹⁴. Узнать это, действительно, было несложно. «О “пятницах” Петрашевского знал весь город, но знал так, что о них говорили не иначе как смеясь», – вспоминал К. С. Веселовский⁴¹⁵. По сути это были журфиксы (приемные дни), на которые в соответствии с возрастом и наклонностями хозяина приглашались преимущественно молодые и хорошо образованные люди. Обсуждение политических вопросов и чтение запрещенных книг на таких приемах, конечно, властями не приветствовались, но они не были из ряда вон выходящим явлением. Чтобы обнаружить подобные сборища, Л. А. Перовскому не было нужды даже покидать здание МВД.

Его сотрудник П. И. Мельников (будущий писатель Андрей Печерский) вспоминал: «Перовский любил окружать себя пишущими людьми, признавал и открыто высказывал, что каждому истинно просвещенному министру так поступать необходимо. Без просьб, без ходатайств переводил он молодых людей, заявивших чем-нибудь себя в науке или литературе, из губерний в министерство, назначая их на места, которых тщетно добивались кандидаты с сильными протекциями»⁴¹⁶. В числе этих «пишущих людей» назовем В. И. Даля, И. С. Тургенева, Н. И. Надеждина. Ставка Перовского на таланты, которую отмечают и современные исследователи⁴¹⁷, была его ответом российскому бюрократизму, последовательным борцом с которым он себя зарекомендовал.

Но у такой кадровой политики была и обратная сторона: «пишущие люди» в России и раньше казались властям подозрительными, а в 1848 г. – и подавно. Домашние же собрания литераторов и ученых были общим правилом, которым не пренебрегали и те из них, которые служили в МВД. Подобные «четверги» проводил у себя В. И. Даль, живший на втором этаже министерского здания (квартира Л. А. Перовского располагалась на четвертом). Даль был «передан» министру его братом, оренбургским военным губернатором В. А. Перовским, уехавшим после неудачного Хивинского похода 1839–1840 гг. поправлять здоровье и нервы в Европу. При министре Даль занял ту же должность и то же положение, что и при оренбургском губернаторе, – чиновника особых поручений, а по сути – ближайшего помощника, облеченного безусловным доверием. «Даль, первый любимец министра и доверенное его лицо, которого все губернаторы боятся более, нежели Перовского», – сообщал в III отделение Ф. В. Булгарин⁴¹⁸.

По свидетельству А. В. Головина, Л. А. Перовский доверил В. И. Дально возглавить учрежденное им оригинальное подразделение МВД, название которого случайно или намеренно

что «при Дубельте» Липранди «занимался вопросами политической цензуры», и «его строгость в качестве цензора вошла в легенды».

⁴¹³ *Егоров Б. Ф.* Возникновение... С. 28; *Его же.* Петрашевцы. С. 109–110, 110; *Лурье Ф. М.* Полицейские и провокаторы. С. 65; *Сараскина Л. И.* Николай Спешнев: Несбывшаяся судьба. М., 2000. С. 152; *Достоевский: Энциклопедия / Сост. Н. Н. Наседкин.* М., 2008. С. 633.

⁴¹⁴ *Волгин И. Л.* Пропавший заговор. С. 30.

⁴¹⁵ *Лейкина-Свирская В. Р.* Петрашевцы. М., 1965. С. 35.

⁴¹⁶ *Мельников П. И.* Воспоминания о Владимире Ивановиче Дале // *Русский вестник.* 1873. № 3. С. 310–311.

⁴¹⁷ *Тодд Ш У. М.* Литература и общество в эпоху Пушкина. СПб., 1996. С. 80; *Энгельштейн Л.* Скопцы и Царство Небесное. М., 2002. С. 78–79.

⁴¹⁸ *Видок Фиглярин.* С. 492.

совпало с исчезнувшим из структуры министерства в 1826 г., – Особенную канцелярию⁴¹⁹: «Это было вскоре по назначении министром Льва Алексеевича Перовского, во время самой кипучей его деятельности. Особенной канцелярией управлял Вл. Ив. Даль, известный в литературе нашей под псевдонимом Казака Луганского, и к которому Перовский имел в то время большое доверие. В Особенную канцелярию министр передавал на время из департаментов министерства разного рода дела, которые желал вести под своим личным ближайшим наблюдением по их особенной важности, или по которым желал иметь доклады, записки, отношения, писанные большим знатоком всех тонкостей русского языка, каковым являлся Даль. По этим же обстоятельствам служба в Особенной канцелярии была весьма интересною и приятною»⁴²⁰. Именно в этой канцелярии готовилась записка «Об уничтожении крепостного состояния в России», поданная Перовским царю в 1846 г.

К Далю на «четверги» собирались многие выдающиеся представители научной и творческой интеллигенции: профессор Медико-хирургической академии Н. И. Пирогов, основатель эмбриологии К. М. Бэр, мореплаватели Ф. П. Врангель и Ф. П. Литке (бывший в свое время членом тайного общества декабристов), литераторы И. И. Панаев, А. А. Краевский, И. А. Гончаров, Н. И. Надеждин, Т. Г. Шевченко, В. Ф. Одоевский, во время наездов в столицу – актер М. С. Щепкин. На одном из таких собраний в 1845 г. родилась идея создания Русского Императорского географического общества⁴²¹. Представительство петрашевцев в Географическом обществе оказалось весьма внушительным. Уже в начале 1846 г. в общество были приняты А. П. Баласогло и В. С. Порошин, в течение 1848 г. его членами стали П. А. Кузмин, В. А. Милютин, Н. А. Спешнев, В. М. Романович-Любич, в начале 1849 г. – Н. С. Кашкин (сын декабриста С. Н. Кашкина), Н. А. Мордвинов, А. И. Европеус, П. П. Семенов (будущий Семенов-Тянь-Шанский, сын участника Союза благоденствия П. Н. Семенова)⁴²².

Дальнейшее известно в пересказе П. И. Мельникова, информатором которого выступал сам В. И. Даль: «В 1848 году граф Перовский, находившийся тогда в сильной борьбе с графами Орловым и Нессельроде <шефом жандармов и канцлером. – В.Ш.>, сказал однажды Далю: “До меня дошли слухи, которые могут быть истолкованы в дурную сторону... Что у вас за собрания по четвергам, и какие записки вы пишете?”». Вопрос был скорее риторическим, поскольку «четверги» не составляли тайны, а с составлявшимися на них записками Перовский был не только знаком, но даже предоставлял для их составления информацию. Но теперь министр изрек: «Надо быть осторожнее», и Даль сжег дневники и записки в камине, а «четверги» прекратил⁴²³. «Попадись тогда мои записки в недобрые руки, их непременно сделали бы пунктом обвинения Льва Алексеевича», – признавался Даль Мельникову⁴²⁴.

Одновременно творчество В. И. Даля попало на заметку учрежденного 2 апреля 1848 г. Комитета для высшего надзора за духом и направлением печатаемых в России произведений⁴²⁵. От обычной цензуры этот комитет, по словам его члена М. А. Корфа, отличало право «представлять все замечания и предложения свои непосредственно государю»⁴²⁶. В ноябре 1848 г. председатель «Комитета 2-го апреля» член Государственного совета Д. П. Бутурлин

⁴¹⁹ Неофициальный характер структур, созданных Л. А. Перовским внутри своего министерства, обусловил путаницу в их названиях. Так, Особенной (Особой) канцелярией называют также «контрполицию» МВД, и этом случае ее начальником справедливо указывают И. П. Липранди (Чукарев А. Г. Указ. соч. С. 527, 528).

⁴²⁰ Головин А. В. Указ. соч. С. 102.

⁴²¹ Бессараб М. Я. Владимир Даль. М., 1972. С. 124–126.

⁴²² Вальская Б. А. Петрашевцы в Русском географическом обществе // Труды Института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. Л., 1977. Т. 104. С. 54.

⁴²³ Егоров Б. Ф. Петрашевцы. С. 117.

⁴²⁴ Порудоминский В. И. Даль. М., 1971. С. 279–280.

⁴²⁵ Жирков Г. В. История цензуры в России XIX–XX в. М., 2001. С. 89–90.

⁴²⁶ Корф М. А. Указ. соч. С. 429.

сообщил министру народного просвещения С. С. Уварову, что по недосмотру цензора в тексте повести Даля «Ворожейка» в печать попал «намек на обычное будто бы бездействие начальства» («...заявили начальству – тем, разумеется, дело кончилось»). Литератор и цензор А. В. Никитенко сокрушался на страницах своего дневника: «Далю запрещено писать. Как? Далю, этому умному, доброму, благородному Далю! Неужели и он попал в коммунисты и социалисты? <...> Бутурлин отнесся к министру внутренних дел с запросом, не тот ли это самый Даль, который служит у него в министерстве?» По версии Никитенко, Перовский поставил перед Далем дилемму: «Писать – так не служить, служить – так не писать»⁴²⁷.

Не служить В. И. Даль, обремененный большим семейством, не мог. Но в столице в эти «времена шатки» он чувствовал себя небезопасно и стал просить у Л. А. Перовского перевода в провинцию. Тот, по словам П. И. Мельникова, «и слышать не хотел об удалении из Петербурга... самого преданного друга». Спустя полгода Даль всё же добился своего: 7 июня 1849 г. он был назначен управляющим удельной конторой в Нижнем Новгороде.

Одновременно с «четвергами» В. И. Даля прекратили существование «субботы» Н. И. Надеждина, литературного критика, эстетика и философа, пострадавшего в 1836 г. за публикацию «Философического письма» П. Я. Чаадаева. После назначения Л. А. Перовского министром Надеждин поступил на службу в МВД, где с 1843 г. и до своей кончины редактировал министерский журнал. Если Даля предостерег Перовский, то Надеждину об опасности политических бесед в квартире, «коей окошки не много выше пояса», намекнул И. П. Липранди, в то самое время получивший монопольные права на организацию слежки за петрашевцами. Однако собственные журфиксы по пятницам Липранди не только не отменил, но и добавил к ним еще два приемных дня в неделю: стал жить «открытым домом», как тогда говорили. Причина, или хотя бы отговорка для этого, нашлась всякая: он не просто кормил и развлекал разговорами до двадцати молодых людей, но подбирал из их числа кандидатуры для слежки за петрашевцами⁴²⁸.

Почему же именно М. В. Петрашевский был избран, по словам его товарища Ф. Н. Львова, «козлом отпущения – жертвою вечернею за грехи русского народа»⁴²⁹? Император знал об участии Петрашевского в выборах в Петербургскую городскую думу весной 1848 г. «Понятно, почему Липранди избрал преимущественно Петрашевского предметом своей нежной заботливости: Петрашевский был лично ненавистен Николаю Павловичу и Перовскому», – утверждал Ф. Н. Львов. Петрашевский фразу поправил: «Петрашевский мог быть неприятен Николаю Павловичу и лично ненавистен Перовскому»⁴³⁰. Во время выборов он распространил собственную литографическую записку «О способах увеличения ценности дворянских или населенных имений». Липранди также вспоминал о возникновении у его начальника интереса к личности Петрашевского: «Получив приказание от Его сиятельства министра внутренних дел стараться достать экземпляр этой записки, я не встретил к тому большого затруднения, так как записка эта была роздана на выборах многим дворянам. Содержание записки не могло не обратить внимания господина министра, и она тотчас же была препровождена к Его сиятельству шефу жандармов, который равномерно усмотрел важность ее содержания, и оба они заметили, что это должно быть плодом тайного, обдуманного предначертания»⁴³¹.

Историки акцентируют внимание на следующих предложениях, отраженных в записке Петрашевского: разрешить купцам покупать помещичьи имения, при этом проживавшие в

⁴²⁷ Бессараб М. Я. Указ. соч. С. 153–154; Никитенко А. В. Указ. соч. С. 509; Порудоминский В. И. Указ. соч. С. 282–284.

⁴²⁸ Возный А. Ф. Указ. соч. С. 58.

⁴²⁹ Львов Ф. Н., Буташевич-Петрашевский М. В. Указ. соч. С. 40.

⁴³⁰ Львов Ф. Н., Буташевич-Петрашевский М. В. Указ. соч. С. 49.

⁴³¹ Липранди И. П. Указ. соч. С. 34.

таких имениях крепостные получали свободу⁴³²; уравнивать таких купцов-землевладельцев с прочими помещиками в дворянских собраниях; организовать сеть кредитных учреждений – банков и сберегательных касс для землевладельцев; улучшить судопроизводство и надзор за административными органами. Резюме сводится к тому, что это была попытка постепенного реформирования крепостнической системы⁴³³.

Подобные инициативы могли вызвать возмущение предводителя дворянства Петербургской губернии А. М. Потемкина и, возможно, А. Ф. Орлова, но не Л. А. Перовского. Получение свободы крепостными при смене владельца имения согласовалось с его собственными инициативами; сберегательные кассы стали открываться в России с 1841 г. в соответствии с указом Николая I; о необходимости более действенного контроля за чиновничеством Перовский писал неоднократно.

Вероятно, недовольство властей (и министра внутренних дел в том числе) вызвали не столько изложенные в записке предложения, сколько способ ее распространения. А. М. Потемкин не позволил Петрашевскому выступить в собрании, и тот раздал свой опус знакомым и даже отослал часть экземпляров в провинцию. Историк А. Ф. Возный, допустив не вполне корректные замечания по поводу политической позиции Перовского⁴³⁴, дал, однако, убедительное истолкование негативной реакции последнего: «... как посмел какой-то титулярный советник... размножать свои рассуждения о предмете взрывоопасном?»⁴³⁵ Действительно, если бы литографическая записка, разойдясь по России, вызвала волнения крепостных, то усмирять их пришлось бы министру внутренних дел.

Иные предложения выделил в записке Петрашевского Ф. Н. Львов: «Полиция будет устранена от многих хозяйственных распоряжений по городу, а домохозяева получают определенные гарантии относительно неисправных жильцов и против притязаний полиции». Помимо этого, Петрашевский вступил в борьбу за место думского секретаря с креатурой Перовского: «Министерство предложило своего кандидата и неправильными выборами доставило ему место секретаря. Петрашевский завел с министерством по этому случаю процесс в Сенате и уже в крепости получил отказ на свою просьбу»⁴³⁶. В письме Д. И. Завалишину Ф. Н. Львов дополнял картину противостояния характеристикой Петрашевского: «*Fiat justitia, pereat mundus*⁴³⁷ – его любимый девиз, хотя я и говорил ему: на что же нужна и как будет существовать справедливость, когда мир погибнет? <...> Отсюда проистекали его процессы с министром Перовским за городские выборы...»⁴³⁸

Вернемся в 1849 г., воспользовавшись воспоминаниями В. А. Энгельсона: «Перовский, боясь, как бы столкновение мнений <с ведомством графа Орлова. – *В.Ш.*> не выяснило правду, как бы не нашли только зародыш заговора, далеко не достигшего приписываемых ему размеров... упрасивает царя отсрочить арест виновных. При этом он сказал царю (он сам хвастался потом): “Государь, позвольте мне еще некоторое время следить за поведением этих заговор-

⁴³² Шестью годами ранее ссыльный декабрист М. А. Фонвизин также выражал надежду на то, что «правительство может дать право приобретать покупкой населенные имения и владеть ими лицам всех свободных сословий, т. е. личным дворянам, купцам, мещанам, государственным крестьянам, вольноотпущенным из крепостных и иностранным капиталистам, которые вступят в подданство России, но с тем только ограничением, чтобы при покупке населения тех имений непременно обращено было в состояние обязанных крестьян» (*Фонвизин М. А. Сочинения и письма*. Иркутск, 1982. Т. II. С. 100).

⁴³³ *Егоров Б. Ф.* Возникновение... С. 15; *Возный А. Ф.* Указ. соч. С. 47, 48.

⁴³⁴ Характеризуя действия Л. А. Перовского в марте 1848 г., А. Ф. Возный пишет, что тот «был некогда автором записки об уничтожении крепостного состояния в России и членом соответствующих секретных комитетов, созданных по повелению Николая I в первый период его царствования, когда он еще пытался играть роль народного благодетеля» (*Возный А. Ф.* Указ. соч. С. 48). Между тем упомянутая записка была подана Перовским императору в недалеком 1846 г. Тогда же для ее обсуждения был создан и очередной секретный комитет.

⁴³⁵ *Возный А. Ф.* Указ. соч. С. 48.

⁴³⁶ *Львов Ф. Н., Бутаевич-Петрашевский М. В.* Указ. соч. С. 51.

⁴³⁷ Да восторжествует справедливость, хотя бы погиб мир (лат.).

⁴³⁸ *Львов Ф. Н.* Письмо к Д. И. Завалишину // Первые русские социалисты. С. 107.

щиков, и я обещаю доложить Вашему величеству не только об их разговорах, но и о мечтах, грезившихся им во сне”». Монарх настоял на арестах и вскоре раскаялся, что «не последовал совету Перовского “дать заговору созреть и расшириться, чтобы можно было одним ударом вырвать все плевелы из русской земли”. Перовский торжествует: не удается доказать, что он преувеличил опасность, а если следы заговора потеряны, то в этом виноват не он»⁴³⁹.

На 23–26 апреля было намечено вступление русской армии на территорию австрийской Галиции для борьбы с европейскими революционерами, и в этой ситуации Николай I опасался оставлять у себя в тылу отечественных заговорщиков. Вечером 20 апреля И. П. Липранди был вытребован к А. Ф. Орлову, где ему сообщили высочайшую волю «о прекращении... дальнейшего ведения дела и о передаче его в III отделение», а именно в руки Л. В. Дубельта. Последний был «был поражен, как громом» тем, что ни его старинный друг Липранди, ни непосредственный начальник Орлов не известили его своевременно о важном политическом деле.

Возможно, впрочем, что скромность А. Ф. Орлова была не столь велика. «Несколько школьников из Училища правоправедения гуляли в каком-то трактире, пели либеральные песни и что-то ввали о республике. Двое из них сидят теперь в канцелярии графа Орлова. Тут попался, между прочим, какой-то князь Гагарин», – сообщает запись за 25 февраля 1849 г. в дневнике А. В. Никитенко⁴⁴⁰. Студент-правовед Д. Ф. Политковский донес в III отделение, что один его товарищ, Н. В. Гагарин, вспоминая К. Ф. Рылеева и иных декабристов, грозился: «Если удастся, сделаем с государем то, что он сделал с теми», а другой, М. И. Беликович, «говорил о выгодах республики и о будущей свободе Польши»⁴⁴¹. Директор училища Н. С. Голицын так объяснил щекотливую для него ситуацию: «Говорили, что император Николай утром после открытия заговора Петрашевского встретил входившего в кабинет Орлова словами: “Хорош! Открыт заговор, а я узнал об этом не от тебя, а от Перовского! Узнай и доложи почему?” Орлов – к Дубельту, а этот, как казна, которая в огне не горит и в воде не тонет, недолго думая, закинул свою удочку поблизости – в Училище правоправедения, привлек идиота Политковского и выманил у него донос на товарищей его же класса, Беликовича и князя Гагарина...»⁴⁴². В результате Гагарин был отправлен юнкером на Кавказ, а Беликович – рядовым в Оренбургский корпус. П. Д. Антонелли сообщал, что Петрашевский обсуждал этот случай с кружковцами, но как предостережение не воспринял.

Получив 21 апреля монаршее указание «приступить к арестованию» петрашевцев, А. Ф. Орлов исполнил его в ночь с 22 на 23 апреля. Перовский «переиграл» Орлова: заговор был разоблачен «контрполицией», жандармерию привлекли лишь к арестам кружковцев. Собственно III отделение осталось не у дел. «С момента своего создания в 1826 году и вплоть до процесса 1849 года III Отделение не раскрыло ни одного крупного политического преступления, – констатирует И. Л. Волгин. – А то, которое, наконец, обнаружилось, было раскрыто не им»⁴⁴³.

24 апреля в Петропавловской крепости, где содержались арестованные, собралась Следственная комиссия. Председателем был назначен комендант крепости генерал И. А. Набоков. В 1826 г., будучи председателем военно-судной комиссии в Могилеве, он разбираал дела участников декабристского выступления на юге. Вероятно, именно это обстоятельство позволило ему вывести из-под удара своего младшего брата Петра – члена Южного общества и командира Кременчугского пехотного полка, на помощь которого в декабре 1825 г. рассчитывал предводитель «южного бунта» С. И. Муравьев-Апостол⁴⁴⁴.

⁴³⁹ Энгельсон В. Статьи... С. 36–37, 38; *Его же*. Петрашевский. С. 70, 71.

⁴⁴⁰ Никитенко А. В. Указ. соч. С. 524.

⁴⁴¹ Чукарев А. Г. Указ. соч. С. 547–548.

⁴⁴² Голицын Н. С. К характеристике III отделения // Эпоха Николая I в воспоминаниях и свидетельствах его современников. М., 2001. С. 177–178.

⁴⁴³ Волгин И. Л. Пропавший заговор. С. 43.

⁴⁴⁴ Ильин П. В. Новое о декабристах. Прощенные, оправданные и не обнаруженные следствием участники тайных обществ

Генеральские эполеты украшали плечи и других членов Следственной комиссии: П. Гагарина, В. А. Долгорукова, Л. В. Дубельта и Я. И. Ростовцева. Яков Иванович Ростовцев, бывший член Северного общества, будет интересоваться нас особо. По свидетельству М. А. Корфа, в состав комиссии он был введен «впоследствии»⁴⁴⁵, т. е. после первых четырех членов. Возможно, включая бывшего декабриста в число следователей, Николай I лишней раз напоминал ему о политических прегрешениях юности⁴⁴⁶. Официально же Ростовцев привлекался к работе в комиссии как царский генерал-адъютант⁴⁴⁷. «Герой дня» И. П. Липранди был допущен к работе во вспомогательной Следственной комиссии, разбиравшей бумаги петрашевцев. Эту комиссию возглавлял статс-секретарь А. Ф. Голицын, а членами, помимо Липранди, были два представителя III отделения⁴⁴⁸.

Среди петрашевцев было немало выпускников и преподавателей военно-учебных заведений, начальником штаба которых был Я. И. Ростовцев. «Для целей пропаганды сделаться учителем в военно-учебных заведениях» пытался и Петрашевский, ради чего встречался с генералом и с успехом выдержал назначенное испытание. Места он так и не получил, вероятно, из-за экстравагантности внешнего облика и поведения. Зато Ростовцев оказал Петрашевскому весомую поддержку в ином деле. В декабре 1844 г. в «Русском инвалиде» появился проспект издания готовящегося к выходу «Карманного словаря иностранных слов, вошедших в состав русского языка». Издателем выступал родственник Ростовцева штабс-капитан Н. С. Кириллов. Петрашевский предложил издателю свои услуги и оказал влияние уже на содержание первого выпуска (тома), увидевшего свет в апреле 1845 г. Годом позже под редакцией Петрашевского вышел второй выпуск. В подготовке издания также участвовали кружковцы В. Н. Майков и Р. Р. Штрэндман. По мнению историков, в «Карманном словаре» петрашевцам удалось «изложить общие принципы утопического социализма»⁴⁴⁹, а само издание стало «крупнейшим практическим мероприятием кружка»⁴⁵⁰.

Цензура спохватилась поздно. Не распроданные еще экземпляры (1 600 из 2 000) изъяли и уничтожили, цензор поплатился местом, в том же году был смнен и ответственный за общую цензуру министр народного просвещения С. С. Уваров. Само издание и чрезмерная лояльность цензуры стали возможны благодаря посвящению словаря великому князю Михаилу Павловичу. С просьбой о дозволении этого посвящения к цареву брату обращался Я. И. Ростовцев, служивший с 1826 г. под его непосредственным началом. С генералом по родственному договорился Кириллов, но авторство этого тактического хода историки приписывают Петрашевскому⁴⁵¹. Вероятно, с этой же историей связана записка Ростовцева к Петрашевскому, всплывшая и пропавшая на следствии 1849 г. По позднему свидетельству Липранди, в бумагах Петрашевского была обнаружена «надпись, строчек пятнадцать, рукою Я. И. Ростовцева». Некто составил для Ростовцева проект речи, обращенной к великому князю Михаилу Павловичу. Будущему члену Следственной комиссии речь не понравилась, и он отослал ее будущему подследственному с обращением: «Любезный Петрашевский!» Голицын спрятал компрометирующий документ в карман, а затем вернул автору. «И здесь не распространяюсь более», – едко заметил Липранди⁴⁵².

и военных выступлений 1825–1826 гг. СПб., 2004. С. 421–432, 625.

⁴⁴⁵ Корф М. А. Указ. соч. С. 464.

⁴⁴⁶ Гроссман Л. П. Достоевский. М., 1963. С. 145.

⁴⁴⁷ В одной из монографий ошибочно указано, что в Следственной комиссии заседал «жандармский генерал Ростовцев» (Пустильник Л. С. Жизнь... С. 59–60).

⁴⁴⁸ Бельчиков Н. Ф. Указ. соч. С. 215.

⁴⁴⁹ Егоров Б. Ф. Возникновение... С. 14.

⁴⁵⁰ Федосов И. А. Указ. соч. С. 287.

⁴⁵¹ Возный А. Ф. Указ. соч. С. 23.

⁴⁵² Волгин И. Л. Пропавший заговор. С. 332.

Попутно отметим, что Л. А. Перовский и И. П. Липранди, возможно, и сами допускали изъятие документов, компрометировавших близких им людей. «Нравственный участник» (по собственному определению) кружков петрашевцев, писатель и критик П. В. Анненков поведал о спасении будущего товарища министра внутренних дел и деятеля «великих реформ» Н. А. Милютина: «...свидетельство о нем, по связям Милютина с Перовским и Киселевым, было утаено или, как говорили, даже выкрадено известным И. Липранди, следователем, который на других выместил эту поблажку»⁴⁵³.

Широко известен эпизод допроса Ф. М. Достоевского, впервые описанный ранним биографом писателя О. Ф. Миллером и многократно воспроизведенный в позднейших исследованиях: «Федор Михайлович припоминал, что ген [ерал] Ростовцев предложил ему рассказать все дело. Достоевский же на все вопросы комиссии отвечал уклончиво. Тогда Я. И. Ростовцев обратился к нему со словами: “Я не могу поверить, чтобы человек, написавший «Бедных людей», был заодно с этими порочными людьми. Это невозможно. Вы мало замешаны, и я уполномочен от имени государя объявить вам прощение, если вы захотите рассказать все дело”. “Я, – вспоминал Ф. М., – молчал”. Ростовцев, вскричав: “Я не могу больше видеть Достоевского”, – выбежал в другую комнату и заперся на ключ, а потом спрашивал: “Вышел ли Достоевский? Скажите мне, когда он выйдет, – я не могу его видеть”. Достоевскому это казалось напускным»⁴⁵⁴. Эпизод действительно чрезвычайно театрален. Одни исследователи считают, что описанное после слов «Вы мало замешаны...» действие «мало вероятно» (Н. Ф. Бельчиков); другие, признав, что «оно не находит подтверждения ни в одном из известных источников», тем не менее «не рискнули бы настаивать» на его «безусловной апокрифичности» (И. Л. Волгин)⁴⁵⁵.

Думается, что первая трактовка всё же ближе к истине. Ростовцев – поэт, но это в прошлом. Сейчас и здесь он – высокопоставленный сановник, член Следственной комиссии, назначенный монархом. Беготня и выкрики из-за закрытых дверей смешны и нелепы. Письменный отзыв следователя Ростовцева о подследственном Достоевском сух и конкретен: «Умный, независимый, хитрый, упрямый...»⁴⁵⁶.

С другой стороны, Достоевского его противостояние с Ростовцевым (а отношения подследственного со следователем – всегда противостояние), очевидно, не оставило равнодушным. С прочими следователями его ничто не связывало, не сближало. С Ростовцевым же они оба – литераторы, примерно в одном возрасте оказавшиеся замешанными в сложные политические коллизии. Но теперь один из них – следователь, а другой – подследственный. Позднее, замышляя новое произведение, Достоевский запишет: «Роман о петрашевцах. Алексеевский равелин. Ростовцев. Филиппов. Головинский. Тимковский»⁴⁵⁷. Из четырех названных лиц трое – петрашевцы. Из числа следователей отмечен лишь один. Несколько проясняет суть отношения Достоевского к Ростовцеву запись в «Дневнике писателя» за 1876 г.: «Меж тем с исчезновением декабрист<ов> исчез как бы чистый элемент дворянства. Остался цинизм: нет, дескать, честно-то, видно, не проживешь. Явилась условная честь (Ростовцев) – явились поэты»⁴⁵⁸.

Многие петрашевцы отмечали сочувственное отношение Я. И. Ростовцева к ним самим или к иным подследственным. Вопрос об искренности этих чувств они решали по-разному.

Так, П. П. Семенов писал о заступничестве Я. И. Ростовцева за будущего идеолога панславизма Н. Я. Данилевского: «Данилевский неминуемо подвергся бы общей участи со всеми

⁴⁵³ Анненков П. В. Указ. соч. С. 500.

⁴⁵⁴ Бельчиков Н. Ф. Указ. соч. С. 200.

⁴⁵⁵ Волгин И. Л. Колеблюсь... С. 133.

⁴⁵⁶ Бельчиков Н. Ф. Указ. соч. С. 86.

⁴⁵⁷ Гроссман Л. П. Указ. соч. С. 106.

⁴⁵⁸ Волгин И. Л. Пропавший заговор. С. 387.

другими подсудимыми, приговоренными к смертной казни, если бы судная комиссия, одним из влиятельнейших членов которой был Я. И. Ростовцев, пересмотрев дело следственной комиссии, не обратила особенного внимания на то, что Данилевский обвинялся только в чтении лекций о социализме на собраниях у Петрашевского, и что в деле находилось изложение этих лекций, сделанное самим Данилевским. Я. И. Ростовцев прочел все объяснение Данилевского, в котором он... с необыкновенной логикой изложил учение Фурье. По прочтении увлекательного и проникнутого глубоким убеждением в непреложности теории Фурье изложения Данилевского Ростовцев и другие члены судной комиссии убедились, что Фурье никогда не проповедовал ничего революционного, а напротив, предлагал правительствам устроить для блага человечества фаланстерии. <...> Впоследствии Ростовцев говорил в шутку, что по прочтении увлекательных объяснений Данилевского все члены судной комиссии сделали сами более или менее фурьеристами. Данилевский был оправдан судною комиссиею, но, по докладе государю, в котором комиссия отозвалась с похвалою об уме и разносторонней образованности Данилевского, государь выразился, что чем умнее и образованнее человек, тем он может быть опаснее, а потому положил резолюцию об административной ссылке Данилевского в Вологду»⁴⁵⁹.

Сам П. П. Семенов аресту не подвергался. Это объясняет очевидную ошибку: Ростовцев являлся членом не «судной комиссии», а именно «следственной». Однако едва ли мемуарист без достаточных на то оснований упорно подчеркивал роль Ростовцева в оправдании своего друга.

По свидетельству Д. Д. Ахшарумова, «Ростовцев интересовался одним вместе с нами арестованным офицером Московского полка (фамилию я не помню), о котором я упоминал, как о заслуживающем от правительства награды, а не наказания. Он и не был впоследствии в числе обвиненных»⁴⁶⁰. Вероятно, речь идет об освобожденном в числе первых Д. А. Кропотове. На следствии Кропотов обвинял во всем Петрашевского, одновременно отзываясь о нем как о полупомешанном.

К самому Д. Д. Ахшарумову Я. И. Ростовцев также отнесся с сочувствием: «“Ахшарумов, – сказал мне справа сидевший за столом генерал, это был Ростовцев, как я узнал впоследствии, – мне жаль вас! Я знал вашего отца, он был заслуженный генерал, преданный государю, а вы, сын его, сделали участником такого дела!” Обращаясь ко мне с этими словами, он смотрел на меня пристально, как бы с участием, и в глазах его показались слезы. Меня удивило это участие незнакомого мне лица, и оно показалось мне искренним»⁴⁶¹.

Искренней, но неудачной оказалась попытка Я. И. Ростовцева помочь штабс-капитану Ф. Н. Львову, которого он знал и любил с детства. По сути, Львов сам лишил себя этой помощи. Первоначально ошибочно вместо петрашевца арестовали его сослуживца, штабс-капитана П. С. Львова. В этой ситуации Ф. Н. Львову следовало добровольно явиться в Следственную комиссию, чего он не сделал. Его товарищ И. И. Венедиктов писал позднее: «Когда открылась комиссия, и был введен арестованный Львов, то Ростовцев сказал громко: “Ну вот, я говорил, что это не может быть мой”. Эта поспешно высказанная и оказавшаяся ошибочною уверенность, конечно, лишила Львова того более теплого отношения, на какое он мог рассчитывать со стороны влиятельного Ростовцева»⁴⁶².

Возможно, именно эта перемена вызвала ответное недоверие Ф. Н. Львова, вспоминавшего: «Одним из обыкновенных приемов их <следователей. – В. Ш. > политики было то, что один член начинал нападать, угрожать даже, а другой отстаивать и как бы ссориться со своим сочленом, для того чтобы приобрести расположение к себе подсудимого, и если этот маневр

⁴⁵⁹ Семенов-Тянь-Шанский П. П. Указ. соч. С. 93.

⁴⁶⁰ Ахшарумов Д. Д. Указ. соч. С. 197–198.

⁴⁶¹ Там же. С. 195.

⁴⁶² Венедиктов И. И. За шестьдесят лет // Первые русские социалисты. С. 128.

удавался, то в келейной беседе друг-следователь старался выудить из неопытного юноши все, что было нужно. <...> “Что с ним церемониться, – говорил Гагарин про Спешнева, – надобно его под палки поставить!” Но Ростовцев закричал, что он этого не позволит, потому что Спешнев еще дворянин, хотя и преступный»⁴⁶³.

Сам Н. А. Спешнев отмечал, что Я. И. Ростовцев при допросах «журил тех петрашевцев, которые получили образование в военно-учебных заведениях, а остальных касался мало»⁴⁶⁴. Однокашник Петрашевского и Энгельсона по Александровскому лицу, а затем вольнослушатель Петербургского университета, очевидно, относил себя к «остальным».

Без сантиментов вспоминал контакты со следователем Ростовцевым и П. А. Кузмин. Будучи штабс-капитаном Генерального штаба, он, тем не менее, полагал, что «Ростовцев, Дубельт и Долгорукий, как военные генералы, воспитанные в дисциплине, отрешающейся от всякого рассуждения о предметах, на которые не было непосредственного указания в особом предписании, в особенности этот догмат считали они обязательным для младших». Он вспоминал о своих пререканиях со следователями: «Ростовцев... вскричал, заикаясь: “Вместо того чтоб говорить дерзости, вы должны бы на коленях просить помилования!” Я на это говорю, что могу стоять на коленях только перед женщиною или на молитве перед богом, а в нем я не вижу ни того, ни другого. Ростовцев спрашивает: “А перед государем?” Я отвечаю, что его здесь нет. Ростовцев говорит: “Мы его генерал-адъютанты”. Я на это говорю: “Так не перед вами ли стать на колени? Вы, ваше превосходительство, а не я, позволяете себе делать дерзости человеку, который того не заслуживает и находится в состоянии бессилия”». Позднее штабс-капитан просил Ростовцева и Гагарина «исходатайствовать как милость высочайшее разрешение отправить... рядовым на Кавказ», но оба генерала уговаривали его «отступить от этой мысли». При объявлении же Кузмину об освобождении из крепости «Ростовцев по своей педагогической деятельности пустился в советование... проситься на Кавказ, дабы загладить свое преступление». На это петрашевец отвечал, что комиссия нашла его «совершенно невинным... следовательно, о заглаживании какого преступления его превосходительство говорит – я не знаю»⁴⁶⁵.

Самые негативные отзывы о поведении Я. И. Ростовцева на следствии 1849 г. оставил И. Л. Ястржембский, преподававший в институте Корпуса путей сообщения, следовательно, бывший его подчиненным: «Генерал Ростовцев видимо старался принять вид участия и сострадания, причем высказывался в характере доброго и очень вежливого начальника, не очень взыскательного по части служебного этикета. Однако, по крайней мере, по отношению ко мне, это ему не вполне удалось. Он мне показался слабохарактерным и двуличным человеком»⁴⁶⁶. В другой раз петрашевец отметил «сладенький тон» и «инквизиторское ехидство» своего начальника и следователя. Однако когда Гагарин стал кричать на подследственного, тот обратился за помощью именно к Ростовцеву: «“Ваше превосходительство, Яков Иванович, ведь это называется пристрастным допросом, который русскими законами не допускается. Я обращаюсь к вам как к моему начальнику, прося защиты, протестую и прошу, чтобы мой протест был записан в протокол”»⁴⁶⁷. «“Ужели вы, г[осподин] Ястржембский, не видели, что собиравшиеся у Петрашевского были заговорщики и изменники?”», – спрашивал Я. И. Ростовцев «с приторно-сладенькой улыбкой»⁴⁶⁸. Вполне вероятно, что эта фраза передана без искажений. В декабре 1825 г. Ростовцев в своем знаменитом послании предостерегал великого князя Нико-

⁴⁶³ Львов Ф. Н., Буташевич-Петрашевский М. В. Указ. соч. С. 52.

⁴⁶⁴ Бельчиков Н. Ф. Указ. соч. С. 217.

⁴⁶⁵ Кузмин П. А. Указ. соч. С. 295, 297–298, 307–308.

⁴⁶⁶ Ястржембский И. Л. Мемуар петрашевца // Первые русские социалисты. С. 158.

⁴⁶⁷ Бельчиков Н. Ф. Указ. соч. С. 216–217.

⁴⁶⁸ Ястржембский И. Л. Указ. соч. С. 156.

лая Павловича: «Пользуясь междоусобиями, Финляндия, Грузия, Польша, а, может быть, и Литва от нас отделятся...»⁴⁶⁹ Сепаратистские намерения окраин для Ростовцева – угроза существованию российского государства и благоденствию русской нации. В искренности этой части послания сомневаться не приходится. У новых кружковцев подход к национально-освободительным движениям был принципиально иной. По мнению М. В. Петрашевского, Финляндия «при каком-нибудь движении у нас, сама, без поощрения будет помогать нашим интересам, стараясь отделиться»⁴⁷⁰.

Не приветствовал следователь Я. И. Ростовцев и расширение круга арестованных. Уже после первых арестов был получен донос Ф. Ф. Вигеля об одном из филиальных кружков петрашевцев, собиравшемся у «известного переводчика Диккенса» И. И. Введенского. Однако, по словам С. А. Венгерова, автора статьи о Петрашевском в Энциклопедическом словаре Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона, «отсутствие точных сведений у Липранди, а всего более заступничество Ростовцева, очень любившего Введенского, спасли последнего и друзей его». Среди «друзей» был и студент Н. Г. Чернышевский⁴⁷¹.

Вернемся к «Мнению», поданному И. П. Липранди на имя председателя Следственной комиссии. Липранди не мог не понимать, сколь ничтожна доказательная база его записки. Фактов, свидетельствующих о существовании разветвленного заговора, не было. Заблаговременно защищаясь от критики, он утверждал, что аресты отсекали лишь «некоторые нити этого зла», а его корень «разросся крепко, яд, можно сказать, разлился повсюду и напитал собою весь воздух общественной жизни, или, вернее сказать, то, что составляет наше общественное образование». Для искоренения зла, согласно расчетам Липранди, требовалось 10–20 лет. Разумеется, такие сроки отводились не для простого полицейского расследования: «Ныне корень зла состоит в идеях, и я полагал, что с идеями должно бороться не иначе, как также идеями, противопоставляя мечтам истинные и здравые о вещах понятия, изгоняя ложное просвещение – просвещением настоящим, преобразуя училищное преподавание и самую литературу в орудие, разбивающее и уничтожающее в прах гибельные мечты нынешнего вольномыслия или, лучше сказать, сумасбродства»⁴⁷².

В намеченной И. П. Липранди программе основная роль отведена не репрессиям против адептов «вольномыслия», а воспитанию молодого поколения. За одно-два десятилетия предполагалось вырастить поколение, устойчивое к влиянию радикальных западных идей. «Весьма важным обстоятельством казалось мне и то, – писал Липранди, – что главную роль в этом обществе играли наставники и воспитатели юношества, которых общество по испытанию в образе мыслей и в правилах старалось помещать повсюду. Тут цель, имевшаяся в виду, и последствия, какие от того ожидались, слишком очевидны, так что нет нужды о том распространяться: один такой учитель ежегодно мог приготовить в своих идеях десятки, сотни молодых людей, которые после рассылались во все концы государства»⁴⁷³.

Возможно, с помощью данного пассажа И. П. Липранди не только убеждал следователей привычным для эпохи аргументом («Идеи правят миром»), но и пытался воздействовать лично на Я. И. Ростовцева. В приложениях к «Мнению» он подчеркивал, что подчиненный Ростовцева, преподаватель русской словесности в Главном инженерном училище и учитель истории в школе кантонистов, петрашевец Ф. Г. Толь «говорил, что “лица, которым вверена власть при-

⁴⁶⁹ Декабристы. Биографический справочник. М., 1988. С. 312. В других сохранившихся редакциях письма к этому перечню добавлена еще Бессарабия (Ильин П. В. Между заговором и престолом: Я. И. Ростовцев в событиях междоусобия 1825 года. СПб., 2008. С. 263, 265).

⁴⁷⁰ Лейкина-Свирская В. Р. Указ. соч. С. 105.

⁴⁷¹ Милоков А. П. Федор Михайлович Достоевский // Первые русские социалисты. С. 132; Возный А. Ф. Петрашевский... С. 45–46.

⁴⁷² Липранди И. П. Указ. соч. С. 32, 33.

⁴⁷³ Там же. С. 30.

смотра за воспитанием, все по большей части дураки и поступками своими приносят пользу не правительству, а нашим же идеям, вооружая молодых людей противу себя и глупых уставов, ими же составленных”. Особенно напал на ген[ерал]. – ад[ъютанта]. Ростовцева, называя его скотом и пр.»⁴⁷⁴. Зная обидчивость и импульсивность Ростовцева, можно было рассчитывать, что это известие настроит его против подследственных весьма агрессивно.

Однако ни доводы, ни интриги Липранди не возымели действия на членов Следственной комиссии. Спустя ровно месяц после появления его «Мнения», 17 сентября 1849 г., комиссия подготовила всеподданнейший доклад, в котором говорилось: «...рассуждения Липранди основаны на тех предположениях, которые он извлекал из донесений агентов, но по самом тщательном исследовании, имеют ли связь между собою лица разных сословий, которые в первоначальной записке представлены как бы членами существующего тайного общества, комиссия не нашла к тому ни доказательств, ни даже достоверных улик, тогда как в ее обязанности было руководствоваться положительными факторами, а не гадательными предположениями. <...> Организованного общества пропаганды не обнаружено... хотя были к тому неудачные попытки. <...> Комиссия, когда имела только в виду одни донесения агентов, была вместе с Липранди убеждена в существовании подобного общества и сближалась в заключении с теми предположениями, которые выведены ныне Липранди, но она должна была уступить силе доказательств... и потому всеобъемлющего плана общего движения, переворота и разрушения, не нарушив своих обязанностей в настоящем деле, признать она не могла»⁴⁷⁵.

Не случайно Д. Д. Ахшарумов встревожился, узнав, что их дело передано из Следственной комиссии в Военно-судную комиссию, созданную 24 сентября и приступившую к работе 30 сентября: «Тут пожалел я и князя Гагарина, и Долгорукова, и Ростовцева, и Набокова, и Дубельта... Их нашли слишком к нам снисходительными!»⁴⁷⁶ Непонимание, что в их деле наступил качественно новый этап, для петрашевца простительно: процессуальный порядок вырабатывался «согласно прежним примерам». Для декабристов такими примерами послужили процессы В. Я. Мировича 1764 г., участников «чумного бунта» 1771 г. и Е. И. Пугачева 1775 г., для петрашевцев – процесс декабристов. Между тем самих декабристов даже не оповестили о создании Верховного уголовного суда, призванного рассмотреть их дело⁴⁷⁷. При объявлении приговора они удивлялись: «Как, разве нас судили?»⁴⁷⁸

Об учреждении Военно-судной комиссии 1849 г. М. А. Корф отозвался следующим образом: «Этим комическим преступникам государь не рассудил сделать чести, явленной злоумышленникам 1825 года, т. е. учредить о них Верховный уголовный суд, а вместо того приказал составить нечто новое – суд смешанный: из трех генерал-адъютантов и трех сенаторов, под председательством генерал-адъютанта же, бывшего Оренбургского генерал-губернатора Василия Алексеевича Перовского»⁴⁷⁹.

Родной брат министра внутренних дел В. А. Перовский – еще один бывший член Военного общества и Союза благоденствия. Членами комиссии стали генерал-адъютанты А. Г. Строганов, Н. Н. Анненков, А. П. Толстой и сенаторы И. А. Лобанов-Ростовский, А. Ф. Веймарн, Ф. А. Дурасов.

Создание Военно-судной комиссии не сулило ничего хорошего подсудимым, большинство которых было людьми штатскими. В их среде начали циркулировать слухи о беспринципности братьев Перовских. В частности, В. А. Энгельсон писал: «Министр внутр[енних] дел

⁴⁷⁴ Там же. С. 51.

⁴⁷⁵ Бельчиков Н. Ф. Указ. соч. С. 222; Лурье Ф. М. Полицейские и провокаторы. С. 69–70.

⁴⁷⁶ Ахшарумов Д. Д. Указ. соч. С. 240.

⁴⁷⁷ Федоров В. А. «Своей судьбой гордимся мы...». Следствие и суд над декабристами. М., 1988. С. 214–215.

⁴⁷⁸ Штейнгейль В. И. Сочинения и письма. Т. 1. Иркутск, 1985. С. 171.

⁴⁷⁹ Корф М. А. Указ. соч. С. 498.

Перовский внушает большой страх своим соперникам в соискании царских милостей, потому что его считают человеком, который ловко умеет устраивать свои дела. Он и его брат, генерал-адъютант Перовский (прославившийся своей неудачной экспедицией в Хиву), – незаконные дети графа Разумовского. Его законный сын был лишен наследства и заключен в Спасо-Ефимьевский монастырь во Владимирской губ[ернии], под предлогом неуважения к матери Перовских; его держали в монастыре больше 15 лет. Говорят, что он сошел с ума»⁴⁸⁰. В действительности признаки душевной болезни у К. А. Разумовского проявились еще в 1804 г., в 1806 г. он был помещен в Шлиссельбургскую крепость, а в 1808 г. переведен в упомянутый монастырь в Суздале. По слухам, причиной ареста и последующего монастырского заключения послужил выстрел, произведенный из пистолета в спину сидевшего на козлах ямщика. Перовские в то время были слишком юны (Лев родился в 1792 г., а Василий – в 1795 г.), чтобы повлиять на судьбу единокровного брата. К тому же у А. К. Разумовского были и другие законные дети⁴⁸¹, и именно к ним, а не к Перовским, отходили все права на наследство.

У М. В. Петрашевского имелась особая причина опасаться необъективности В. А. Перовского. В 1844 г. в Александровском лицее был обнаружен текст либретто к опере-буфф «Поход в Хиву», высмеивавший неудачу Перовского. Сочинителем оказался лицеист А. М. Унковский. Вместе с двумя товарищами он посещал Петрашевского, пытавшегося в то время получить в Лицее место преподавателя. Лицейское начальство свалило всю вину на Петрашевского, заявив, что он завлекал юнцов «смутным обаянием новых идей». Генерал-губернатор А. А. Кавелин значения этой истории не придавал, но А. Ф. Орлов впервые учредил за Петрашевским негласный надзор. Спустя два месяца надзор был снят, не обнаружив ничего предосудительного. Унковского исключили из Лицея, его товарища Константинова подвергли телесному наказанию. «Кто знает, если бы не обыск в Лицее в 1844 г., то в 1848 г. я угодил бы вместе с Петрашевским в Сибирь, на каторгу», – размышлял позднее А. М. Унковский, ставший видным деятелем крестьянской реформы 1861 г.⁴⁸²

Военно-судной комиссии надлежало ознакомиться с содержанием девяти тысяч страниц следственного дела, а царь торопил с вынесением приговора. В этой ситуации В. А. Перовский велел приготовить для комиссии краткие записки обо всех подследственных. Каждому обвиняемому после прослушивания «своей» записки предлагалось подписаться под словами «Я, нижеподписавшийся, сим свидетельствую, что ничего не могу привести в свое оправдание». Когда Ястржембский отказался ставить подпись, Перовский «с невыразимо язвительной улыбкой сказал на прощанье: “Так вы не виноваты? В таком случае ступайте и спите спокойно”»⁴⁸³.

Такая форма судебного заседания показывала, что судьи уже сделали вывод о степени виновности каждого подсудимого и ожидали от них лишь согласия с предъявленными обвинениями. Однако эта форма еще ничего не говорит о сути обвинений, о выводах комиссии. Тот же Ястржембский вспоминал, что «из верного источника... слышал, что судебная комиссия решила: по недостатку доказательств от ответственности нас освободить»⁴⁸⁴. Избежавший наказания В. А. Энгельсон приводил несколько иные сведения, но и они говорили о гуманности комиссии: «Что касается 23-х, преданных суду, то все думали, что их приговорят самое большее к отдаче в солдаты на Кавказ или, в крайнем случае, к ссылке в Сибирь на поселение.

⁴⁸⁰ Энгельсон В. Статьи... С. 37–38; *Его же*. Петрашевский. С. 71.

⁴⁸¹ Дворянские роды России. СПб., 1995. Т. II. С. 199, 203; Оренбургский губернатор Василий Алексеевич Перовский: Документы. Письма. Воспоминания. Оренбург, 1999. С. 27; *Муравьева И. Б.* Оренбургский военный губернатор В. А. Перовский и его родственное окружение // Сплетались времена, сплетались страны. Сб. Уральского генеалогического общества. Вып. 25. СПб., 2009. С. 8–9.

⁴⁸² *Федосов И. А.* Указ. соч. С. 278–279; *Лейкина-Свицкая В. Р.* Указ. соч. С. 17–18; *Егоров Б. Ф.* Возникновение... С. 27–28; *Его же*. Петрашевцы. С. 53, 59, 108; *Возный А. Ф.* Указ. соч. С. 41–44.

⁴⁸³ *Ястржембский И. Л.* Указ. соч. С. 166–167.

⁴⁸⁴ Там же. С. 168.

Таково было, по-видимому, и намерение судной комиссии под председательством генерала Перовского (брата министра внутренних дел). Но государь, узнав об этом, пришел в ярость: «Если суд будет столь милостив, то мне останется действительно, пользуясь правом помилования, совершенно простить преступников!»⁴⁸⁵

Ради царского гнева и в надежде на будущую царскую милость комиссия В. А. Перовского осудила пятнадцать человек на смертную казнь, пятерых – на каторгу, одного – на поселение, двоих освободила, оставив в подозрении. Но Николая I не удовлетворил и этот приговор. К всеобщему удивлению, он направил его на предварительное утверждение не в Сенат, а в высший военный суд – генерал-аудиториат. По словам В. А. Энгельсона, «царь приказал возобновить процедуру суда и судить на этот раз не по общему уголовному своду, а по *военным законам*. Суд приговорил всех к расстрелу»⁴⁸⁶. Это почти правда. Из 23 петрашевцев столь жестокого приговора избежали только двое. Николай I повелел совершить «обряд смертной казни», объявив о замене ее иными наказаниями в последний момент.

Попытку В. А. Перовского спасти одного из петрашевцев отметим особо. Бывший вольнослушатель Петербургского университета, отчисленный за «неблаговидное поведение», Александр Ханыков приходился младшим братом оренбургских помощников Перовского – чиновника особых поручений и будущего оренбургского гражданского губернатора Я. В. Ханыкова и выдающегося востоковеда Н. В. Ханыкова. Александр Ханыков познакомил с учением Фурье своего университетского товарища Н. Г. Чернышевского, за что тот прозвал его «ужасным пропагандистом». Военно-судная комиссия определила А. В. Ханыкову в качестве наказания четырехгодичный срок каторги. Генерал-аудиториат приговорил к расстрелу⁴⁸⁷.

22 декабря 1849 г. в Петербурге на Семеновском плацу был совершен «обряд казни». Трое осужденных – М. В. Петрашевский, Н. А. Момбелли и Н. П. Григорьев – были уже привязаны к столбам перед расстрельной командой. «Наконец становится известно, что все это было простым фарсом, декорацией, лишним парадом, устроенным Его величеством. Генерал Ростовцев объявляет приговоренным, что царь дарует им жизнь. Напршивается мысль, что из всех генералов был выбран именно этот для объявления милости потому, что он был заикою», – писал В. А. Энгельсон⁴⁸⁸. Петрашевского заковали в кандалы и прямо с эшафота отправили в Сибирь. Согласно монаршей конфирмации, часть петрашевцев последовала за своим лидером, другая очутилась в арестантских ротах.

Среди последних были четверо кружковцев, зачисленных в рядовые Оренбургского корпуса: выпускник Училища правоведения В. А. Головинский, поэт А. Н. Плещеев, московский мещанин П. Г. Шапошников и упомянутый выше А. В. Ханыков. В начале 1850 г. их доставили в Оренбург. Через год Головинского перевели на Кавказ⁴⁸⁹. А 29 мая 1851 г. на службу в Оренбург вернулся генерал-губернатор В. А. Перовский⁴⁹⁰. Отныне судьбы трех осужденных при его участии людей оказались в его же ведении.

5 января 1850 г. А. В. Ханыков поступил в 5-й Оренбургский линейный батальон, расквартированный в Орской крепости. Здесь он сблизился с рядовыми из числа ссыльных поляков и молодыми русскими офицерами. Вероятно, к этому же кружку до отъезда из Орска в сентябре 1850 г. примыкал и ссыльный Т. Г. Шевченко⁴⁹¹. Кружок был разгромлен, после чего В. А. Перовский писал о Ханыкове Л. В. Дубельту: «Родные сочтут милостию, если он будет сослан в какой-нибудь гарнизон, где люди скоро умирают от болезни, или даже заключен в дом

⁴⁸⁵ Энгельсон В. Статьи... С. 39; *Его же*. Петрашевский. С. 73.

⁴⁸⁶ Энгельсон В. Статьи... С. 39; *Его же*. Петрашевский. С. 73.

⁴⁸⁷ Халфин Н. А., Рассадина Е. Ф. Н. В. Ханыков – востоковед и дипломат. М., 1977. С. 60.

⁴⁸⁸ Энгельсон В. Статьи... С. 40; *Его же*. Петрашевский. С. 74.

⁴⁸⁹ История Башкортостана с древнейших времен до 60-х годов XIX века. Уфа, 1996. С. 414.

⁴⁹⁰ Губернаторы Оренбургского края. Оренбург, 1999. С. 211.

⁴⁹¹ Большаков Л. Н. Оренбургская Шевченковская энциклопедия. 1847–1858. Оренбург, 1997. С. 350–351.

умалишенных: это будет для них легче, чем видеть его в арестантских ротах и каждый день страшиться нового позора». Публикуя это документ, Ф. Г. Никитина дала следующий комментарий: «Братья <Я. В. и Н. В. Ханьковы. – В.Ш.> вновь пишут генералу <В. А. Перовскому. – В. Ш.> письмо с просьбой и на этот раз облегчить участь Александра. Но теперь Перовский напуган – как бы его не заподозрили в Петербурге в покровительстве политическому преступнику, не докопались до того, что именно он внял в 1849 году просьбам братьев Ханьковых. <...> Лучше всего тихо избавиться от ссыльного, занимающегося политической пропагандой. Так в марте 1851 г. появляется это секретное письмо Дубельту»⁴⁹². С такой точкой зрения не согласился С. А. Экштут: «Василий Перовский не только избавил Ханькова от неотвратимого наказания, но и дал ему шанс выслужиться в непрерывно идущих боевых действиях на окраине империи. В то время подобное решение следовало расценивать как безусловную милость. Александр Ханьков – без всяких на то оснований и, подчеркнем, без всякой заслуги – получил возможность отличиться в боях и получить офицерский чин, тем самым вернув себе дворянство и обретя право выйти в отставку»⁴⁹³.

Попутно отметим, что и наказание прочих участников орского кружка нельзя назвать суровым. Их разослали по различным воинским подразделениям – и только. При этом все поляки-солдаты получили возможность выслужиться до унтер-офицерских и офицерских чинов, выйти в отставку и вернуться на родину. Судьба же самого А. В. Ханькова сложилась трагически. Будучи переведен в 1-й Оренбургский линейный батальон в Уральск, он заболел холерой и 30 июня 1853 г. скончался.

Ранее в 1-м Оренбургском линейном батальоне служил А. Н. Плещеев, но в марте 1852 г. он был переведен в 3-й линейный батальон, стоявший в самом Оренбурге. Тогда же в этот город приехала мать поэта, которая, по одной версии, была и прежде знакома с В. А. Перовским⁴⁹⁴, по другой – запаслась рекомендательными письмами от людей, его знавших⁴⁹⁵. Женщина просила о свидании с сыном и об избавлении его от грязных работ. Перовский не был ласков с посетительницей, но свидание разрешил. Более того, в 1853 г. он перевел Плещеева в 4-й линейный батальон, которому предстояло участвовать в походе на кокандскую крепость Ак-Мечеть. За участие в «боевом деле» поэт получил чин унтер-офицера. Оставшись служить в Ак-Мечети, переименованной в том же году в форт Перовский (ныне – казахский город Кзыл-Орда), он в 1856 г. получил офицерский чин. Въезд в столицы Плещееву был запрещен, и Перовский определил его столоначальником Оренбургской пограничной комиссии. Перебраться в Москву поэту удалось лишь в 1859 г.⁴⁹⁶

Бывший московский лавочник П. Г. Шапошников служил в Оренбурге рядовым арестантской роты. В 1855 г. (т. е. также в период генерал-губернаторства В. А. Перовского) он был переведен во 2-й линейный батальон, из которого год спустя уволен с разрешением вернуться в Москву⁴⁹⁷.

В 1849 г., незадолго до передачи дела петрашевцев из МВД в III отделение, Николай I возвел Л. А. Перовского в графское достоинство. По мнению В. А. Энгельсона, так Л. А. Перовский был награжден за раскрытие «заговора» и утешен за изъятие дела из его компетенции: «Министр внутр[енних] дел Перовский имел удовольствие видеть 11 000 листов, запол-

⁴⁹² Никитина Ф. Письмо-приговор // Родина. 1996. № 5. С. 50, 51.

⁴⁹³ Экштут С. Обжалованию подлежит // Там же. С. 54.

⁴⁹⁴ Савельзон В. Л. Оренбургская история в лицах. Оренбург, 2000. С. 72.

⁴⁹⁵ Пустильник Л. С. Жизнь... С. 66.

⁴⁹⁶ Пустильник Л. С. Поэт-петрашевец А. Н. Плещеев. М., 1975. С. 24; *Ее же*. Жизнь... С. 66–67; Савельзон В. Л. Указ. соч. С. 72–73.

⁴⁹⁷ Большаков Л. Н. Указ. соч. С. 368.

ненных протоколом дела, и не менее 500 арестованных, из которых 22 были наказаны публично, а вдвое большее число сослано без суда. За это он получил титул графа»⁴⁹⁸.

Но далеко не все современники признавали взаимосвязь указанных событий. М. А. Корф упоминал получение Л. А. Перовским графского титула в ряду царских милостей, одновременно дарованных иным лицам: «Празднование Пасхи в Москве, соединенное с освящением нового дворца, сопровождалось множеством щедрых и, частью, весьма важных наград, как например: возведением Вронченко и Перовского в графское достоинство, пожалованием Андреевских лент... и т. д.»⁴⁹⁹ Другой мемуарист отмечал, что «Николай Павлович давал относительно легко графское достоинство известным приближенным к нему лицам», и что «из списка министров сороковых годов видно, что все они носили по меньшей мере графский титул; у кого его не было, тот его скоро получал просто как очередную награду между двумя звездами; по крайней мере, таким образом получили графство Вронченко, Перовский, Клейнмихель...»⁵⁰⁰

Так или иначе, но новоиспеченный граф Л. А. Перовский остыл к раздуванию политических дел: для того чтобы обезопасить себя, достаточно было и одного «заговора петрашевцев». В 1849 г. он, например, решительно пресек попытку московского генерал-губернатора А. А. Закревского вынести все промышленные предприятия за пределы города под предлогом политической неблагонадежности рабочих⁵⁰¹.

Проявившему сыскные таланты и служебное рвение И. П. Липранди пришлось в одиночестве доказывать общественному мнению справедливость обвинений, выдвинутых против петрашевцев⁵⁰². По словам В. А. Энгельсона, Липранди «досталась в награду только тысяча рублей», отчего он «тяжко заболел; поднявшись же с одра болезни, пришел в канцелярию министерства внутр[енних] дел и грозил скоро представить новые и еще более неопровержимые доказательства слепоты агентов графа Орлова»⁵⁰³.

Историки А. Ф. Возный и Н. Я. Эйдельман называют одним из недругов, нажитых И. П. Липранди на деле петрашевцев, бывшего члена Союза спасения и Коренного совета Союза благоденствия, главу Межевого корпуса, генерал-лейтенанта Михаила Николаевича Муравьева, впоследствии председателя департамента уделов и министра государственных имуществ. Липранди жаловался, что М. Н. Муравьев говорил с ним «собачье-начальническим тоном». Сын М. Н. Муравьева, чиновник особых поручений при министре внутренних дел Николай Михайлович Муравьев, человек суровый и нетерпимый, распускал слухи о злоупотреблениях Липранди. Последний жаловался Л. А. Перовскому, но министр в отношении подчиненных предпочел не вмешиваться. Между тем такое обвинение было делом серьезным, и как только Перовский ушел с министерского поста в 1852 г., его преемник Д. Г. Бибииков тотчас подвел Липранди под «сокращение штатов»⁵⁰⁴.

Муравьевский же чиновник П. А. Ефремов показывал А. Н. Афанасьеву (оба в будущем – известные литературоведы) «некоторые бумаги по делу Петрашевского, которые в копиях были у М. Н. Муравьева», в том числе «донос Липранди, любопытный потому, что в нем ста-

⁴⁹⁸ Энгельсон В. Статьи... С. 42; *Его же*. Петрашевский. С. 76.

⁴⁹⁹ Корф М. А. Указ. соч. С. 463.

⁵⁰⁰ Из записок и воспоминаний современника // Эпоха Николая I в воспоминаниях и свидетельствах его современников. М., 2001. С. 38.

⁵⁰¹ Ерошкин Н. П. Указ. соч. С. 101–102.

⁵⁰² Надо признать, что И. П. Липранди делал это не без успеха. И сегодня издаются работы, настаивающие на том, что благодаря Липранди был раскрыт важный политический заговор, но соперничество Л. А. Перовского и А. Ф. Орлова помешало дать должный ход делу, в результате чего сам Липранди и пострадал (*Линдер И. Б., Чуркин С. А.* Указ. соч. С. 211).

⁵⁰³ Энгельсон В. Статьи... С. 42; *Его же*. Петрашевский. С. 76.

⁵⁰⁴ Эйдельман Н. Я. Тайные корреспонденты «Полярной звезды». М., 1966. С. 213; *Его же*. Обреченный отряд. М., 1987. С. 383–384; *Возный А. Ф.* Указ. соч. С. 123–125.

рается он придать делу большую важность и значение, нежели оно имело, и по тому, с каким иезуитским искусством защищает он звание шпиона».

По версии Н. Я. Эйдельмана, П. А. Ефремов переслал эти бумаги А. И. Герцену в Лондон, и они были опубликованы в VII книге «Полярной звезды». Но если за этой интригой действительно стоял Муравьев, то была ли она направлена против Липранди? Последний не скрывал свое «Мнение», поскольку в этом документе была представлена вся аргументация обвинения петрашевцев, а, следовательно, оправдания автора. Секретный документ распространялся в списках, вероятно, по инициативе самого Липранди. В 1872 г., будучи уже в преклонных годах, он лично передал документы дела петрашевцев историку М. И. Семевскому для публикации в «Русской старине»⁵⁰⁵.

Бедствовавшего после увольнения из МВД И. П. Липранди прежний покровитель Л. А. Перовский взял на службу в министерство уделов. В ноябре 1856 г. Перовский скончался. Новым министром уделов был назначен «всенеспособнейший и всепустейший» В. Ф. Адлерберг. Фактическим же руководителем министерства стал новый председатель департамента уделов М. Н. Муравьев⁵⁰⁶. Почти весь срок службы Муравьева в этой должности Липранди оставался причисленным к департаменту и только в 1861 г., в возрасте семидесяти лет, вышел в отставку. Этот факт также плохо согласуется с версией о враждебном отношении Муравьева к Липранди.

Уже упоминавшийся выше бывший член Петербургского филиала Южного общества светлейший князь Александр Аркадьевич Суворов, занимавший в 1861–1866 гг. пост петербургского генерал-губернатора, взял под свое покровительство вернувшегося из Сибири Ф. Н. Львова. «Львову удалось получить разрешение на отпуск в Рязань, но он рискнул направить свой путь через Петербург, где и явился прямо к Суворову, – вспоминал И. И. Венедиктов. – Добрейший князь причислил его немедля к своей канцелярии, чем вызвал страшную против себя бурю со стороны шефа жандармов; но, вынеся множество неприятностей и нахлобучек, как сам выражался, отстоял за Львовым право остаться в Петербурге»⁵⁰⁷.

Об этой «буре» Ф. Н. Львов рассказывал другому петрашевцу – А. И. Пальму: «...ко мне является вестник от жандармерии и объявляет приказание в двадцать четыре часа выехать из Петербурга, так как в столицах мне проживать якобы запрещено. Я, признаюсь, растерялся, однако отвечал наотрез, что без разрешения начальника, у которого состою на службе, выехать не могу. Посланный удалился с угрозой. Я – к нашему князю. Рассказываю: так и так, изгоняют. <...> Он сейчас же приказал дать мне штатное место в канцелярии и поселить в доме генерал-губернатора, а к шефу жандармов написал самое любезное письмо, что “такой-то Львов служит у меня в канцелярии и очень мне нужен; что живет он в моем доме, стало быть, постоянно состоит под самым бдительным надзором полиции...”. Таким образом, вот я тут и процветаю благополучно»⁵⁰⁸.

Никто и никогда не рассматривал помощь, оказанную А. А. Суворовым Ф. Н. Львову или В. А. Перовским – А. В. Ханькову и А. Н. Плещееву, как свидетельство сочувствия этих сановников идеям социализма, взглядам членов кружков петрашевцев. Иначе расценивалась поддержка петрашевцев ссыльными декабристами в Сибири. Так, контакты семьи Фонвизиных с петрашевцами в Тобольске стали основой для важного вывода об «идейной солидарности <декабристов. – В.Ш.> с петрашевцами, в которых первые русские революционеры увидели

⁵⁰⁵ Эйдельман Н. Я. Тайные корреспонденты... С. 217, 219–220; Его же. Обреченный отряд. С. 385; Его же. Из потаенной истории России... С. 457.

⁵⁰⁶ Долгоруков П. В. Петербургские очерки: Памфлеты эмигранта. М., 1992. С. 322–323.

⁵⁰⁷ Венедиктов И. И. Указ. соч. С. 130.

⁵⁰⁸ Пальм А. И. Федор Николаевич Львов // Первые русские социалисты. С. 124–125.

продолжателей своего дела, младших братьев, единомышленников по общей борьбе за социальные преобразования крепостнической России»⁵⁰⁹.

Действительно, жена декабриста Н. Д. Фонвизина отнеслась к прибывшим в Тобольск осужденным кружковцам с живейшим участием, да и сам М. А. Фонвизин встречался с ними. Но та же Фонвизина сообщала в письме, отправленном с «верной оказией» в мае 1850 г. деверю И. А. Фонвизину (бывшему члену Союза благоденствия, жившему в своем подмосковном имении): «Социализм, коммунизм, фурьеризм были совершенно новым явлением для прежних либералов, и они даже как-то дико смотрели на новые жертвы новых идей. <...> Не искала я нисколько перелить в них мои задушевные убеждения. Но Господь такую нежную материнскую любовь к ним влил в мое сердце, что и на их сердцах это отразилось»⁵¹⁰.

В марте того же года М. А. Фонвизин в письме А. Ф. Бригену фактически повторил измышления И. П. Липранди: «23 осужденных на смерть в декабре – лишь наименьшая часть массы социалистов, распространенной во многих губерниях. <...> Уверяют, что среди русских социалистов есть люди всех сословий, даже молодые священники, получившие образование в духовных академиях»⁵¹¹. С 1849 по 1851 г. Фонвизин работал над статьей «О коммунизме и социализме» и пришел к выводу, что в своем западноевропейском варианте «это несбыточные мечты-утопии, которые не устоят перед судом здравой критики», и что «самые попытки осуществить подобные мечты угрожают обществу разрушением, возвращением его в состояние дикости и окончательно самовластную диктатурую одного лица, как необходимым последствием анархии»⁵¹².

«Милость к падшим» – не более, но и не менее – вот основной побудительный мотив помощи осужденным петрашевцам, оказанной как репрессированными, так и избежавшими репрессий декабристами.

Итак, прежние участники декабристских тайных обществ были причастны к делу петрашевцев фактически на всех этапах его развития. Министр внутренних дел Л. А. Перовский, выступивший в середине 1840-х гг. с рядом либеральных инициатив, оказался перед угрозой опалы в условиях ужесточения политического режима в 1848–1849 гг. Стремясь перехватить инициативу у III отделения и направить вектор репрессий в безопасную для себя сторону, Л. А. Перовский и руководитель его «контрполиции» И. П. Липранди преувеличили политическое значение кружков петрашевцев. Выбор М. В. Петрашевского «жертвою вечернею» был в известной степени случаен: на его месте могли оказаться, например, В. И. Даль или Н. И. Надеждин, если бы не служили в МВД. Следователи и судьи (в их числе Я. И. Ростовцев и В. А. Перовский) не проявляли особого рвения в «раскрутке» дела, по сути лишь потворствуя желанию монарха открыть политический заговор внутри страны. Они же способствовали смягчению участи как спасшихся от серьезных наказаний, так и уже осужденных петрашевцев. Для Л. А. Перовского было достаточно факта признания заговора, разоблаченного его агентами. В дальнейшем он почти не интересовался ходом процесса. Идею заговора продолжал истово отстаивать один И. П. Липранди, на которого общественное мнение возложило вину в фабрикации всего дела.

⁵⁰⁹ Ретунский В. Ф. Участие декабристов в судьбе ссыльных петрашевцев // Декабристы и Сибирь. Новосибирск, 1977. С. 171.

⁵¹⁰ Громько М. М. Сибирские знакомые и друзья Ф. М. Достоевского. Новосибирск, 1985. С. 75, 79.

⁵¹¹ Фонвизин М. А. Указ. соч. Иркутск, 1979. Т. 1. С. 337–338.

⁵¹² Там же. Т. II. Иркутск, 1982. С. 281, 282.

II. Декабристские союзы, власть и общество

«Для избежания нареканий злобы и зависти действия оного должны производиться в тайне»: мотивы конспирации в Союзе благоденствия

Е. В. Каменев

Л. Д. Троцкий, вспоминая один из эпизодов своей революционной деятельности, писал: «С паспортом отставного прапорщика Арбузова я приехал в феврале в Киев, где в течение нескольких недель переходил с квартиры на квартиру, сперва у молодого адвоката, который боялся своей тени, потом у профессора технологического института, затем у какой-то либеральной вдовы. Одно время я скрывался даже в глазной лечебнице»⁵¹³. Подобная конспирация в действиях социал-демократа неувидительна – от ее продуманности во многом зависел успех его революционной деятельности. Объективные причины для конспирации революционеров рубежа XIX–XX вв. несомненны. Справедливо ли это утверждение по отношению к тем, кто стоял у истоков революционной деятельности в России, – по отношению к движению декабристов? Были ли у декабристов объективные основания для конспирации? Можно ли считать декабристские общества действительно тайными или же тайность являлась лишь данью моде рассматриваемого времени?

В советской историографии конспирация декабристов, обусловленная борьбой с монархией, не вызывала сомнений. По мнению М. В. Нечкиной, декабристские общества противопоставляли себя правительству и, развивая антисамодержавные идеи, являлись конспиративными в полном смысле этого слова⁵¹⁴.

Современные исследователи относятся к конспирации в декабристских обществах с известным скепсисом. Историки подчеркивают тесную связь тайности в деятельности декабристов с эпохой романтизма в культуре⁵¹⁵. В современной историографии говорится о культурной основе тайности, о настоящей общественной моде на тайные объединения, страсти к таинственности⁵¹⁶. Нельзя сбрасывать со счетов и социально-психологический мотив конспирации. По мнению Т. В. Андреевой, конспиративность как тип социальной связи давал декабристам чувство «соузности», защищенности, корпоративности⁵¹⁷.

⁵¹³ Троцкий Л. Д. Моя жизнь. Опыт автобиографии. М., 1991. С. 169.

⁵¹⁴ Нечкина М. В. Движение декабристов. Т. I–II. М., 1955.

⁵¹⁵ Андреева Т. В. Тайные общества в России в первой трети XIX в.: правительственная политика и общественное мнение. СПб., 2009; Бокова В. М. Эпоха тайных обществ. М., 2003; Жуковская Т. Н. Правительство и общество при Александре I. Петрозаводск, 2002.

⁵¹⁶ Андреева Т. В. Указ. соч. С. 256–257; Бокова В. М. Указ. соч. С. 210.

⁵¹⁷ Андреева Т. В. Указ. соч. С. 256–257.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.